

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ВОЕННЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**Сборник докладов молодых ученых и аспирантов на
конференции ИМЭМО РАН 16 апреля 2009 г.**

**Москва
ИМЭМО РАН
2009**

УДК 338
ББК 65.9 (2)-98
Полити 504

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 г.

Редакционная коллегия: д.полит.н. А.Г.Савельев (председатель), д.э.н., проф.
Р.А.Фарамазян, д.э.н. Л.В.Панкова, к.и.н. С.К.Ознобищев, С.В.Целицкий.

Полити 504

«Политические, военные и экономические факторы обеспечения безопасности в современных условиях» (Сборник докладов молодых ученых и аспирантов на конференции ИМЭМО РАН 16 апреля 2009 г.) / Отв. ред. С.В.Целицкий. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 98 с.

ISBN 978-5-9535-0191-0

В настоящий сборник вошли работы молодых ученых и аспирантов ИМЭМО РАН, специализирующихся на изучении различных аспектов международной безопасности – стратегических, военно-политических, военно-экономических и прочих. Объединяющим началом сборника является тот факт, что практически все молодые специалисты, принявшие участие в конференции, имеют непосредственную связь с Отделом стратегических исследований (ОСИ) Центра международной безопасности ИМЭМО РАН. Некоторые из них являются сотрудниками Отдела; у других научными руководителями их диссертационных работ выступают специалисты ОСИ.

Сборник может представлять интерес для исследователей, специализирующихся на проблемах международной и национальной безопасности, военной экономики и стратегии, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами мировой экономики и международных отношений.

Political, military and economic factors for providing security under modern conditions. Collection of young scientists and post-graduates at the IMEMO RAN conference, April 16, 2009.

Contemporary Political, Military and Economic Factors of Security (Collection of Reports Presented by Young Specialists and Post-Graduates at IMEMO Conference. April 16, 2009). Moscow, IMEMO, 2009. – 99 pp.

The present collection combines the reports of young specialists and post-graduates of IMEMO who study different aspects of international security – strategic, military-political, military-economic and others. The basis that unites these reports is the fact that practically all the young specialists, who participated in the Conference, have close relations with the Department of Strategic Studies (DSS) of the Center of International Security of IMEMO. Some of them are the employees of the Department; the others enjoy the scientific leadership for their PhD theses presented by the specialists of DSS.

The Collection might present interest to the researchers who study national and international security problems, military economy and strategy as well as to the wide spectrum of the readers, interested in the problems of world economy and international relations.

ISBN 978-5-9535-0191-0

© ИМЭМО РАН, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений	4
ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Целицкий С.В.</i> Будущее ядерного сдерживания Великобритании	6
<i>Корощупов В.О.</i> Европейский потенциал в сфере безопасности	13
<i>Гусарова О.В.</i> Сотрудничество России и ЕС в области безопасности и обороны	22
<i>Дворцов А.В.</i> Энергетическая безопасность в планах и программах Министерства обороны США	30
<i>Бадаева А.С.</i> Формирование интеллектуального капитала как фактор обеспечения безопасности (на примере трансформации европейских и российских образовательных стандартов)	34
<i>Лузин П.А.</i> Переломный период трансформации космической программы США: рост внутриполитических противоречий	41
<i>Сивков Д.А.</i> Современная военная промышленность Великобритании	49
<i>Куцына Е.А.</i> Место и роль военно-ориентированных НИОКР в Национальной инновационной системе Великобритании	55
<i>Карутц Н.А.</i> Государственно - частное партнерство в аэрокосмической сфере.....	61
<i>Газимагомедов К.Р.</i> Военно-экономическое обеспечение национальной безопасности: состояние и перспективы	69
<i>Филатов В.В.</i> О необходимости учета фактора обычного высокоточного оружия в новом договоре по СНВ	75
<i>Прокопенкова И.О.</i> Ракетно-космическая деятельность в системе национальных приоритетов Китая, Индии и Японии	79
<i>Бабешко М.С.</i> Военное сотрудничество России и Казахстана: двусторонний диалог и взаимодействие в рамках ОДКБ	86
<i>Штейнберг О.В.</i> Дарфурский конфликт и региональная безопасность.....	93

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АТР – Азиатско-тихоокеанский регион
БМП – боевая машина пехота
БРПЛ – баллистическая ракета подводных лодок
БРСД – баллистических ракет средней дальности
ВВП – валовый внутренний продукт
ВВС – Военно-воздушные силы
ВВТ – вооружения и военная техника
ВМС – Военно-морской флот
ВС – вооруженные силы
ВТО – Всемирная торговая организация
ВЭП – военно-экономический потенциал
ГЧП – государственно-частное партнерство
ДАРПА – Управления перспективных исследований и разработок министерства обороны (МО США)
ДВЗЯИ – Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДНЯО – Договор о нераспространении ядерного оружия
ДОВСЕ – Договор об обычных вооруженных силах в Европе
ЕС – Европейский союз
ЗЕС – Западноевропейский союз
КВП – Концепция внешней политики
КНБ – Концепция национальной безопасности
КЗХО – Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении
МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии
МБР – межконтинентальная баллистическая ракета
НАСА – Национальное агентство по авиационной и исследованию космического пространства
НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НИР – научно-исследовательские работы
ННФ – Национальный научный фонд (США)
ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности
ОЗХО – Организация по запрещению химического оружия
ОМП – оружие массового поражения
ОПК – оборонно-промышленный комплекс
ПВО – противовоздушная оборона
ПРО – противоракетная оборона
РЛС – радиолокационная станция
СИПРИ – Стокгольмский международный институт исследований проблем мира
СНВ – стратегические наступательные вооружения
СНП – стратегические наступательные потенциалы
СЯС – стратегические ядерные силы
ПЛА – атомная многоцелевая подводная лодка
ПЛАРБ – подводная лодка с баллистическими ракетами
ШОС – Шанхайская организация сотрудничества
ЦВЕ – Центральная и Восточная Европа
ЭП – экономический потенциал

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем сборнике опубликованы тексты докладов молодых специалистов и аспирантов, представленных на Конференции «Политические, военные и экономические факторы обеспечения безопасности в современных условиях», проведенной в ИМЭМО РАН 16 апреля 2009 года. Инициатором проведения Конференции выступил Отдел стратегических исследований (ОСИ) Центра международной безопасности ИМЭМО РАН. Отбор участников Конференции производился по следующему принципу. Докладчик должен являться или сотрудником ОСИ, или иметь научного руководителя из числа специалистов Отдела. Подавляющее большинство участников Конференции отвечают этому критерию.

По замыслу организаторов Конференции, молодые специалисты, которым предстоит защита кандидатских диссертаций на соискание ученых степеней кандидата политических или экономических наук (военная экономика), должны получить необходимый опыт публичных выступлений. Каждый доклад сопровождался показом слайдов, после чего докладчик ответил на поставленные вопросы по теме его работы. Таким образом, каждое выступление имело форму «мини-защиты» диссертации, включая проведение небольшой дискуссии по каждому из докладов.

В качестве оппонентов молодых ученых выступили ведущие сотрудники Отдела стратегических исследований: заведующий Отделом, д. полит. н. Савельев А.Г., руководитель группы глобализации военно-экономических процессов д.э.н., проф. Фарамазян Р.А., заведующий сектором военной экономики и инноваций д.э.н. Панкова Л.В., заведующий сектором военно-политического анализа к.и.н. Ознобищев С.К., другие сотрудники Отдела. В Конференции принял участие заместитель Директора ИМЭМО РАН, чл.-корр. РАН В.Г. Барановский.

Как представляется, Конференция достигла поставленной цели. Участниками были представлены достаточно обстоятельные доклады по широкому спектру вопросов безопасности, отражающих как современное состояние, так и перспективы развития исследуемых проблем. Во многих случаях авторы не ограничились только изложением существа поставленного вопроса, но сделали попытку дать собственные рекомендации по решению ряда важных аспектов международной безопасности.

По общему мнению организаторов Конференции, положительный опыт ее проведения следует использовать и в будущем. Не исключено, что этот форум примет постоянные формы и будет проводиться регулярно с периодичностью один-два раза в год. Тем самым будет укрепляться связь поколений научных исследователей в сфере безопасности военной экономики, повышаться интерес к проблемам, являющимся предметом исследования в Центре международной безопасности и Отделе стратегических исследований ИМЭМО РАН.

Организаторы Конференции

Целицкий С.В.*
Будущее ядерного сдерживания Великобритании

В начале XXI века продолжается процесс кардинальных изменений в геополитической ситуации. Уже сейчас можно с уверенностью констатировать безуспешность попыток построения однополярного мира. Однако и многополярная конструкция мира требует внесения серьезных корректив, в том числе, путем укрепления и модернизации институтов международной безопасности. Наряду с традиционными угрозами появились новые вызовы и угрозы международной и региональной безопасности, последствия которых трудно предсказуемы.

Эти тенденции находят свое отражение в концептуальных документах и официальных выступлениях военно-политического руководства Великобритании. В опубликованной в марте 2008 г. первой «Стратегии национальной безопасности Великобритании» было отмечено, что сегодня ни одно государство или коалиция государств более не угрожает стране непосредственно. Однако, как международная обстановка, так и международная безопасность остаются трудно предсказуемыми. Угрозы времен «холодной войны» заменил собой широкий и взаимосвязанный набор угроз и рисков, которые прямо затрагивают Великобританию, а также потенциально могут ослабить международную стабильность. Они включают в себя международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения, конфликты, нестабильные государства и пр. Эти и другие риски и угрозы порождены разнообразным и взаимосвязанным набором различных факторов, включая изменение климата, борьбу за источники энергии, бедность и слабое государственное управление, демографические изменения и глобализацию.¹

Соответственно, претерпела некоторые изменения и британская ядерная политика. В декабре 2006 г. был обнародован документ «Будущее ядерного сдерживания Великобритании», в котором было фактически объявлено о намерении сохранить свои силы ядерного сдерживания до 2050-х гг.

По мнению британского руководства, несмотря на изменение как самих угроз, так и их характера, есть определенные причины, по которым полное ядерное разоружение Великобритании пока является нецелесообразным:

- в мире остаются значительные арсеналы ядерного оружия (ЯО), причем некоторые страны проводят их модернизацию;
- число государств, обладающих ЯО, продолжает расти, как показывает, в частности, ядерное испытание в КНДР в октябре 2006 г.;
- продолжается распространение ракетных технологий;
- большинство индустриально-развитых стран имеет потенциал для создания химического и биологического оружия.²

В документе утверждается, что невозможно точно предсказать, какой будет международная обстановка в области безопасности в следующие 20-50 лет. Невозможно также и исключить возрождение либо прямой и масштабной ядерной угрозы жизненно важным интересам Соединенного Королевства, либо новых государств, обладающих ограниченным ядерным потенциалом, но таким, который

---

* Целицкий Сергей Владимирович – научный сотрудник отдела стратегических исследований ИМЭМО РАН.

¹ The National Security Strategy of the United Kingdom, Cm 7291 (Stationery Office: London, March 2008), (http://interactive.cabinetoffice.gov.uk/documents/security/national_security_strategy.pdf).

² British Ministry of Defence and British Foreign and Commonwealth Office, The Future of the United Kingdom's Nuclear Deterrent, Cm 6994 (Stationery Office: London, Dec. 2006), (http://www.mod.uk/NR/rdonlyres/AC00DD79-76D6-4FE3-91A1-6A56B03C092F/0/DefenceWhitePaper2006_Cm6994.pdf).

может представлять серьезную угрозу жизненно важным интересам страны. В равной степени есть вероятность того, что такие страны могут в будущем спонсировать ядерный терроризм. Великобритания не должна позволить таким странам угрожать своей национальной безопасности или сдерживать международное сообщество от необходимых действий по поддержке региональной и мировой безопасности.

Несмотря на позитивную роль Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), число государств, обладающих ЯО, увеличилось. Руководство Великобритании не исключает возможность того, что количество таких стран может возрасти к 2050 г. Существует ряд других вызовов и угроз мировой стабильности. Слабые и нестабильные государства привлекают международные террористические организации и служат для них убежищем. Возрастающая нехватка ключевых ресурсов (энергетических, водных и др.) может усилить межгосударственные трения. Быстрое и неконтролируемое развитие двойных технологий в гражданском секторе может привести к повышению военного потенциала возможных противников. Все эти факторы грозят ростом международной нестабильности и межгосударственных конфликтов. В период 2020-2050 гг. такие потенциальные опасности, вместе с дальнейшим распространением ядерных технологий могут привести к повышению риска конфликта с участием страны, обладающей ЯО.

Британское руководство указывает, что существует риск того, что террористы могут получить в свои руки ЯО. В этом случае ядерный потенциал Великобритании будут служить сдерживающим фактором для государств, которые могут рассматривать возможность передачи ЯО или ядерных технологий в руки террористов. Любое государство, которое Лондон сочтет ответственным за содействие ядерной угрозе своим жизненно важным интересам, может ожидать «пропорциональный ответ».³

Противодействовать таким угрозам в будущем Соединенное Королевство может при условии обладания ядерным оружием. Следовательно, ядерные силы Великобритании будут оставаться важной частью ее потенциала по сдерживанию агрессивных действий, направленных против нее или ее жизненно важных интересов, со стороны оппонентов, обладающих ЯО.

Сегодня британские ядерные силы являются самыми малыми из СЯС пяти держав «ядерного клуба» и составляют менее 1% от их общего арсенала. Это отражает позицию британского руководства, заявляющего, что такое количество соответствует заявленной цели «минимального сдерживания».

В настоящее время ядерные силы Великобритании состоят из четырех ПЛАРБ класса «Вэнгард» собственной постройки (введены в боевой состав флота Великобритании в 1994-2001 гг.). ПЛАРБ этого класса может нести 16 БРПЛ «Трайдент II» (D-5) американского производства (производитель – компания «Локхид-Мартин»). БРПЛ «Трайдент II» (D-5), имеющая дальность 7360 км и круговое вероятное отклонение в пределах 90 м, - это трехступенчатая твердотопливная ракета, которая может нести до 12 боеголовок. Всего было закуплено 58, а после испытательных пусков осталось 50 БРПЛ. Однако британские власти утверждают, что каждая из подлодок несет на себе не более 48 боеголовок.⁴ По мнению экспертов, одна ПЛАРБ несет 12 БРПЛ с 3-4 боеголовками на каждой.⁵

Боеголовки, устанавливаемые на БРПЛ, являются британскими и схожи с американской боеголовкой W-76. Такая боеголовка обладает мощностью около

---

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См. например: <http://www.brad.ac.uk/acad/bdrc/nuclear/trident/Trident101.pdf>;
<http://www.fas.org/nuke/guide/usa/slbm/d-5.htm>.

100 кт. Существуют предположения, что некоторые ракеты «Трайидент II» имеют одну боеголовку субстратегического уровня мощностью около 10 кт.⁶

БРПЛ и боеголовки к ним хранятся на Королевском складе военно-морских вооружений в Кулпорте, недалеко от базы королевских ВМС в Фаслейне (Шотландия), которая является местом базирования ПЛАРБ. За разработку и производство боеголовок отвечает Научно-исследовательский центр ядерного оружия (Atomic Weapons Establishment) в Олдермастоне и Бергфилде. В Бергфилде происходит окончательная сборка или демонтаж боеголовок.

Следует отметить, что Великобритания арендует ракеты «Трайидент II» у США. Таким образом, Великобритания зависит от США по поставкам БРПЛ. Тем не менее, оперативное управление ракетами, включая навигацию и наведение на цель, находится исключительно в руках британского командования.

Еще в 1998 г. был изменен порядок несения боевого дежурства ПЛАРБ. На боевом патрулировании в каждый момент времени находится одна подлодка, которая несет на борту до 48 боеголовок; две другие — в пункте базирования или в территориальных водах и могут быть развернуты в относительно короткие сроки; а еще одна подлодка находится на ремонте и обслуживании (г. Плимут). Патрулирующая ПЛАРБ находится в режиме пониженной боеготовности, при котором выполнение команды на пуск ракет занимает до нескольких суток.

Таким образом, СЯС Великобритании представлены одним лишь морским компонентом, что является следствием подхода, сформированного еще в начале 1990-х гг., когда Лондон решил полностью отказаться от нестратегического ядерного оружия.

В декабре 2006 г. правительство Великобритании объявило, что решило «предпринять меры, необходимые для поддержания надежного потенциала сдерживания до 2020-х гг. и после... Мы решили сохранить наш потенциал сдерживания путем создания нового класса подводных лодок».⁷ Было принято решение о замене нынешних ПЛАРБ типа «Вэнгард» (первые подлодки этой серии должны быть заменены в 2024 гг.) подлодками нового класса. Это потребует расходов примерно в 15-20 млрд. ф.ст. (в ценах 2006-2007 гг.), при этом большая часть расходов придется на период 2012-2027 гг. Из данной суммы 11-14 млрд. ф.ст. уйдет на создание новых ПЛАРБ, 2-3 млрд. ф.ст. на инфраструктуру для ПЛАРБ и 2-3 млрд. ф.ст. на обновление или замену боеголовок. По оценке британского руководства, период создания нового класса ПЛАРБ займет около 17 лет.⁸ В марте 2007 г. парламент поддержал политику правительства.

Кроме того, британское руководство объявило, что будет изучать возможность уменьшения общего числа ПЛАРБ с четырех до трех. При этом варианте предполагается внесение радикальных изменений в конструкцию нового класса подводных лодок, в их эксплуатацию, управление, меры по обучению экипажа и технической поддержке.

Также было признано целесообразным присоединение к планируемой США программе продления сроков службы ракет «Трайидент II». Эта программа позволит США продлить срок службы этих ракет для подлодок класса «Огайо» примерно до начала 2040-х гг. Будут проведены работы по замене компонентов системы, чтобы уменьшить риск их устаревания, особенно электроники в системе контроля полета.

---

⁶ См. например: Jeremy Stocker. *British Nuclear Strategy // Nuclear Doctrines and Strategies (National Policies and International Security)*. Ed. by Mark Fitzpatrick, Alexander Nikitin, Sergey Oznobishchev. London, IOS Press, 2008, p. 66; (<http://www.brad.ac.uk/acad/bdrc/nuclear/trident/Trident101.pdf>).

⁷ British Ministry of Defence and British Foreign and Commonwealth Office, *The Future of the United Kingdom's Nuclear Deterrent ...*

⁸ Там же.

Не предполагается повышения потенциала ракеты в плане полезной нагрузки, дальности полета и точности попадания. Участие в этой программе оценивается примерно в 250 млн. ф.ст.⁹

Британское руководство ожидает, что срок службы новых ПЛАРБ составит по меньшей мере 25 лет, то есть до 2050-х гг. Поскольку продление сроков службы ракет «Трайидент II» возможно до начала 2040-х гг., то до 2020-х гг. не планируется ставить вопрос о том, какие БРПЛ придут на смену старым. Тем не менее, отмечается, что Великобритания получила заверения от правительства США в том, что она может присоединиться к программе создания нового класса БРПЛ, если американские партнеры решат ее инициировать. Также получены заверения, что новая ракета будет совместима с пусковой установкой новой британской подлодки.¹⁰

Фундаментальные принципы, относящиеся к ядерному сдерживанию, по мнению британского руководства, не изменились с окончания холодной войны и вряд ли изменятся в будущем. Выделяется пять принципов в подходе к ядерному сдерживанию.

1. Главное внимание уделяется предотвращению ядерного нападения. Ядерные силы страны предназначены не для использования в вооруженных конфликтах, а для сдерживания и предотвращения «ядерного шантажа», а также актов агрессии против жизненно важных интересов Великобритании, которым нельзя противодействовать иными средствами.

2. Великобритания будет сохранять минимальный потенциал, необходимый для достижения целей ядерного сдерживания.

3. Великобритания сознательно точно не определяет, когда и как она будет рассматривать возможность использования СЯС и в каких масштабах. Это делается для того, чтобы потенциальный агрессор не мог знать наверняка, при каких обстоятельствах Лондон будет рассматривать возможность применения ЯО. Отсюда следует, что Великобритания не исключает возможность применения ЯО первой.

4. Силы ядерного сдерживания Великобритании поддерживают коллективную безопасность Евро-атлантического региона. Ядерное сдерживание играет важную роль в оборонной стратегии НАТО и вносит в нее существенный вклад.

5. Независимость Лондона в принятии решения о применении ЯО повышает общую эффективность сил ядерного сдерживания союзных сторон (под ними понимаются США и Франция). Потенциальные противники могут решить, что США или Франция, возможно, не захотят поставить под угрозу свои территории, чтобы предотвратить нападение на Великобританию или ее союзников. Независимость Великобритании в принятии решения о применении ЯО ясно дает понять любому возможному агрессору, что цена нападения будет превышать все возможные выгоды.¹¹

Ядерное сдерживание, по мнению британского руководства, преследует четыре основные цели:

1) сдерживание косвенно помогает поддержанию мира и стабильности в новых, неопределенных условиях международной обстановки;

2) сдерживание угрозы актов ядерного терроризма, спонсируемых каким-либо государством;

3) сдерживание угрозы «ядерного шантажа» со стороны региональных «стран-изгоев», обладающих ЯО;

---

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

4) сдерживание угрозы агрессии в отношении Великобритании и НАТО, их жизненно важных интересов или угрозы «ядерного шантажа» со стороны крупных держав, обладающих большими ядерными арсеналами.

Третья цель, - сдерживание угрозы «ядерного шантажа» со стороны региональных «стран-изгоев», обладающих ЯО, - весьма спорно. Как известно, особую озабоченность британцев в этой связи вызывают КНДР и Иран. Северная Корея, по оценке Лондона, провела ядерное испытание в октябре 2006 г. и обладает достаточным количеством расщепляющихся материалов для создания нескольких ядерных зарядов малой мощности. Этот вывод подтверждается очередным испытанием ядерного оружия, проведенным КНДР в мае 2009 г.

КНДР имеет ракеты средней и меньшей дальности (РСМД), а использование ракеты «Тэпходон-1» для выведения на орбиту спутника продемонстрировало, что она имеет ключевые технологии для разработки многоступенчатых ракет дальнего радиуса действия. С июля 2006 г. было произведено несколько пусков баллистических ракет, которые могут быть использованы как ракеты-носители для спутников, так и в качестве МБР. Военно-политическое руководство Великобритании считает, что при доработке, ракета «Тэпходон-2» будет способна достигать территории Европы.¹² Ядерная программа Ирана также вызывает озабоченность британского руководства.¹³

Безусловно, озабоченность британского правительства имеет веские основания. Однако, пока, несмотря на неоднократно выражавшееся недовольство Великобритании и США ракетными и ядерными программами Ирана и КНДР, руководство последних так и не отступило от своих планов. Следует упомянуть и попытку запуска в апреле 2009 г. спутника на орбиту при помощи ракеты-носителя «Ынха-2», которая вызвала бурную реакцию США и Великобритании.

Как представляется в случае с Ираном и Северной Кореей ядерное сдерживание вряд ли сработает. Во-первых, тоталитарные режимы с фанатичными вождями во главе ради воплощения своих идей вряд ли остановятся перед угрозой ядерного удара по территории их стран. Во-вторых, если в результате военной интервенции с использованием обычных вооруженных сил будет поставлено под угрозу пребывание у власти руководства «страны-изгоя», обладающей ЯО, то его, скорее всего, ничто не остановит от нанесения ядерного удара первым.

Четвертая цель, - сдерживание угрозы агрессии в отношении Великобритании и НАТО со стороны крупных держав, обладающих большими ядерными арсеналами, - также вызывает определенные сомнения. Прямой и масштабной ядерной угрозы Великобритании и НАТО со стороны держав, обладающих большими ядерными арсеналами (а это могут быть только Россия и КНР), как отмечает само правительство, не существует уже в течение, по меньшей мере, десяти лет.¹⁴ Москва и Пекин все глубже интегрируются в глобальную экономику, различные международные политические и экономические организации и заявляют о стремлении продолжать этот процесс. Изменения тенденций в отношениях Великобритании с Россией и КНР с момента окончания «холодной войны» следует рассматривать как позитивные, а не негативные. Конечно, имеет место модернизация стратегических ядерных сил (СЯС) России и КНР. Однако СЯС КНР остаются достаточно скромными, а Президент России Д.Медведев на встрече с Президентом США Бараком Обамой 1 апреля этого г. в Лондоне заявил о двустороннем стремлении и далее сокращать свой ядерный потенциал. Таким образом, сдерживание угрозы агрессии в отношении Великобритании и НАТО можно

¹² Там же.

¹³ The National Security Strategy of the United Kingdom...

¹⁴ Там же.

признать не соответствующим современным условиям и, скорее всего, «реликтом холодной войны».

В начале 2008 г. премьер-министр Гордон Браун объявил, что Великобритания поддерживает стремление к безъядерному миру, и, что в соответствии с принятыми на себя международными обязательствами (в рамках ДНЯО), Великобритания продолжает сокращать свои ядерные вооружения. Он отметил, что в 2008 г. был полностью выполнен объявленный в 2006 г. план сокращения количества оперативно развернутых боеголовок на 20%.¹⁵ Теперь количество боеголовок оперативного развертывания составляет менее 160 единиц, (менее половины от уровня 1997 г.).¹⁶ Всего, с окончания холодной войны Великобритания сократила свой ядерный арсенал на 75%. В связи с этим следует процитировать ст. VI ДНЯО: «Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести капереговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем».¹⁷ В данном же случае, сокращение ЯО произошло без всякого переговорного процесса, в одностороннем порядке, без какого-либо международного контроля, что отнюдь не снижает ценность данного события.

Идея об освобождении мира от ЯО не являются чем-то новым. В январе 2007 г. была опубликована совместная статья Джорджа Шульца, Уильяма Перри, Генри Киссинджера и Сэма Нанна «Мир без ядерного оружия».¹⁸ В январе 1986 г., в то время Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С.Горбачевым была выдвинута комплексная программа поэтапной ликвидации ядерного и других видов оружия массового уничтожения уже к 2000 г. А более сорока лет назад, в 1968 г., как указывалось выше, ядерные государства, в качестве подписантов ДНЯО приняли на себя соответствующее обязательство. К сожалению, как торжественное обязательство, так и план М.С.Горбачева остались нереализованными.

Цель достижения мира, свободного от ядерного оружия поддержана президентами Бараком Обамой и Дмитрием Медведевым.¹⁹ Российское руководство поддержало идею безъядерного мира после долгих колебаний. Колебания эти были вызваны тем, что после окончания «холодной войны» в России, фактически, начал делаться больший акцент на роль ядерного оружия в качестве средства реалистического сдерживания и даже реального ведения военных действий. Это объяснялось ослаблением российских вооруженных сил в период многофакторного кризиса, через который проходила Россия.²⁰

Очевидно, что движение к безъядерному миру невозможно без подключения всех ядерных держав к процессу ядерного разоружения на многосторонней основе. Видимо, Великобритания предпочитает занимать осторожную позицию и ожидает результатов переговоров между Россией и США второй половины 2009 г.

---

¹⁵ Gordon Brown, National Security Strategy Statement, 19 March 2008, (<http://www.number10.gov.uk/Page15102>).

¹⁶ The National Security Strategy of the United Kingdom...

¹⁷ Договор о нераспространении ядерного оружия, 1 июля 1968 г., (<http://www.mid.ru/Ns-dvbr.nsf/11d2e6203c37ed2643256a1700434414/63fac931eb8ff00643256a5a002e6470?OpenDocument>).

¹⁸ См.: <http://www.hoover.org/publications/digest/6731276.html>.

¹⁹ Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А.Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б.Обамы, 1 апреля 2009 года, (<http://president.kremlin.ru/text/docs/2009/04/214587.shtml>).

²⁰ См. например: Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации №24 от 10 января 2000 года; Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000 г.

Подводя итоги, можно прийти к выводу о том, что некоторые положения британской ядерной доктрины остаются пережитком «холодной войны», а некоторые вызывают серьезные сомнения в своей целесообразности. Отдавая должное произведенным в Великобритании сокращениям ядерного арсенала, следует отметить, что британское руководство могло бы играть более активную роль в процессе ядерного разоружения. В условиях той самой неопределенности и непредсказуемости международной обстановки, о которой говорится в официальных британских документах, подключение Великобритании к двусторонним переговорам России и США по контролю над ядерными вооружениями и разоружению, сделало бы их подлинно многосторонними. Это, кроме того, могло бы дать толчок к присоединению и других стран-обладательниц ЯО к переговорам по сокращению ядерных арсеналов.

Корощупов В.О.*
Европейский потенциал в сфере безопасности

Проекты создания европейской системы безопасности и сама целесообразность этого вызывают жаркие споры. Многие политики в странах-лидерах Евросоюза сомневаются в целесообразности создания такого института. Страны «новой Европы» не готовы нести бремя связанных с этим дополнительных расходов. Наконец, жесткой критике зачастую подвергается сам замысел. В частности, выражаются опасения, что реализация этого проекта подтолкнет развитие тенденции к новой европейской и глобальной милитаризации, которая в 1990-х гг. практически утратила свою актуальность.

1. Интеграция ЕС

Процесс европейской интеграции начал свое развитие с разрешения экономических проблем, вставших перед европейскими странами после Второй мировой войны. Однако интеграционный проект уже тогда имел политический компонент. Ожидания политических трансформаций как следствие развития организаций экономической интеграции оправдались. Интеграция в политической сфере, первоначально подспудно, а затем все более открыто, набирала силу. Стартовые усилия предпринимались в областях, которые справедливо считаются наиболее чувствительными к вопросам государственного суверенитета – в сферах обороны и внешней политики. Неудачная попытка создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС - 1952 г.) стала доказательством остроты проблемы возможного создания наднационального уровня управления в области безопасности. Разногласия вызвали длительную паузу. Европейское политическое сотрудничество (ЕПС – Гаага, 1969 г.), давшее толчок к интеграции внешнеполитических механизмов европейских стран, оказалось значительно более успешным. Заложенный в ЕПС потенциал позволил ему в начале 1990-х гг. трансформироваться в Общую внешнюю политику и политику безопасности (ОВПБ). Созданная в результате вступления в силу Маастрихтского договора (декабрь 1991 г.) ОВПБ унаследовала многие черты ЕПС.

Необходимость корректировки положений, посвященных ОВПБ, была заложена уже в самом тексте Маастрихтского договора: компромиссные формулировки были в ряде случаев согласованы в ущерб эффективности, а ряд практически значимых моментов был упущен и не вошел в договор. Истекшие годы убедили в том, что сам интеграционный процесс в области внешней политики только повелительно требует увеличения эффективности созданного механизма. Стратегия реформирования ОВПБ и конкретные изменения в договоре стали предметом длительной дискуссии.

Ключевой целью этой политики является наделение Европейского союза собственным военно-политическим потенциалом в области кризисного регулирования по всему спектру «петербургских задач».¹ Важной целью ЕС при этом является утверждение Евросоюза в качестве самостоятельной политической силы, способной обеспечивать весь комплекс жизненно важных интересов союза не только в Европе, но и в отношениях со своими партнерами, будь то США или Россия.

Этап формирования европейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО) завершился в Ницце (2000 г.) созданием постоянных структур, принятием

---

* Корощупов Вадим Олегович – младший научный сотрудник отдела стратегических исследований ИМЭМО РАН.

¹ См.: http://europa.eu/scadplus/glossary/petersberg_tasks_en.htm.

обязательств по обеспечению потенциала и решений, касающихся НАТО и третьих государств. На форуме в Ницце, в частности, было подтверждено, что все решения, принятые на встречах в Кельне (1999 г.) и Хельсинки (1999 г.), будут выполнены согласно плану к 2003 г. Так, институциональное ядро ЕПБО, Комитет по политическим вопросам и безопасности (КПВБ) был интегрирован в новый договор Евросоюза. Достигнута была также цель, выдвинутая на совещании в Кельне, относительно судьбы важнейших материальных ресурсов ЗЕС до конца 2000 г. Было решено, что спутниковый центр в Торрехоне (Испания) и Институт исследований в сфере безопасности (Париж, Франция) будут переведены под эгиду ЕС.

На саммитах ЕС в Да-Фейра (Португалия, июнь 2000 г.), Ницце (декабрь 2000 г.) и Гетеборге (июнь 2001 г.) были приняты важные документы ЕПБО. В них, в частности, были четко обозначены политические и структурные изменения, подлежащие осуществлению в качестве предпосылки для создания системы безопасности и обороны ЕС. При этом указано, что новая система ни в коем случае не должна быть конкурентом или альтернативой НАТО, упоминалось об обязательном налаживании тесных контактов, координации действий и углублении сотрудничества по линии НАТО - ЕС. Речь шла о многонациональных структурах типа «Еврокорпуса» или об использовании национальных подразделений.

В 2001 г. практическая реализация договоренностей под влиянием террористических актов в США 11 сентября 2001 г. вышла на новый уровень. Весьма показательным в этом отношении был итоговый документ Чрезвычайного заседания Европейского Совета, принятый в Брюсселе 25 октября 2001 г. В этом акте западноевропейские лидеры напрямую увязали рост эффективности ЕС с темпами развития ЕПБО. Свидетельством дальнейшей консолидации этой политики стало подтверждение Европейским советом твердого намерения действовать согласованно при любых обстоятельствах, что дало недвусмысленный ответ на вопрос о роли политики безопасности и обороны в повестке дня для ЕС.

ЕПБО ориентирована преимущественно на противодействие вызовам и угрозам, не связанным с коллективной обороной стран-участниц. Предполагается, что обеспечение взаимных военных гарантий в случае агрессии не будет в обозримой перспективе входить в ее функции. Взаимные гарантии по статье V Североатлантического договора о коллективной безопасности, даже формализованные в ЕС, не могут быть реализованы союзом без создания объединенной европейской структуры вооруженных сил, включающей собственные европейские силы ядерного сдерживания, адекватные потенциальной угрозе крупномасштабного конфликта в Европе. Но это не стоит в непосредственной повестке дня европейского военно-политического сотрудничества, и, в силу многих причин, не имеет непосредственной перспективы. В этом смысле коллективная оборона в ЕС, если и возможна, то лишь в форме политических гарантий, предполагающих задействование в момент угрозы иных, надевропейских практических инструментов и механизмов, то есть НАТО.

Реальной целью ЕПБО является утверждение ЕС в качестве самостоятельной военно-политической силы, способной обеспечивать весь комплекс жизненно важных интересов не только в Европе, но и в отношениях с другими мировыми центрами силы. Создаваемый антикризисный потенциал ЕС призван быть одним из дополнительных инструментов в системе евроатлантической безопасности. Однако его самостоятельное значение, именно как средства кризисного урегулирования, может возрасти главным образом в том случае и в той мере, в каких США стали бы дистанцироваться от решения этих проблем.

На данном этапе военные операции ЕС зависят от командных структур НАТО и ресурсов США в таких сферах, как разведка и материально-техническое

обеспечение. Но процесс не стоит на месте. Уже сегодня возникает вполне практический вопрос: каким образом конкретно Силы реагирования НАТО (СРН) и боевые группы Евросоюза будут дополнять друг друга? Ведь они радикально отличаются друг от друга и по концепции, и по выполняемым задачам. Между тем их сотрудничество может оказаться императивно необходимым уже в нынешней обстановке. СРН и боевые группы Евросоюза должны укреплять друг друга, как в широком смысле, так и в оперативном плане, при соблюдении независимости обеих организаций. Основой для этих взаимоотношений должно послужить понимание того, что каждая страна-член располагает только одними вооруженными силами, которые могут предоставляться в распоряжение НАТО, ЕС или использоваться для национальных целей. Например в соответствии с договоренностями «Берлин плюс»,² по запросу Евросоюза НАТО может передать в его распоряжение СРН или их значительные элементы – хорошо подготовленный и слаженный комплект сил и средств, ориентированный на выполнение определенных задач. Поэтому с целью избежать дублирования усилий важно пользоваться одинаковыми стандартами и процедурами. Одним из возможных направлений сотрудничества также может стать совместная подготовка СРН и боевых групп Евросоюза в рамках согласованных учений. Это означает, что ЕС может пользоваться потенциалом НАТО для своих операций.

Еще один вопрос, который возникает в связи с оборонным измерением ЕС и весьма часто в особенно большой степени возбуждает общественное мнение, - это его влияние на характер и масштабы военных приготовлений. Для обретения самостоятельных возможностей ЕС эти масштабы в принципе должны возрасти, и Европе так или иначе придется серьезно заняться реструктуризацией своего военного потенциала. Это предполагает рост затрат на закупки или производство современной военной техники.

Несмотря на явный прогресс ЕПБО, практически все государства придают своей внутренней политике первостепенное значение и, исходя из внутренних задач, планируют действия на международной арене, в том числе и в рамках союзов и альянсов. Странам ЕС предстоит еще много сделать для выработки общего стратегического курса, а также осуществить целый комплекс мер по решению задач, необходимых при разработке ЕПБО. Трудности на этом пути неизбежны. Но и движение по нему едва ли может быть в принципе остановлено, поскольку в ином случае возникла бы угроза неприемлемого снижения самой эффективности и даже утраты смысла особой европейской политики.

2. Европейские силы быстрого реагирования

На заседании Европейского совета в Хельсинки в декабре 1999 г., было принято решение о формировании 60-тысячного контингента сил быстрого реагирования для осуществления миссий, аналогичных косовской, но без участия вооруженных сил США. Тем самым был сделан первый шаг по реализации ЕПБО. На прошедшей в ноябре 2001 г. в Брюсселе межминистерской встрече глав внешнеполитических, оборонных и правоохранительных органов стран ЕС задачи создания этого соединения были развиты, уточнены и конкретизированы. Документы этой встречи предусматривают развертывание к 2005 г. 60-тысячного контингента, располагающего 400-ми боевыми самолетами, сотней кораблей, современным оружием и боевой техникой. Отдельным странам и группам государств предписаны задания по разработке и выпуску новых образцов боевой техники, которой пока

---

² См.: <http://www.nato.int/docu/briefing/crisis-management-rus.pdf>.

недостает Европе. Речь идет о средствах электронной разведки, военно-транспортной авиации, управляемых ракетах и снарядах, средствах поиска и спасения.

Пока что решение о формировании 60-тысячного контингента сил быстрого реагирования полномасштабного, практического воплощения не получило. Но определенные мероприятия странами-участницами постепенно проводятся. По экспертным оценкам, в полной мере этот потенциал быстрого реагирования будет развернут в период 2007-2012 гг. Но уже до этого Евросоюз должен будет обрести способность осуществлять ограниченные по возможностям и силам операции (в настоящее время независимым потенциалом организации экспедиционных операций за пределами Европы обладают, – и то при условии поддержки США, – только британцы и французы.)

После объявления о формировании европейских сил быстрого реагирования (ЕСБР) пятнадцать государств, не являющихся членами ЕС, выразили готовность участвовать в этом мероприятии. В их числе три партнера по НАТО – Турция, Исландия и Норвегия. О намерении Румынии принять активное участие в ЕСБР заявил после брюссельской встречи министр национальной обороны Румынии Иоан Мирча Пашку. На сегодняшний день в хельсинкском каталоге вооруженных сил за Румынией записано пять пехотных батальонов, одна пехотная рота, одна инженерная рота, одна горная бригада, одна военно-полицейская рота, один расчет по разминированию, одна разведывательная рота, один транспортный взвод, один десантный взвод, четыре истребителя, один транспортный самолет, два спасательно-буксирных судна, один минный тральщик и один фрегат.

Президент Македонии Б. Трайковский в январе 2003 г. официально предложил ЕС сменить силы НАТО, которые находились на территории страны с августа 2001 г. Они выступали гарантами безопасности сотрудников миссии ОБСЕ, которые наблюдают за соблюдением договоренностей, положивших конец межнациональному конфликту в этой бывшей югославской республике. Срок пребывания в Македонии контингента НАТО истек, и его заменили 357 военнослужащими из стран ЕС.³

Вполне возможно, что готовность всех желающих поставить свои вооруженные силы под знамена Евросоюза будет удовлетворена. Однако столь же вероятно, что руководство этих стран не получит доступа к принятию решений в отношении применения ЕСБР.

По общему замыслу, европейские войска будут состоять из нескольких подразделений по 1500 человек в каждом. Некоторые подразделения Франции, Италии, Британии и Испании будут созданы совместно с другими странами ЕС. Одним из примеров может послужить подписанная 14 ноября 2005 г. общая декларация Германии, Франции и Испании о совместном участии в боевых группах ЕС.⁴ А точкой отсчета появления ЕСБР можно считать первую операцию ЕПБО, начавшуюся 1 января 2003 г. – полицейская операция ЕС в Боснии и Герцеговине. Предполагается, что боевые группы ЕСБР будут способны выполнять различные миротворческие и гуманитарные миссии в тех ситуациях, когда вмешательство небольшого контингента (предположительно 1500 человек) хорошо обученных войск может предотвратить развивающийся кризис.

---

³ См.: EU Security and Defence Policy. EU Institute for Security Studies. Paris, 2004, p. 117.

⁴ См.: http://ue.eu.int/cms3_applications.

3. Отношения с Россией

Включение вопросов обороны и безопасности в деятельность ЕС генерирует новый вектор отношений ЕС с его партнерами (сотрудничество в сфере нераспространения ОМУ, терроризма, локальных конфликтов, нелегальной иммиграции, организованной преступности, производства и торговли наркотиками и т.д.). В число таких партнеров вполне органично входит Россия.

Это обстоятельство получило закрепление в Европейской стратегии безопасности, одобренной на саммите ЕС (декабрь 2003 г.). Россия более не фигурирует в числе военных угроз Европе. Более того, ЕС отныне придает сотрудничеству с РФ немаловажное значение. «Мы должны продолжать работу ради более тесных отношений с Россией, являющихся важным фактором нашей безопасности и процветания».⁵ При перечислении своих стратегических партнеров в этом документе Евросоюз поставил Россию на второе место вслед за США, впереди всех остальных - Японии, Китая, Канады и Индии.

Активный политический диалог, по существу уже начавшийся, позволяет России добиваться взаимопонимания с Евросоюзом по ключевым международным проблемам. Главная задача при этом для России - выход на практическое сотрудничество, в том числе в совместном предупреждении и урегулировании кризисных ситуаций в Европе. Основой взаимодействия на этом направлении способна служить принятая на саммите Россия-ЕС в Париже 30 октября 2000 г. совместная декларация об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе. В этом документе, в частности, указано: «Мы рассмотрели возможности для укрепления с настоящего момента диалога и сотрудничества между Российской Федерацией и Европейским союзом в области безопасности и обороны. Мы выразили нашу общую волю содействовать международному миру и международной безопасности в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, а также принципами хельсинкского Заключительного акта ОБСЕ, целями Парижской хартии для новой Европы и Хартии европейской безопасности».⁶

Положения указанной декларации получили развитие в решениях саммита Россия-ЕС в Брюсселе 3 октября 2001 г. и специальном заявлении об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам. «Одна из главных тем встречи, - отметил в связи с этим В.В.Путин, - это, конечно, укрепление европейской и международной безопасности. Сейчас, когда мы вместе выстраиваем обновленную структуру европейской безопасности, постоянное взаимодействие России и ЕС становится насущной необходимостью. Хочу обратить ваше внимание на создание механизма российско-европейских ежемесячных консультаций. Это инициатива нашего сегодняшнего Председателя - Премьер-министра Бельгии. После трагических событий 11 сентября европейские государства подошли вплотную к необходимости еще раз оценить эффективность действующих региональных служб безопасности, призванных обеспечить мир и спокойствие на

⁵ См.: A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. Brussels, 12 December 2003, p. 14.

⁶ Совместная декларация Президента России В.Путина, Председателя Европейского совета Ж.Ширака, принятая при содействии Генерального секретаря Совета ЕС/Верховного представителя по общей внешней политике и политике безопасности ЕС Х.Соланы и председателя Комиссии европейских сообществ Р.Проди об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе, 30 октября 2000 г., (http://www.kremlin.ru/appears/2000/10/30/0000_28957_shtml).

континенте. Мы разделяем серьезный и ответственный подход наших европейских партнеров к решению этих задач. Очевидно, нам пора переходить от простого обмена мнениями к совместной выработке конкретных мер и инициатив. В этом отношении на саммите сделан важный шаг вперед. Мы рассчитываем на то, что механизм постоянных консультаций будет прообразом создания специально действующего органа в сфере решения вопросов безопасности. Согласованные нами положения и принципы взаимодействия в этом направлении нашли отражение в итоговом документе саммита. Это очень хорошая основа для последующей совместной работы».⁷

На девятом саммите РФ-ЕС (Москва, 29 мая 2002 г.) было принято Совместное заявление о дальнейших практических шагах по развитию политического диалога и сотрудничества по урегулированию кризисов и вопросам безопасности. «Мы, руководители России и ЕС, подробно рассмотрели вопросы нашего двустороннего сотрудничества, а также широкий круг международных проблем. Мы подчеркнули важность стратегического партнерства между Россией и ЕС, основанного на нашей полной приверженности Уставу ООН, обязательствах, принятых в рамках Совета Европы и ОБСЕ, а также на общих ценностях и взаимном доверии. Мы выразили твердую решимость достичь конкретных результатов в нашем сотрудничестве. С этой целью мы согласились усилить позитивные тенденции, характерные для наших отношений».⁸

2 апреля 2002 г. в Мадриде министр иностранных дел РФ И.С.Иванов передал руководящей «тройке» ЕС перечень российских приоритетов сотрудничества в сфере ЕПБО. В начале мая И.С.Иванов направил Генеральному секретарю Совета ЕС и министрам иностранных дел пятнадцати государств-членов ЕС послание и приложение к нему - проект Плана действий России и ЕС в сфере ЕПБО. Тогда же Евросоюз передал российскому МИДу свой внутренний документ «Модальности конструкций и сотрудничества между ЕС и Россией в области кризисного регулирования», который предназначен для ориентировки и определения характера взаимодействия России и ЕС в кризисных ситуациях.

Нового качества сотрудничества удалось достигнуть весной-летом 2005 г. На саммите Россия-ЕС 10 мая 2005 г. в Москве были утверждены «дорожные карты», одна из которых обозначила общее пространство внешней безопасности. В ней, в частности, были обозначены основные направления развития диалога между Россией и ЕС по вопросам безопасности и кризисного регулирования с целью реагирования на современные глобальные и региональные вызовы и основные угрозы, особенно такие, как терроризм, распространение оружия массового уничтожения, существующие и потенциальные региональные и локальные конфликты, обеспечение международной стабильности, в том числе в регионах, прилегающих к границам России и Евросоюза. Также были утверждены цели, сферы применения и способы мониторинга реализации указанных целей. С ноября 2001 г.

---

⁷ Выступление и ответы на вопросы журналистов в ходе совместной пресс-конференции с Премьер-министром Бельгии Ги Верхофстадтом, Председателем Комиссии Европейских сообществ Романо Проди и Верховным представителем по общей внешней политике и политике безопасности Европейского союза Хавьером Соланой, 3 октября 2001 г., (<http://www.kremlin.ru/text/appears/2001/10/28655.shtml>).

⁸ Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В.Путина, председателя Европейского совета Х. М. Аснара, при содействии Генерального секретаря Совета ЕС/Верховного представителя по вопросам внешней политики и политики безопасности ЕС Х. Соланы, и председателя Комиссии европейских сообществ Р. Проди, 29 мая 2002 г., (http://www.in.mid.ru/va_sob.nsf/b92ca15c3c5ccf67c3256bd000317769/ae4eed96741d96a443256c7c002dfc4d?OpenDocument).

действует оперативный канал консультаций – ежемесячные встречи в формате Россия – Комитет ЕС по политике и безопасности (КПВБ) на уровне послов.

Сотрудничество России и ЕС по оборонной линии более чем уместно. Тем более что они становятся все более тесными соседями. Стратегия ЕС, направленная на создание собственных военных институтов, перекликается с предпочтением, которое отдает Россия многополярному миру. По многим международным вопросам позиции РФ и Евросоюза близки или совпадают. У России и Евросоюза существует обоюдная заинтересованность в поисках совместных ответов на новые глобальные угрозы и вызовы, в удовлетворении потребности в урегулировании кризисных ситуаций, в частности, на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке и Афганистане. Россия заинтересована в углублении диалога с ЕС в международных организациях, прежде всего в ООН и ОБСЕ. Россия признательна ЕС и его странам-членам за то содействие, которое они оказывают ей в выполнении обязательств по Конвенции о запрещении химического оружия.

Становление интегрированной общеевропейской системы безопасности предполагает укрепление ее восточноевропейских опор. Поэтому, в связи с процессом интеграции стран ЕС в области обороны, привлечение России к участию в проведении совместных операций по поддержанию мира, разумеется, с санкции Совета Безопасности ООН, становится все более актуальным. В этих операциях может быть успешно использован российский потенциал космической разведки, транспортной авиации и т.д. Эту точку зрения разделяет и Х.Солана, который неоднократно подчеркивал, что Россия сможет принимать в будущем участие в операциях сил быстрого реагирования ЕС.⁹ Трое полицейских из России в 2003 г. уже участвовали в полицейской операции Евросоюза в Боснии и Герцеговине.¹⁰ Сотрудничество в сфере безопасности развивается более успешно в рамках двусторонних отношений России с такими странами, как Франция и Германия. Берлин и Париж поддерживают более высокий уровень отношений с Москвой по вопросам обороны и безопасности именно на двусторонней основе. Россия и Франция выступают за миропорядок, основанный на многополюсности и международном праве. Париж считает отношения между ЕС и Россией важными не только для обеих сторон, но и для поддержания глобального равновесия и стабильности. Франция выступает за более тесное участие России в работе Комитета ЕС по политике и безопасности и предлагает создать новый институциональный механизм для повышения статуса и интенсификации консультаций между сторонами. Другое французское предложение - разработка совместной (Россия-ЕС) концепции урегулирования кризисов.

В рамках созданного российско-французского Совета по вопросам безопасности проходят регулярные консультации между министрами иностранных дел и обороны двух стран. Военно-техническое сотрудничество охватывает широкий спектр проектов, прежде всего в авиации и космических технологиях. Россия обещала оказать содействие Франции в создании центра по контролю за космическим пространством наподобие Командного центра космических войск РФ в Красноармейске, который бывший тогда президентом Франции Ж.Ширак посетил в апреле 2004 г. Он - первый глава иностранного государства, который был допущен на этот секретный объект, что символизирует доверительный характер отношений между двумя странами.

Совместными усилиями двух стран создан новый учебно-тренировочный самолет «МиГ-АТ». Россия и Франция работают над проектами боевого истребителя пятого поколения, разведывательных и ударных беспилотных летательных

⁹ См.: http://www.ng.ru/world/2000-04-11/1_es.html.

¹⁰ См.: <http://www.iss-eu.org/books/5esdpen.pdf>.

аппаратов, модернизации вертолетов «Ми-26». Реализуется проект по строительству стартовой площадки для запусков российских ракетносителей «Союз» с космодрома Куру. Стороны ведут совместную разработку спутниковой платформы. Глава Европейского космического агентства (ЕКА) заверил, что первый пуск российской ракеты-носителя «Союз» с космодрома Куру во Французской Гвиане пройдет по плану - в конце 2009 г.¹¹

Об уровне сотрудничества России с Германией в вопросах обороны и безопасности можно судить хотя бы по такому факту: ФРГ – пока единственная из западных стран, с которой подписано соглашение о транзите подразделений ее вооруженных сил с военной техникой и имуществом через российскую территорию и ее воздушное пространство в Афганистан для участия в международных силах содействия безопасности под флагом НАТО.

4. Будущее структуры системы еврообороны

Велика вероятность того, что Евросоюзу придется в каких-то случаях решать вопросы безопасности за пределами своих границ без прямой поддержки США, даже при наличии ресурсов НАТО. В действительности, ЕС уже начал проводить операции по поддержанию мира и принуждению к миру, хотя пока еще и в скромных масштабах. Евросоюзу не удалось к 2003 г. выйти на цифры, намеченные и заявленные в первоначальных планах «Общестратегических задач».¹² Но в том же году ЕС возложил на себя обязанность по проведению операции по поддержанию мира в Македонии и полицейскому патрулированию в Боснии, а также организовал возглавляемую французами операцию «Артемиды» по оказанию гуманитарной помощи в Конго. На апрель 2009 г. Евросоюз организовал 24 операции из них 9 операций уже завершены. В зависимости от операции в них участвуют от 300 до 6300 человек из более чем 40 стран. Операции проводятся как на территории Европы, так и за ее пределами.¹³ В общей сложности, порядка 50-60 тыс. чел. личного состава войск из стран ЕС были развернуты за пределами НАТО и ЕС в более чем в двадцати странах.¹⁴

Пока что многие виды вооруженных сил ЕС способны проводить военные операции лишь в относительно ограниченных условиях миротворческой операции. Действия союзных войск в Косово в 1999 г. выявили существенные изъяны в военных потенциалах европейцев. Работа по их устранению началась, но наталкивается на все еще не преодоленные трудности. В отчете за 2003 г., представленном Международным центром по конверсии в Бонне, приводится длинный перечень недостатков, слабо поддающихся устранению. Речь идет о таких факторах боевой эффективности, как оперативно-стратегические воздушные перевозки, использование электронных/радиотехнических средств, сетей коммуникации, сил и средств сбора разведывательной информации.¹⁵ Тем не менее, ЕС принял на себя от НАТО руководство операцией в Боснии, а также в Судане. Исход этих операций пока не ясен. Но не исключено, что их опыт в какой-то мере

¹¹ См.: <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=875269&ct=news>.

¹² Общестратегические задачи были выработаны на Хельсинкской конференции в декабре 1999 г. и ставили своей целью организацию к 2003 г. сил быстрого реагирования размером в 60 тыс. чел. личного состава, которые могли бы быть развернуты при необходимой поддержке за 60 дней для выполнения полного спектра Петербургских военных задач.

¹³ См.: <http://www.european-defence.co.uk/news.html>.

¹⁴ См.: Bastain Giegerich, William Wallace, Not Such a Soft Power: the External Deployment of European Forces // Survival, Summer 2004, p. 164.

¹⁵ См.: Jocelyn Mawdsley, Gerrard Quille, Equipping the Rapid Reaction Force: Options for and Constraints on a European Defence Equipment Strategy. Bonn: BICC, 2003, p. 48–67.

оплодотворит инициативы, призванные содействовать дальнейшей интеграции в области обороны и функциональной специализации государств-членов ЕС в решении общих сложных задач по обеспечению безопасности.

Что касается отношений России и ЕС, то масштабы сотрудничества здесь впечатляют. Стороны все более активно переходят к организации рабочих групп, консультациям на уровне министров иностранных дел, в рамках Комитета сотрудничества на уровне старших должностных лиц. Под эгидой последнего в 1998 г. были сформированы девять отраслевых подкомитетов. Организованы встречи с Комитетом по политическим вопросам и вопросам безопасности на уровне постоянных представителей и в ходе контактов политических директоров.¹⁶ Тем не менее, существует достаточное количество проблем в отношениях России и ЕС. Расширение Евросоюза и НАТО на Восток и выборы в 2004 г. в Украине и в 2003 г. в Грузии стали камнями преткновения для руководства России. Конфликт в Южной Осетии в августе 2008 г. и «газовая война» между Украиной и Россией в 2008-2009 гг. также не способствовали сотрудничеству РФ и Евросоюза.

***

Будущее структуры системы еврообороны далеко от определенности. Можно представить себе такое развитие международных отношений, которое сделает ее ненужной. С другой стороны, обострение глобальных проблем, и прежде всего терроризма, нарастание межэтнических, межконфессиональных конфликтов, свидетельствуют в пользу необходимости дальнейшего развития объединенных структур безопасности. Также совершенно очевидно, что без России создать реальную еврооборону невозможно. Одним из направлений подключения РФ к этому процессу могло бы стать налаживание такого механизма консультаций и совместных действий, который реально содействовал бы включению России в систему европейской безопасности. И, таким образом, исключить саму возможность возникновения новых европейских оборонительных структур, которые, как это уже было в недавнем прошлом, создавались для отражения «восточной угрозы».

---

¹⁶ Саммит Россия-ЕС, Москва, 10 мая 2005 года, (http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf).

Гусарова О.В.*

Сотрудничество России и ЕС в области безопасности и обороны

Довольно долго доминирующим в отношениях России и Европейского Союза являлся почти исключительно экономический фактор, однако сотрудничество политическое, включая вопросы безопасности, понемногу пробивало себе дорогу.

Большая часть 1990-х гг. в отношениях России - ЕС прошла под знаком Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией (СПС). После довольно напряженной подготовки оно было подписано во время саммита Евросоюза 24 июня 1994 г. на греческом острове Корфу.

Соглашение, начавшееся - после изложения в первой главе общих принципов - разделом о политическом диалоге, предусматривало скромную, но вполне серьезную программу взаимодействия между Европейским Союзом и Россией в сфере внешней политики и безопасности. Ее целью в Соглашении было провозглашено содействие «все большему сближению позиций по международным вопросам, являющимся предметом общей озабоченности, укрепляя тем самым безопасность и стабильность».¹ В соглашении было намечено проведение периодических встреч на высшем уровне, создание Совета сотрудничества (на уровне министров), более часто собирающегося Комитета сотрудничества (в составе старших должностных лиц) для подготовки заседаний Совета сотрудничества и решения текущих проблем, а также Комитета парламентского сотрудничества между Россией и ЕС. Подписание соглашения, казалось, открыло широкие возможности для обеих сторон.

Однако в связи с войной в Чечне ЕС замедлил процесс ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Хотя позиция ЕС не была однозначной. Как подчеркивала Европейская комиссия 31 мая 1995 г. в политическом разделе своего документа об основных направлениях будущих отношений с Россией, «Европейский Союз должен соблюдать баланс между выражением обеспокоенности нарушением Россией прав человека в Чечне и необходимостью способствовать процессу реформ в России».² В процессе продвижения к вступлению в силу Соглашения о партнерстве и сотрудничестве Евросоюз продолжал формулировать и прорабатывать свою стратегию в отношении России.

В конце концов, это вылилось в принятие Советом ЕС 13 мая 1996 г. «Плана действий Европейского Союза для России».

По мере развития сотрудничества складывалась практика создания совместных рабочих групп по принципу «тройки» (в составе экспертов от России, ЕС и председательствующего государства-члена): по проблемам безопасности, Юго-Восточной Европе, Ближнему Востоку, Северной Африке, Азии/Океании. Вошло в практику совместное обсуждение возможного сотрудничества на Генеральной Ассамблее ООН и в иных международных организациях.

1 декабря 1997 г. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве наконец-то вступило в силу. Его главным результатом явилось достижение взаимоприемлемых компромиссов в ряде принципиально важных вопросов сотрудничества, служивших предметом весьма острых дискуссий на протяжении ряда лет. В сфере внешней политики и безопасности было также обеспечено определенное продвижение вперед, что наглядно продемонстрировали быстро

---

* Гусарова Ольга Владимировна – младший научный сотрудник отдела стратегических исследований ИМЭМО РАН.

¹ Документы, касающиеся сотрудничества между ЕС и Россией. М., 1994, с. 89.

² The European Union and Russia: the Future Relationship. Brussels, 1995, p. 6.

формировавшиеся совместные органы. Что касается одного из них - Комитета парламентского сотрудничества, то он начал свою работу в Брюсселе в день вступления в силу Соглашения 1 декабря 1997 г. В ходе трехдневного заседания рассматривались и внешнеполитические вопросы и проблемы безопасности в Европе.

26-27 января 1998 г. состоялось первое, можно сказать, учредительное заседание Совета сотрудничества России и ЕС. Хотя главное внимание было уделено вопросам экономическим, Совет сотрудничества определил и круг приоритетных для того времени внешнеполитических проблем для официального диалога в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, часть которых стала впоследствии сферой деятельности Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) и дальнейшего взаимодействия России и ЕС:

- развивать документ - Европейскую хартию безопасности в соответствии с решениями, принятыми Советом министров ОБСЕ в Копенгагене. Укрепление стабильности и безопасности в регионе ОБСЕ, - говорилось в решении Совета сотрудничества, - является приоритетной целью;

- интенсифицировать усилия на Балканах, направленные на реализацию мирного соглашения и поддержание международного присутствия в Боснии-Герцеговине;

- содействовать мирному решению конфликта в Косово;

- основать регулярный диалог и сотрудничество между ЕС и Россией в рамках процесса установления стабильности и добрососедских отношений в Юго-Восточной Европе;

- продвигать консультации ЕС и России о ближневосточном мирном процессе;

- расширять сотрудничество в наблюдении за экспортом, чтобы предотвратить распространение оружия массового уничтожения и баллистических ракет;

- сотрудничать в целях поддержки мирных усилий, предпринимаемых ООН в Афганистане.

Первое заседание Комитета сотрудничества Россия — Европейский Союз, принявшего обширную программу деятельности и создавшего 9 рабочих подкомитетов, прошло 22 апреля 1998 г. в Брюсселе.

На кельнском саммите ЕС (3-4 июня 1999 г.), принявшем первые совместные решения о ЕПБО, была утверждена Коллективная стратегия Европейского Союза по отношению к России «в целях укрепления стратегического партнерства между Союзом и Россией на рубеже грядущего нового тысячелетия».³ В этом документе подчеркивалось, что «Россия и Евросоюз стратегически заинтересованы и несут особую ответственность в деле поддержания стабильности и безопасности в Европе и в других частях мира» и излагались конкретные предложения.⁴

В частности речь шла об активизации политического диалога, в том числе, и с участием новой руководящей фигуры в ЕС - Генерального секретаря Совета/Высокого представителя по вопросам внешней политики и безопасности, а также переговоров «тройки» на уровне экспертов; возможном участии России в решении «петербургских задач»; разработке совместных инициатив в области внешней политики; сотрудничестве, направленном на предотвращение кризисов, урегулирование кризисов и разрешение конфликтов, в том числе на Балканах и на Ближнем Востоке.

³ Коллективная стратегия Европейского Союза по отношению к России. Брюссель, 1999, с. 6.

⁴ Там же, с. 9.

Коллективная стратегия Евросоюза была официально вручена российским представителям на встрече Россия - «тройка» ЕС в Бонне 8 июня 1999 г. А 22 октября того же года на саммите РФ - ЕС в Хельсинки Председателем Правительства России Владимиром Путиным был представлен российский аналог этого документа - Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010 годы). Этот документ был принят правительством России осенью 1999 г. И хотя главное внимание было уделено проблемам экономического взаимодействия, Стратегия также включала вопросы внешней политики, безопасности и обороны.

Достаточно категорично и развернуто в российской Стратегии было подчеркнуто, что Москва свой выбор сделала. О планах РФ в ней говорилось: «Необходимо установить рабочие контакты и взаимодействие с органами Европейского Союза, формируемыми в соответствии с Амстердамским договором в сфере общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза, включая вопросы создания Европейским Союзом «оборонной идентичности».⁵ Была также отмечена потребность в разработке позиции России в отношении «оборонной идентичности» ЕС и развития военно-технического сотрудничества с учетом создания европейской «оборонной идентичности».

Говоря о сотрудничестве в сферах международной безопасности, российская стратегия выделяла:

- миротворчество;
- урегулирование кризисов;
- различные аспекты ограничения и сокращения вооружений;
- предотвращение и мирное урегулирование локальных конфликтов.

Особое внимание в российской Стратегии было уделено антитерроризму, о чем в ней сказано дважды: о совместных усилиях России и ЕС в борьбе с терроризмом и о налаживании оперативного сотрудничества «с существующими и вновь создаваемыми органами и механизмами Европейского Союза, компетентными в области борьбы с международным терроризмом».⁶

Настоящий прорыв в сфере сотрудничества России и ЕС в области безопасности и обороны произошел ближе к концу 2000 г. 30 октября Президент РФ Владимир Путин, Президент Франции Жак Ширак при участии Генерального секретаря/Высокого представителя Хавьера Соланы и Председателя Комиссии ЕС Романо Проди подписали первый в истории отношений России с Евросоюзом документ, специально посвященный взаимодействию в сферах внешней политики, безопасности и обороны, - Совместную декларацию об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе.

В декларации были определены первые совместные шаги в этой приоритетной, как отметили обе стороны, сфере сотрудничества. Они решили:

1. Учредить специальные консультации по вопросам безопасности и обороны;
2. Развивать стратегический диалог в области безопасности по вопросам, затрагивающим РФ и ЕС;
3. Расширять спектр регулярных консультаций на экспертном уровне по вопросам разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения;

---

⁵ Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010 годы). // Современная Европа, №1, 2000, с. 98.

⁶ Там же, с. 104.

4. Развивать сотрудничество в области оперативного управления кризисами.⁷

В совместной декларации, естественно, были рассмотрены лишь приоритетные практические проблемы сотрудничества. Вместе с тем в нее был заложен большой перспективный потенциал взаимодействия.

С 2000 до 2005 г. было принято пять совместных документов, специально посвященных сотрудничеству в областях внешней политики, безопасности и обороны и два - о борьбе против терроризма. Эти проблемы зримо фигурировали и в общих решениях и декларациях, посвященных всему комплексу отношений между Россией и ЕС.

Совместная декларация 2000 г. была сравнительно коротким документом и не рассматривала детали сотрудничества России и ЕС по проблемам безопасности и обороны. И это тоже было вполне естественно. ЕПБО находилась на первых этапах своего формирования. Обе стороны не имели достаточного опыта прямого взаимодействия в этих сферах.

И, тем не менее, в Совместной декларации уже были заложены, если так можно выразиться, в зародыше, все основные направления последующего сотрудничества. Их можно условно разделить на две большие группы. Первая - это сравнение позиций, сближение их, выработка совместных договоренностей, общих подходов. Затем важное место занимали общие позиции по крупнейшим проблемам международной безопасности, в первую очередь разоружению, контролю над вооружениями и сокращению их. Наконец, большое значение и для России и для ЕС играла сверка взглядов на острые международные конфликты и кризисы и выработка общих подходов к их предотвращению и урегулированию.

Что касается второй группы вопросов, рассматривавшихся в процессе взаимодействия, то они затрагивают сферу непосредственных практических действий, совместных акций России и ЕС. В этой сфере прогресс есть, но он мог бы быть значительнее.

Довольно быстро Россия и Евросоюз начали решать вопросы обмена информацией. Уже на московском саммите 17 мая 2001 г. они договорились, что ЕС будет информировать Россию о развитии событий в вопросах европейской политики в области безопасности и обороны, а Россия будет информировать ЕС о развитии ее политики безопасности и обороны и ее реализации. Впоследствии этот старт подкреплялся дополнительными договоренностями.

Этому способствовало постепенное, точнее говоря, довольно медленное формирование структур сотрудничества РФ - ЕС в сфере ЕПБО. В 2002 г. Россия назначила своего представителя при Военном штабе ЕС для развития практического обмена информацией по военному урегулированию кризисов. С ноября 2002 г. он постоянно функционирует. Еще до этого, с конца 2001 г. постепенно была сформирована и постоянная система политического сотрудничества, охватывающая также области безопасности и обороны - регулярные встречи посла РФ при Европейском Союзе с руководством Комитета по политике и безопасности - ведущей структуры ЕПБО.

Конкретные практические результаты сотрудничества не заставили себя долго ждать, хотя их было и не особенно много. Россия приняла участие в проведении самой первой акции ЕПБО - Полицейской миссии ЕС в Боснии и

---

⁷ Саммит Российская Федерация – Европейский Союз (Париж, 30 октября 2000 г.). Совместная декларация об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе. М., 2000, с. 2.

Герцеговине, начавшейся 1 января 2003 г. Чуть позже Россия приняла участие в первом совместном учении по управлению кризисами (СМЕ/СМХ 03),⁸ проводившемся совместно ЕС и НАТО 19-25 ноября 2003 г.

Европейский Союз со своей стороны начал оказывать России существенную помощь в решении проблем выполнения международных соглашений о взаимном сокращении вооружений.

10 мая 2005 г. на саммите в Москве в числе четырех «Дорожных карт» была подписана и «Дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности. Был подготовлен основательный документ, в котором сформулированы цели сотрудничества, сферы применения и конкретные планы в 5 главных областях. Это:

- усиленный диалог и сотрудничество на международной арене;
- борьба с терроризмом;
- нераспространение оружия массового уничтожения;
- сотрудничество в области кризисного регулирования;
- сотрудничество в области гражданской защиты.

В «Дорожной карте», прежде всего, были сведены воедино все многочисленные идеи и конкретные предложения и задачи, которые были наработаны за полдесятилетия сотрудничества по проблемам безопасности и обороны. Некоторые критики в этой связи утверждали, что в ней нет ничего нового. Но такие оценки едва ли можно признать справедливыми. Есть и новое, и значительное уточнение и расширение прежних позиций сотрудничества России и Евросоюза.

Достаточно лишь перечислить их: содействие скорейшему подписанию и ратификации Международной конвенции ООН о борьбе с актами ядерного терроризма, завершению работы над Всеобъемлющей конвенцией ООН о международном терроризме; проведение сравнительного анализа подходов России и ЕС к нераспространению оружия массового уничтожения; проведение консультаций накануне основных заседаний по проблемам борьбы с терроризмом, нераспространения оружия массового уничтожения для возможных совместных действий, а также консультации в ходе таких заседаний для координации позиций и действий; расширение режимов экспортного контроля (Режим контроля над ракетными технологиями, Группа ядерных поставщиков, Вассенарские договоренности), развитие сотрудничества с целью дальнейшей универсализации этого кодекса; работа в отношении угроз, создаваемых старыми боеприпасами, включая противопехотные мины и взрывоопасные пережитки войны.⁹ Все это относится к совместным усилиям по выработке общих подходов к глобальным проблемам безопасности.

Не менее емким является и круг нововведений в практику двустороннего взаимодействия России и Европейского Союза: продвижение контактов между российскими структурами и Европейским оборонным агентством; укрепление диалога с целью подготовки основы для совместных инициатив, направленных на урегулирование региональных конфликтов, помимо прочего, в регионах, прилегающих к границам России и Европейского Союза; заключение соглашения о защите информации; обмен мнениями между экспертами по сотрудничеству военно-морских сил в области навигации и гидрографии, проведению подводных исследований для обеспечения безопасности

---

⁸ Название учения Crisis Management Exercise повторяется в этой формуле дважды: СМЕ – аббревиатура, принятая в ЕС, СМХ – принятая в НАТО.

⁹ «Дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности, 10 мая 2005 г., (<http://www.kremlin.ru/text/docs/2005/05/88012.shtml>)

судоходства, по гидрометеорологии и раннему предупреждению катастроф; сотрудничество в подготовке кадров и проведении учений; взаимопомощь в ходе поисково-спасательных операций при чрезвычайных ситуациях на подводных лодках, кораблях и самолетах. В перечислении обойдены многочисленные нюансы, которые тоже играют свою роль.

Важным также является и то, что в «Дорожной карте» собраны, систематизированы и системно увязаны все основные направления сотрудничества РФ и ЕС в укреплении безопасности и обороны. Сформулированы цели и определены или намечены пути их достижения.

В настоящий момент одной из актуальных тем для РФ и ЕС является заключение нового, имеющего долговременный и стратегический характер договора об отношениях России и ЕС, который должен прийти на смену действующему с 1997 г. Соглашению о партнерстве и сотрудничестве.

27 июня 2008 г. на саммите РФ-ЕС в Ханты-Мансийске Россия и Евросоюз официально объявили о начале переговоров по новому соглашению.

Первый раунд этих переговоров состоялся 4 июля 2008 г. в Брюсселе. В ходе первого раунда переговоров России и ЕС по новому базовому соглашению был достигнут консенсус по вопросам, которые войдут в будущее соглашение, и по организации переговоров по этому документу. По словам представителя России Владимира Чижова, стороны договорились о содержании и объеме будущего соглашения, в которое войдут политический диалог, торговое и экономическое сотрудничество, реформы в сфере правосудия, свобод, безопасности, науки, образования и культуры.

Однако грузино-южноосетинский конфликт и роль России в его разрешении заставили европейские страны насторожиться и взять некую паузу в обсуждении каких-либо вопросов, связанных с дальнейшим сотрудничеством России и ЕС, особенно в области безопасности. Такое решение было принято 1 сентября 2008 г. на чрезвычайном саммите ЕС. Как отметил президент Франции Николя Саркози, Евросоюз не останавливал, а лишь перенес работу по подготовке этого соглашения. По его словам, это было сделано в связи с тем, что между Россией и Евросоюзом возникли разногласия, поскольку Евросоюз не согласен с односторонним признанием Россией Абхазии и Южной Осетии.¹⁰

10 ноября 2008 г. на заседании совета ЕС на уровне министров иностранных дел все страны союза за исключением Литвы высказались за продолжение переговоров. 14 ноября в Ницце на саммите Россия-ЕС было решено возобновить переговоры. И уже 2 декабря начался второй раунд переговоров по соглашению о стратегическом партнерстве. Как сказал Д. Медведев на пресс-конференции по итогам саммита 14 ноября, «у нас действительно возникла пауза при подготовке этого документа. Не мы были сторонниками этой паузы, но она возникла и хорошо, что она сейчас преодолена».¹¹

Российскую сторону представлял постпред РФ при ЕС Владимир Чижов, европейскую – глава гендиректора Еврокомиссии по международному сотрудничеству Энеко Ландабуру. По словам Чижова, обе стороны «неплохо

---

¹⁰ См.: Россия и ЕС возобновили переговоры о стратегическом партнерстве // Коммерсант.ru, 02.12.2008, (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=517deaeb-7380-44c3-b717-8311e6ebe204&docsid=1088022>).

¹¹ Выступление президента Российской Федерации Д.Медведева на Конференции по мировой политике, 8 октября 2008 г., (http://www.kremlin.ru/appears/2008/10/08/1619_type63374type63377type82634_207422.shtml).

подготовились» к переговорам. «Мы более детально обсудили структуру будущего соглашения и наметили дальнейшие шаги», - сказал он после переговоров.¹²

Нельзя не отметить и еще одну инициативу, с которой в июне 2008 г. выступил российский президент Дмитрий Медведев. Он предложил разработать и заключить юридически обязывающий договор о европейской безопасности. Выступая на Конференции по вопросам мировой политики в октябре 2008 г. во Франции, он впервые представил свое видение такого договора.

По его словам, события на Кавказе подтвердили правильность идеи нового договора о европейской безопасности. «С его помощью вполне можно создать единую и надежную систему всеобъемлющей безопасности». «Эта система должна быть главной для всех государств, без изоляции кого-либо и без зон по каким-то равным уровням безопасности. Она должна быть призвана объединить всю Евроатлантику на основе единых правил игры и на долгие годы в юридически обязывающей форме обеспечить общие гарантии безопасности».¹³

Говоря о своем видении элементов такого договора, Д. Медведев выделил пять базовых принципов на которых, по его мнению, должен основываться этот договор. Это:

✓ Четкое подтверждение базовых принципов безопасности и межгосударственных отношений на евроатлантическом пространстве: "Это приверженность добросовестному выполнению международных обязательств, уважение суверенитета территориальной целостности и политической независимости государств, уважение всех других принципов, которые вытекают из Устава ООН".¹⁴

✓ Подтверждение недопустимости применения силы или угрозы ее применения в международных отношениях: "Существенно, чтобы договор дал гарантию единообразной трактовки и соблюдения этих принципов. Закрепить единство подходов к предупреждению и мирному урегулированию конфликтов на евроатлантическом пространстве тоже нужно в самом договоре. Упор следовало бы сделать на переговорных развязках с учетом мнения сторон и при безусловном уважении к миротворческим механизмам. Может быть, нужно закрепить и сами эти процедуры, сам механизм урегулирования споров".¹⁵

✓ Гарантии обеспечения равной безопасности: "Здесь нужно следовать трем "не": не обеспечивать свою безопасность за счет безопасности других, не допускать в рамках любых военных союзов и коалиций действий, которые ослабляют единство общего пространства безопасности, и не позволять, чтобы развитие военных союзов осуществлялось в ущерб безопасности других участников договора".¹⁶

✓ Подтверждение того, что ни одна из стран, включая Россию, не имеет эксклюзивных прав на поддержание мира в Европе.

✓ Установление базовых параметров контроля над вооружениями и разумной достаточности в военном строительстве: "Важно новое качество взаимодействия по нераспространению оружия массового уничтожения, пресечение наркотрафика и терроризма".¹⁷

---

¹² См.: Россия и ЕС возобновили переговоры о стратегическом партнерстве...

¹³ Выступление президента Российской Федерации Д.Медведева на Конференции по мировой политике...

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Итак, как мы проследили, в отношениях России и ЕС существует база для расширения и углубления сотрудничества в области безопасности и обороны. Однако точка зрения России на механизм обеспечения безопасности не всегда совпадает, а иногда является диаметрально противоположной точке зрения ЕС. Яркими примерами являются чеченский вопрос, Косовский кризис, а также события августа 2008 г.

Очень важной также остается проблема разделения функций НАТО и непосредственно Европейской политики безопасности и обороны. Нельзя забывать, что из 27 стран-членов ЕС 20 являются также членами НАТО. Поэтому самостоятельность ЕС в области безопасности и обороны находится под большим вопросом. Без увязки интересов существующих организаций в одну систему взаимодействия будет очень тяжело добиться существенных результатов в том или ином вопросе.

Неким сближающим фактором на пути взаимодействия России и ЕС может послужить мировой финансовый кризис, так как это общая проблема, затрагивающая интересы всех стран, экономики которых являются частями общей мировой экономики. А говоря о России и ЕС, нельзя забывать, что они являются друг для друга важнейшими экономическими партнерами.

И в заключение хочется отметить, что, несмотря на явные разногласия по некоторым вопросам, Россия и ЕС пытаются двигаться вперед, осознавая необходимость совместных усилий в области обеспечения безопасности не только в Европе, но и во всем мире.

А.В. Дворцов*
**Энергетическая безопасность в планах и программах Министерства
обороны США**

На сегодняшний день министерство обороны (МО) США уделяет повышенное внимание вопросам энергетической безопасности. Работа ведется по широкому спектру проблем и носит долговременный характер, кроме того, деятельность МО контролируется Конгрессом.

Хорошо известно, что энергия является важным стратегическим ресурсом, который имеет военное, экономическое, экологическое значение для страны. Например, в 2006 и 2007 финансовых годах общие затраты МО на обеспечение своих энергетических потребностей превысили 13 млрд. долл., а в 2008 финансовом году были запрошены дополнительные 5 млрд. долл. на покрытие роста стоимости топлива. Последние годы потребовали от США огромных финансовых затрат на обеспечение энергетических проблем МО, а топливо постоянно продолжает дорожать, что неминуемо ведет к вынужденному сокращению своих энергетических потребностей. Так, например, в 2001 г. минимальная стоимость доставки топлива в зону боевых действий сухопутным путем составляла 15 долларов за галлон (без учета стоимости оплаты охраны), воздушным путем – 26 долларов за галлон (без учета стоимости самолета). Однако эти оценки базировались на товарной цене топлива в то время менее 90 центов за галлон. В 2006 г. группа советников МО под кодовым названием «JASON» оценила стоимость доставки топлива воздушным путем уже в 42 доллара за галлон. Термин, отражающий более реалистичное значение стоимости поставленного топлива на театр боевых действий, получил название «полная вмененная стоимость топлива» (fully burdened cost of fuel – FBCF). В настоящее время, усилия направлены на определение количественного значения FBCF для разных систем оружия и военной техники. Это и должно обеспечить разумное планирование применения вооруженных сил и инвестиций в развитие технологий. А сокращение потребления топлива повлечет за собой:

- ликвидацию конвоев в зоне боевых действий, что высвободит силы для решения других боевых задач;
- сокращение размеров тыловых структур, занимающихся топливным обеспечением;
- снижение прямых эксплуатационных расходов, смягчение влияния на бюджет колебаний товарных цен.

В мае 2006 г. министр обороны уполномочил директора управления военных НИОКР возглавить рабочую группу по энергетической безопасности. Цель - разработка инвестиционной дорожной карты, которая обеспечит снижение потребностей МО в ископаемом топливе и разработку альтернативных источников энергии. Состав - старший руководящий состав от всех подразделений министерства, имеющих отношение к энергетическим вопросам.

Каждый из видов ВС установил административные процессы для интеграции усилий по энергетическим вопросам и проблемам. Сухопутные войска (СВ) создали Рабочую группу по энергетической безопасности СВ для решения комплексных проблем. Военно-морские силы (ВМС) создают Рабочую группу по энергетическим проблемам для всестороннего обеспечения структуры управления энергетическими вопросами. Военно-воздушные силы (ВВС) уже несколько лет имеют четкую

---

* Дворцов Александр Витальевич – младший научный сотрудник отдела стратегических исследований ИМЭМО РАН.

структуру, возглавляемую помощником министра по объектам, охране окружающей среды и тылу, имеющую несколько подчиненных технических подразделений.

В сентябре 2008 г. был разработан стратегический план, который включает в себя:

1. Поддержание или повышение эксплуатационной эффективности путем уменьшения общего потребления энергии – сокращение потребления.

2. Повышение энергетической безопасности через стратегическую устойчивость.

3. Повышение эксплуатационной и экономической эффективности через включение энергетических решений в практику планирования и реализации военных и экономических вопросов в МО.

4. Установление и мониторинг общеминистерской системы энергетических показателей.

В качестве общих направлений сосредоточения усилий определены сокращение системных потребностей в топливе платформ (самолеты, танки, корабли и т.п.), оружия, стационарных и временных объектов и сооружений. Дополнительно, министерство обязалось минимизировать связанные с энергией риски - как по топливу, так и по электричеству - наличие, доступность и своевременность поставки в зоны военных действий для поддержания боевых возможностей. В дополнение к улучшению боеспособности развернутых на театре войны частей и подразделений (за счет уменьшения их зависимости от топливных поставок) признано целесообразным изыскивать технические решения по сокращению потребления топлива платформами, способные существенно повысить тактико-технические характеристики и боевые возможности отдельных образцов вооружения. Все эти аспекты должны учитываться при выборе конкретных направлений финансирования соответствующих работ.

Повышение эффективности решения энергетических проблем достигается также за счет привлечения других организаций, таких как федеральные ведомства, промышленность, научно-исследовательские учреждения, а также международное сообщество к совместной работе с МО США.

Теперь рассмотрим некоторые мероприятия МО США в области сокращения потребления энергии.

В Национальном учебном центре (форт «Ирвин», штат Калифорния) в настоящее время исследуются возможности полного отключения своих сооружений от электрической сети (делая их энергетически защищенными) с созданием потенциала продажи «зеленой» энергии обратно калифорнийским электросетям. Армия назвала форт «Ирвин» объектом «чистый ноль плюс» и поддерживает превращение его в независимый от электрических сетей объект.

Рабочая группа по обеспечению энергией (Power Surety Task Force) в июле 2008 г. продемонстрировала технологию аэрозольно-пенной изоляции и гелиоэнергетическую систему на жилых объектах форта «Бельвью», штат Виргиния. В ходе демонстрации, которая обошлась в 115 тыс. долл., собирались данные, позволяющие определить самую эффективную по затратам комбинацию изоляции и солнечных элементов. В случае успеха, изоляция как минимум только фронтонов и офисных зданий на всех военных объектах может дать существенную экономию.

В ходе реконструкции пятого крыла Пентагона было одобрено использование светодиодных осветительных арматур вместо флуоресцентных и других осветительных приборов, использовавшихся в ранее отремонтированных крыльях. Установка 4200 осветительных арматур, каждая из которых потребляет приблизительно на 20 Квт меньше энергии, приводит к экономии 376 тысяч кВт-часов в год на всех осветительных приборах для одной пятой части Пентагона.

Светодиодные осветительные арматуры рассчитаны на приблизительно 11,5 лет эксплуатации, что приведет к чистой экономии за срок их службы в размере примерно 4 миллионов долларов

Большое число проектов реализуется в направлении повышения топливной эффективности платформ. Так, проект разработки высокоэффективного встроенного газотурбинного двигателя (Highly Efficient Embedded Turbine Engine - HEETE), который является составной частью программы создания перспективного универсального газотурбинного двигателя умеренной стоимости, нацелен на разработку базовых технологий высокотемпературных двигателей с высоким коэффициентом давления, которые способны сократить потребление топлива на 25 процентов по сравнению с сегодняшними системами. В основе HEETE лежит элемент самого высокого технического риска в создании нового двигателя - разработка компонента компрессора высокого давления. Согласно графику стендовые испытания запланированы на 2010 финансовый год. Эти технологии применимы ко всем газотурбинным двигателям и могут быть использованы в коммерческой авиационной технике.

Трехлетняя программа демонстрации малых двигателей, работающих на топливе с высокой удельной плотностью, начата в 2008 финансовом году и нацелена на повышение топливной эффективности и удельной мощности двигателей для беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и генераторов на 20%. Три продемонстрированных двигателя показали способность работать на тяжелом топливе, типа JP-8, таким образом, сокращая номенклатуру топлива, используемого на поле боя и уменьшая нагрузку на тыловые органы.

ВВС закончили рассмотрение предварительного проекта прототипа БПЛА большой продолжительности полета для решения задач на средних высотах без дозаправки топливом в течение 5-7 дней. Цель этой демонстрации состояла в том, чтобы показать возможность осуществления экономически приемлемого постоянного наблюдения с использованием последних энергетически эффективных авиационных технологий. Хотя рассмотрение предварительного проекта показало, что бюджет был недостаточен для постройки и демонстрации летающего опытного образца, опыт этой программы может быть интегрирован в другие реализуемые программы БПЛА.

Рабочая группа по энергетической безопасности активно работает с региональными командующими с целью понять их энергетические потребности и проблемы, приоритеты которых для каждого командования свои. Например, Центральное командование, прежде всего, обеспокоено опасностями перебоев с поставками топлива на передовые операционные базы. Европейское командование сосредоточено на аспектах безопасности, связанных с поставщиками энергии, использующими энергию как способ оказать влияние на другие страны. Недавно сформированное Африканское командование изыскивает автономные источники энергии для сотрудничества в сфере безопасности, обеспечивающие генерацию энергии или поставки топлива в отдаленные районы.

Рабочая группа по обеспечению энергией, также была передана в Рабочую группу по энергетической безопасности, и одной из ее основных задач стало обеспечение связи с региональными командующими и обеспечение их поддержки по энергетическим вопросам. Рабочая группа по обеспечению энергией в настоящее время целенаправленно работает на многонациональные силы в Ираке. Она провела испытания ряда новых энергетических технологий, которые могут использоваться на театре военных действий. Ее способ действий заключается сначала в сокращении спроса, затем в проведении технических оценок, направленных на прекращение бесполезного генерирования или ликвидацию

избыточных мощностей и, наконец, внедрение альтернативных и возобновляемых источников энергии.

Чтобы продемонстрировать эксплуатационную эффективность сокращения спроса в совокупности с использованием альтернативных/возобновляемых источников энергии, Рабочая группа по обеспечению энергией и Национальный учебный центр создали учебные энергетически эффективные структуры. Демонстрация этих структур является для командующих примером того, как системный подход может обеспечить предполагаемые сбережения энергии приблизительно на 60%. Эти усилия стали предшественником демонстрации единой технологической концепции "Чистый ноль плюс" (Net-Zero Plus Joint Concept Technology Demonstration - JCTD), спонсированной Центральным командованием США в целях превращения передовых операционных баз в электроэнергетические независимые объекты.

В рамках JCTD будут создаваться опытные образцы, испытываться и оцениваться разнообразные технологии, которые, в совокупности, могут потреблять меньше энергии, чем они создают (с применением, как сокращения потребления, так и возобновляемых технологий). По результатам будут выявляться те, которые следует рекомендовать для включения в жизнеспособные проекты, реализуемые на объектах МО. В результате упоминавшихся выше демонстраций, руководство форта «Ирвин» намеревается распространить эти технологии на все свои сооружения. По их оценкам, инвестиции в размере 25 млн. долл. способны сэкономить 105 млн. долл. за пять лет при сроке окупаемости в девять месяцев.

В июле 2007г. Рабочая группа по обеспечению энергией продемонстрировала технологию изоляции временных сооружений, типа палаток и жилых помещений контейнерного типа, методом внешнего аэрозольно-пенного покрытия. Полученное сбережение энергии в размере 40-75% привело к тому, что командование многонациональных сил в Ираке выдало контракт стоимостью в 95 млн. долл. на изолирование более чем 800 тысяч квадратных метров временных сооружений. На основе экстраполяции данных предыдущих демонстраций, дополнительные 800 тыс. кв. метров изолированных временных сооружений могут сэкономить на театре более чем 77 тыс. галлонов топлива в день, что эквивалентно приблизительно 13 грузовикам с топливом. Связанная с этим экономия затрат составит более чем 300 тыс. долл. в день при цене топлива в 4 доллара за галлон (не включая расходы военного тыла и на привлекаемую охрану, сэкономленные от сокращения спроса).

Итак, даже небольшая часть рассмотренных примеров позволяет сделать вывод о том, что повышенное внимание руководства министерства обороны США к вопросам энергетической безопасности носит конкретный, долгосрочный и активный характер. Работа одновременно ведется по широкому спектру проблем и дает на практике ощутимые результаты.

Бадаева А.С.*

Формирование интеллектуального капитала как фактор обеспечения безопасности (на примере трансформации европейских и российских образовательных стандартов)

Современные тенденции развития общества, его переход в «информационную» фазу, трансформируют границы понятия «мощь государства». При сохранении значительной роли военно-силового компонента на первый план все больше выдвигаются экономические, финансовые, интеллектуальные и информационные ресурсы влияния на партнеров и оппонентов. Действительно, не количество добываемого угля, стали или нефти, а скорее Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), показывает уровень развития того или иного общества. Знания и информация выступают сегодня как самостоятельная, решающая сила общественного производства, способная обеспечить безопасность государства. Политика влиятельных государств нацелена, в значительной степени, на преобладание в глобальном информационном пространстве. Она комбинирует использование экономических, информационных и военно-политических рычагов для «конструирования» нужных «партнеров» – правительств, готовых принять навязываемые им извне условия решения международных и внутренних проблем. В таких условиях, лидирующее место в мире будут сохранять те страны, где развиты институты по воспроизводству человеческого капитала, то есть институты образования и воспитания. В рамках данной работы невозможно проанализировать все аспекты данной проблемы. Рассмотрим лишь те изменения, которым подвергаются сегодня европейские и российские образовательные стандарты, и проанализируем, как влияют эти изменения на формирование интеллектуального капитала и на информационную безопасность участвующих в реформе стран.

Европейский союз (ЕС) стоит сегодня на пороге перемен. Его основная цель – полная интеграция входящих в него стран. К настоящему моменту удалось значительно продвинуться в экономической интеграции, создать общие европейские структуры и сформулировать политику, тогда как в контексте глобального, многополярного мира, с множеством различных культур, все острее ощущается необходимость политического единства, строительство которого в ЕС столкнулось с рядом трудностей. До сих пор не произошла «моральная» интеграция, понимаемая как процесс, объединяющий его участников через создание ими своей принадлежности к единому целому.¹ В данном случае построение соответствующей системы образования, нацеленной на преодоление подобных барьеров и создание первой экономики в мире, становится сегодня задачей номер один для ЕС. Настоящая реформа не случайно уделяет первостепенное значение мобильности образования. Например, инженер, получающий образование в Португалии, хочет приехать на работу во Францию и остаться там. Перед ЕС стоит задача введения единых требований к образованию, чтобы такого человека действительно приняли на работу в другой стране и были уверены в нем как в специалисте. Болонский процесс, начатый в ЕС в 1999 г. и предлагающий единые образовательные стандарты, совместно с такими программами образовательной мобильности как Эразмус (Erasmus), Комениус (Comenius), Темпус (Tempus), «Обучение в течение жизни» (Life Long Learning Programme - LLP) и др., не только создает благоприятные условия для экономической интеграции региона, но и продвигает общие культурные

---

* Бадаева Анна Сергеевна – младший научный сотрудник ИМЭМО РАН.

¹ Куарони К. Европейская идентичность, или как помочь людям ощутить себя гражданами Европы // Журнал Европейского Союза, №35, январь 2004, (http://www.delrus.ec.europa.eu/em/39/eu35_07.htm).

ценности, обеспечивает формирование единого сознания у всех возрастных групп населения ЕС путем их активного участия в общественной и политической жизни. Иными словами, Евросоюз разработал необходимую для своего дальнейшего развития образовательную стратегию и пытается воплотить ее в жизнь. На территории ЕС постепенно формируется единое образовательное пространство, необходимое для укрепления европейской гражданской идентичности. Именно отсутствие последней зачастую препятствует становлению политической стабильности в Евросоюзе, создает дополнительные угрозы безопасности в регионе.

Теперь обратимся к ситуации в России. Переход от сырьевой экономики к экономике знаний – это сегодня настоятельная необходимость для нашей страны, пережившей грандиозную трансформацию и ищущей свое место в постиндустриальном пространстве. Чтобы соответствовать новой реальности, необходимы изменения, реформы. Для лучшего результата надо четко ставить цели и определять задачи. Важные цели России отличаются от целей ЕС. Это не политическая интеграция, а, прежде всего, удвоение ВВП, поднятие уровня жизни, борьба с бедностью. Но этих целей также нельзя достичь без решения задач образования.

Более 10 лет происходит постепенная трансформация отечественной системы образования. Так, уже в 1996 г. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»² юридически закрепил наличие ступеней в высшем профессиональном образовании, а именно, дипломов бакалавра, специалиста и магистра. В 2003 г. Россия подписала Болонскую декларацию, а в феврале 2005 г. Министерство образования и науки утвердило План мероприятий по реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования на 2005-2010 годы.³ Выполнение указанного плана контролируется группой по осуществлению Болонских принципов в России, созданной при Министерстве образования и науки России. После встречи министров образования участвующих в Болонском процессе стран, в Бергене, в 2005 году, работа по трансформации российской высшей школы продвинулась дальше:

– приказом Минобрнауки России от 25 апреля 2005 г. № 126 утвержден Перечень головных вузов и организаций и вузов-координаторов в федеральных округах в части реализации основных целей в соответствии с Болонской декларацией;

– активизировалась работа по переходу на систему зачётных единиц (European credits transfer systems, ECTS), повышению автономии и академических свобод вузов в планировании и организации образовательного процесса, усилению роли самостоятельной работы студента и оптимизации учебной нагрузки педагогических работников (приказы Минобрнауки России от 27 июля 2005 г. № 215, от 3 апреля 2006 г. № 77, от 30 июня 2006 г. № 173).⁴

На сегодняшний момент в настоящем реформировании участвуют более 60 российских высших учебных заведений, а также разрабатываются подходы к формированию новых государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования как комплексных федеральных норм качества с ориентацией на результаты образования. В июле 2006 г. по инициативе Европейской

---

² Федеральный Закон от 22.08.1996 г. N125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании».

³ Приказ Министерства образования и науки РФ от 15.02.2005 г. № 40 «О реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации».

⁴ Национальный Доклад РФ 2005-2007 об участии России в Болонском процессе к встрече министров образования стран-участниц БП в Лондоне, май 2007 г., (<http://portal.ntf.ru/portal/pls/portal/docs/1/37175.DOC>).

ассоциации университетов (European University Association, EUA) в Российской Федерации сформирована национальная Группа Болонских промоутеров, осуществляющих свою деятельность по трем основным направлениям: многоуровневая система высшего образования, система зачётных единиц и система обеспечения качества образования. В составе этой группы по каждому из направлений работают представители студенчества.

Перечисленные выше факты показывают, что при реформировании российской системы образования происходят заимствования западных образцов, главным образом, европейских. Действительно, в базовом докладе «Реформа образования в обновленной России» отмечается, что «важной задачей образовательной политики является преодоление изолированности российской системы высшего образования», что «предстоит многого достичь на пути успешной интеграции российского высшего образования в мировое образовательное пространство».⁵ Подобные трансформации имеют свое объяснение. Важно учитывать, что демократическое устройство нашего государства, открытость современной России миру, стремительное развитие новых технологий диктуют особые условия реформирования отечественной системы образования. Так, более 50% российской внешней торговли и иных внешнеэкономических связей приходится именно на Евросоюз. Эти связи реализуются, прежде всего, людьми с высшим образованием: если их образование сопоставимо, связи налаживать и поддерживать легче.

Достаточно продолжительный период реализации реформы российского образования позволяет уже подвести некоторые итоги и обозначить наметившиеся тенденции формирования интеллектуального капитала в нашей стране. Безусловно, трансформация российской системы образования согласно западноевропейским стандартам, имеет положительные стороны. Россия – огромная страна. Выпускник вуза из Астрахани, к примеру, хочет жить и работать в Санкт-Петербурге. Предлагаемая мобильная система образования и гибкая система зачетных единиц призвана помочь реализовать планы таких студентов и поднять экономику страны путем беспрепятственного перемещения активных и талантливых специалистов. Но в то же время возникает ряд вопросов, которые прямо или косвенно связаны с проблемами безопасности России.

Отечественная система высшего образования обладает существенными преимуществами, которые неплохо было бы сохранить. Речь идет о ее фундаментальности. В процессе обучения студент приобретает не просто профессиональную подготовку, но и более широкий интеллектуальный кругозор, что в условиях необходимости постоянного повышения квалификации конкретным работником и потребности в непрерывном совершенствовании человеческого капитала на производстве повышает его конкурентоспособность на рынке. Даже поверхностный анализ российской эмиграции показывает, что по факту наша система высшего образования высоко котируется. Причем, опыт общения с российскими гражданами, работающими за границей, говорит, что их конкурентоспособность повышается именно благодаря широте полученных знаний. Другими словами, именно универсальность и известная методическая продуманность российской системы образования обеспечивает ее реальную конкурентоспособность. Проблема в том, что Болонский процесс способен нарушить именно эти традиции нашей школы, предлагая обеспечение гибкости образовательного процесса и мобильности студентов посредством системы зачётных единиц. Это особая модульная система обучения, активизирующая

---

⁵ Митрохин В.К. Болонский процесс в свете концепции национальной безопасности Российской Федерации // Международное публичное и частное право, № 2, 2005.

«самостоятельность студента», при которой он сам формирует свою нагрузку и выбирает наиболее интересные для себя программы. Помогать ему в этом должен особый наставник, «тьютор». Данная должность уже введена и в нашей стране.⁶ Однако важно заметить, что специальных факультетов или отделений «тьюториала» в российских вузах пока нет, работают лишь три сертифицированных центра по подготовке тьюторов: в Томске, Ижевске и Москве. Следовательно, требуемых, согласно Болонским правилам, специалистов-тьюторов явно не хватит на все вузы нашей страны. Еще больше методическая продуманность отечественной системы образования может пострадать, если студент сам будет выбирать свои зачетные единицы. Очевидно, что студент не может самостоятельно составлять программу обучения. Нужно очень хорошо знать содержание профессии, суть квалификационных и профессиональных требований, хорошо разбираться в предлагаемых для изучения предметах, чтобы составить такую программу.

Но, пожалуй, наибольшее количество дискуссий вызывает переход российского высшего образования на уровневую систему. В настоящее время в России законодательно определены три ступени высшего профессионального образования: бакалавр – со сроком обучения от 3 до 4 лет; специалист – со сроком обучения не менее 5 лет; магистр – со сроком обучения не менее 6 лет.⁷

Количество студентов, получающих традиционный для отечественной системы образования диплом специалиста, до последнего времени остается очень большим. При этом разработаны и утверждены соответствующие нормативные правовые акты, регламентирующие процедуры аттестации и государственной аккредитации студентов, обучающихся по программам бакалавр и магистр. Активно вносятся изменения в государственные образовательные стандарты для бакалавров и магистров, направленные на повышение перспективы трудоустройства выпускников, ускоренное обновление содержания, усиление гибкости учебных программ. Проводится широкая разъяснительная работа среди вузовской общественности и работодателей о новом подходе к подготовке кадров.

Рассмотрим более подробно два новых уровня, вводимых в российскую систему высшего образования. Первому циклу многоступенчатой системы отвечает бакалавриат. Все обладатели этой степени имеют право на конкурсной основе продолжить образование по основным образовательным программам второго цикла, которому соответствует магистратура. Сегодня лишь очень немногие конкретные квалификации не имеют деления на два новых уровня. К ним относятся подготовка специалистов в области здравоохранения, сервиса, информационной безопасности. Из этого следует вывод, что диплом специалиста вытесняется, поскольку все большее количество российских вузов принимают Болонскую программу и отдают предпочтение дипломам магистра и бакалавра. По данным опроса уже 1277 высших учебных заведений и их филиалов (73%) рассмотрели на своих ученых советах вопросы, связанные с основными положениями Болонской декларации.⁸ Теперь проанализируем процентное соотношение студентов, обучающихся на всех трех ступенях в учебных заведениях РФ, имеющих лицензию на реализацию образовательных программ в сфере высшего профессионального образования (включая экстернат). Оно выглядит следующим образом: в 2007 г. диплом бакалавра

---

⁶ Эта новая должность в составе профессиональных квалификационных групп утверждена приказами Минздравсоцразвития России от 05.05.2008 г. №216н и №217н.

⁷ Федеральный закон № 232-ФЗ от 24 октября 2007 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления уровней высшего профессионального образования)».

⁸ Национальный доклад РФ 2005-2007 об участии России в Болонском процессе к встрече министров образования стран-участниц БП в Лондоне ...

получили 7% студентов; диплом специалиста – 92,4%; диплом магистра – 0,6%.⁹ Обратим внимание на следующую тенденцию. Если из процесса обучения исключить диплом специалиста, оставив только степень бакалавра и магистра, то количество магистров будет в 11,6 раз меньше. То есть, большинство российских граждан отдает предпочтение диплому бакалавра, ограничивая тем самым свое высшее образование всего 3-4 годами учебы.

Таким образом, введение двухуровневой системы высшего образования без соответствующей адаптации может не только снизить традиционное качество российского высшего образования, но и негативно сказаться на экономике страны в целом, поскольку ее информатизация объективно требует высокой профессиональной квалификации. Постоянная модернизация невозможна без овладения специальными дисциплинами сравнительно узкого, специализированного профиля, без наличия институтов длительной подготовки соответствующих специалистов. Высокоэффективная система образования становится центральным социальным институтом во всех современных обществах, работающих над повышением интеллектуального уровня своей нации, двигателем научно-технического прогресса.

Во все большей степени само существование современного общества зависит от передового научного знания. Каково же состояние дел в области научных исследований в нашей стране? При всей важности для развития современного общества наука остается малопривлекательной сферой труда и капиталовложений в РФ. Многоуровневая система высшего образования на настоящий момент лишь закрепляет эту тенденцию. При стремлении к ускоренной подготовке рабочих кадров, когда все большее количество студентов ограничивается дипломом «бакалавра», возникают условия, ограничивающие доступ молодежи к аспирантуре. Обладатели первой академической степени бакалавр имеют законное право, (как и обладатели степени магистра), на продолжение обучения в аспирантуре (нормативный срок обучения 3 года), которая в настоящее время не рассматривается в России в рамках многоуровневой системы высшего образования. Доступ к аспирантуре для бакалавров следует из положения, согласно которому правом на поступление в аспирантуру обладают лица, имеющее (законченное) высшее образование – при этом первый цикл, согласно статье 6 Федерального Закона от 22.08.1996 г. N125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», дает именно такое образование.

Тем не менее, нельзя сказать, что двухуровневая структура высшего образования скрывает в себе только отрицательные стороны. Болонский процесс предлагает достаточно конструктивный способ решения проблемы массового спроса на высшее образование, наблюдаемый в последние десятилетия в развитых и развивающихся странах. 3-х или 4-х летняя программа бакалавра позволяет удовлетворить этот спрос. Проблема заключается лишь в том, чтобы не снижалось качество предлагаемого вузами образования. В ЕС существуют специальные национальные и международные агентства по обеспечению качества образования. Для этого каждая страна ЕС разрабатывает свою Национальную структуру квалификаций, соответствующую Единой европейской структуре. В России же решение проблемы качества высшего образования видится в сокращении общего числа вузов. Министр образования и науки РФ рекомендует в масштабах страны оставить 50 университетов и 150-200 вузов,¹⁰ то есть 15-20% из действующих сегодня. Остальные вузы, по мнению министра, могут либо стать филиалами университетов, либо преобразоваться в

---

⁹ Там же.

¹⁰ Андрей Фурсенко планирует значительно сократить число вузов. Кремль.org, 24.07.2008, (<http://www.kreml.org/news/187396553>).

средне-профессиональные учебные заведения, либо должны закрыться. Действительно, экономический кризис 1990-х гг. и перестройка народного хозяйства существенно изменили спрос на рынке труда и мотивацию поступления в вуз. Поступление в вуз часто связано с получением отсрочки от армии или гарантией устроиться на высокооплачиваемую работу после завершения учебы. Если обратиться к количеству самих вузов, то в 1993/94 учебном году в Российской Федерации их насчитывалось 626, при этом 548 государственных и муниципальных. В 2005/06 учебном году в Российской Федерации насчитывается уже 1068 вузов, из них 655 государственных и муниципальных.¹¹ Естественно, что качество дающегося в них образования падает. Сегодняшнее количество вузов объективно невозможно обеспечить высококвалифицированными преподавателями, адекватной технической базой.

Безусловно, борьба с недобросовестными участниками образовательного процесса поможет повысить качество образования. Однако, при этом нельзя допустить, чтобы реформа, в частности двухуровневая модель высшего образования, сократила его доступность для всех слоев населения. В большинстве вузов магистратура предполагается не как автоматическое продолжение обучения, а как отдельная ступень высшего образования. Бюджетных мест здесь значительно меньше, а, следовательно, это может ограничить доступ молодежи к верхней ступени высшего образования и к науке. В этой связи важно отметить, что при любых обстоятельствах реформа образования в России не должна сводиться к экономии средств. Бюджет сферы образования должен расти. Образование и наука требуют больших инвестиций, чем запланировано. В противном случае России будет трудно конкурировать не только с США или Японией, но даже с Европой, где государственная поддержка образования в 2-2,5 раза выше отечественной (например, в Швеции этот показатель составляет 8,7% от уровня ВВП, в Дании – 8%, США – 6,7%, Франции 6%, тогда как в бюджете России на 2008 г. запланировано лишь 3,8%).¹²

Между тем, Концепция национальной безопасности Российской Федерации указывает, что «национальные интересы» включают в себя «сохранение и укрепление культурного и научного потенциала страны».¹³ Для того чтобы данная концепция заработала, необходимо осуществлять более серьезные инвестиции в сферу образования, следует сформулировать пользующуюся широкой поддержкой общественности общенациональную образовательную политику. Действительно, в современных условиях, когда глобализация выходит за рамки экономики, невозможно сохранять в изоляции любые социальные системы, в частности образование. Одновременно, чрезмерная открытость и применение без адаптации европейских образовательных стандартов может стать преимущественно негативным фактором с точки зрения обеспечения информационной безопасности РФ. Реализуя на практике Болонские принципы, необходимо провести основательный сравнительный анализ отечественной системы науки и образования и Болонской модели. Необходимо определить чему и как следует учить в современном мире. Правительство страны должно принять взвешенные политические решения, базирующиеся на положениях Концепции национальной безопасности РФ. Для адаптации Болонской модели образования к национальной

---

¹¹ См.: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_1a&ttype=2&Field=All.

¹² Финансирование отраслей социальной сферы // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ, №14 (331), 2007, (http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2007/VSF_NEW200707131125/VSF_NEW200707131125_p_004.htm).

¹³ Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации №24 от 10 января 2000 года.

системе образования следует сформировать методологические центры, роль которых должны взять на себя реально ведущие или профильные учебные заведения. Государство должно восстановить свою ответственность и активную роль в этой сфере, провести глубокую и всестороннюю модернизацию образования с выделением необходимых для этого ресурсов и созданием механизмов их эффективного использования. В отличие от запасов нефти или газа, интеллектуальный потенциал России при разумном к нему отношении может быть неисчерпаем. Российская система образования может и должна конкурировать с системами образования передовых стран, став, таким образом, гарантом экономической и информационной безопасности нашей страны.

Лузин П.А.*

Переломный период трансформации космической программы США: рост внутривластных противоречий

К рубежу XX-XXI вв. политика Соединенных Штатов в отношении космоса претерпела кардинальные изменения, которые происходили на протяжении 1990-х годов во всех ее аспектах: фундаментальном, научно-техническом, международном, военном, институциональном, а также экономическом. А поскольку космическая активность – сфера комплексного пересечения различных измерений жизни государства и общества, эти изменения отразили складывающуюся историческую неопределенность как в мире в целом, так и в самих США.

Конкретными проявлениями этой неопределенности на международном уровне стали: крах советской системы, перераспределение акцентов и ролей в мировой политике и в целом проблемы существования Вестфальской системы; а также взаимовлияние социокультурных, этнических и демографических сдвигов и процессов, в первую очередь, в Северной Америке и Европе. В военном плане она зафиксирована в отказе американцев от концепции вероятного противника в пользу концепции вероятных угроз. Во внутренней политике Соединенных Штатов о ней сигнализировали предпосылки мощной идеологической дискуссии, а в экономике она нарастала в результате долгосрочных процессов изменения производственной базы в сочетании с необходимостью проведения конверсии.

Непосредственно американская космическая деятельность к началу 1990-х гг. сама накопила немало противоречий: проект космической станции, начатый в 1984 г., находился в тупике, и без нее флот орбитальных челноков почти терял смысл; и в принципе пилотируемая космонавтика на том уровне развития не была способна решать масштабные научные задачи в космосе. К тому же встал вопрос о дальнейших шагах в освоении внеземного пространства, так как энтузиазм от достижений 1960-х – 1970-х гг. явно поубавился, а идея президента Дж. Буша-старшего о подготовке пилотируемой экспедиции на Марс в ближайшие тридцать лет, выдвинутая летом 1989 г., достаточно быстро умерла.

Главные характеристики произошедшей трансформации космической политики США – изменение концепции лидерства в космосе, гибкость и многонаправленность космической деятельности с целью максимально ясного определения дальнейших путей развития при отказе от жесткого планирования, ставка на разностороннее международное сотрудничество как инструмент комплексного повышения конкурентоспособности страны и т.д. В целом, ее можно определить как стремление к максимальному увеличению своих возможностей в настоящем и будущем в условиях игры с неизвестным итогом.

Однако воплощение новой концепции в жизнь, разумеется, происходило постепенно. По большому счету, оно началось со второй половины 1990-х гг., когда была развернута программа внеземных исследований, вошел в практическую фазу проект Международной космической станции, активизировались работы по противоракетной обороне и др. Тем не менее, космическая деятельность явилась куда более инерционной по сравнению с доктринальными установками. К тому же краеугольным камнем здесь являются технико-технологические возможности, а именно на рубеже 1990-х – 2000-х гг. сфера НИОКР, широко воздействуя на процессы развития космической техники, также во многом утратила свою прогнозируемость.¹ Иными словами, стало практически невозможно говорить, какие

* Лузин Павел Александрович – аспирант ИМЭМО РАН.

¹ Об интенсификации НИОКР свидетельствуют такие факты, как появление в США целого ряда малых аэрокосмических корпораций, учреждение в 1997 г. Института перспективных концепций НАСА

разработки какой эффект дадут. Сочетание общей исторической неопределенности и неопределенности в НИОКР породило необходимость обоснования новой системы координат для космической программы,² более четкого выделения главных целей и направлений, что, в свою очередь, должно было помочь в выстраивании внешнеполитической, оборонной и экономической стратегий в космической сфере. Такая система координат была публично выдвинута 14 января 2004 г. президентом США Дж. Бушем – «Перспектива космических исследований» (*Vision for Space Exploration*), – которая официально провозглашала целью возвращение американцев на Луну, но фактически объявляла главной задачей достижение в ближайшие два-три десятилетия с помощью космической программы таких возможностей, которые сегодня еще нельзя даже предугадать.³ То есть, на наш взгляд, можно заключить, что в Белом доме начали осознавать приближение серьезных перемен в области космоса, хотя их характер и глубина оставались (и пока остаются) не ясными. К тому же новая исследовательская парадигма требовала серьезного пересмотра подходов к планированию и осуществлению передовых космических проектов.

Таким образом, говоря о переломном этапе трансформации американской космической программы, мы имеем в виду период, когда соединились основные факторы влияния на нее. Среди них: незавершенное внедрение новой доктрины при одновременной многонаправленности осуществляемых миссий (их сегодня 80 только у НАСА – больше, чем когда бы то ни было), что неизбежно рождает противоречия в логике приоритетов космической деятельности, и неопределенность путей дальнейшего исторического и научно-технического развития.

Пожалуй, одним из основных проявлений переломной фазы трансформации космической программы США и важным ее симптомом является рост американских внутриведомственных и внутриведомственных противоречий вокруг космической деятельности.

Главное событие, заставившее американских политиков и ученых осознать реальный масштаб требуемых перемен в космической программе, случилось в феврале 2003 г., когда погиб орбитальный челнок «Колумбия», вернув Соединенные Штаты к довольно болезненному вопросу, впервые поднятому еще в 1990 г., о полном отказе от шаттлов. Это должно способствовать открытию для них принципиально новой, начиная с 1970-х гг., страницы в освоении космоса. Президент Дж. Буш по сути это и имел в виду, объявив 14 января 2004 г. о завершении к 2010 г. программы «Спейс Шаттл», которая к тому времени насчитывала свыше трех десятков лет.⁴

Новая космическая инициатива положила начало внутриведомственным дискуссиям в США, продолжающимся с 2004 г. по настоящее время. Их можно разделить на две основные сферы: первая – споры вокруг планируемого списания шаттлов; вторая – споры по вопросам достижения поставленных президентом целей.

Прекращение использования орбитальной транспортной системы, каковой являются три оставшихся американских шаттла (всего в 1979-1991 гг. было построено пять челноков), вызывает политическую полемику, потому что оно не

(NASA Institute for Advanced Concepts – NIAC), начало активных работ в области микроспутниковых технологий и т.д.

² Употребляя словосочетание «космическая программа» в общем контексте мы подразумеваем некую «сумму» гражданской и военной космических программ.

³ President Bush Delivers Remarks on U.S. Space Policy. January 14, 2004, (http://www.nasa.gov/pdf/54868main_bush_trans.pdf).

⁴ Отказ от «шаттлов» рекомендовался уже в 1990 г. комиссией Н. Огэстина, однако в то время процесс трансформации космической политики США только начинался, и это решение было отложено.

является рядовым техническим решением, но обнажает ряд проблем разной степени серьезности.

Во-первых, самая главная проблема, следующая из списания шаттлов, – их краеугольное значение для американской космической программы последних трех десятилетий. В 1970-х гг., когда США одновременно предпринимали попытку создания орбитальной станции, продолжали программу «Аполлон» и проводили НИОКР по проекту «Спейс Шаттл», было принято решение сосредоточиться на последнем с тем, чтобы затем построить на орбите полноценный пилотируемый комплекс.⁵ Поэтому решение президента Р. Рейгана о начале работ по созданию американской космической станции приходится на 1984 г., спустя три года после первой миссии челнока.

Это важно, поскольку «родовая» связь шаттлов и нынешней международной космической станции (выросшей из тех рейгановских планов), с одной стороны, должна говорить о том, что и судьба МКС также уже решена. Изначально станцию планировали использовать до 2015 г., тем более на это время запланирован ввод в строй корабля «Орион», разрабатываемого с 2005 г. по проекту «Констеллэйшн», а на 2018 г. – первый полет «Ориона» с лунным модулем «Альтаир». Однако после оглашения «Перспективы космических исследований» Россия и Европа, осознав, видимо, что их космические дороги с американцами рискуют серьезно разойтись (особенно это беспокоит Россию, поскольку МКС – единственное, что поддерживает ее статус передовой космической державы), сформировали консолидированную позицию за продление активной эксплуатации станции до 2020 г.⁶

Интересно, что, с другой стороны, в самих Соединенных Штатах, как оказалось, на этот счет нет четко осознанной позиции. Американский сегмент МКС используется в рамках концепции «Национальная научная лаборатория»,⁷ следовательно, простой отказ США от орбитального научного центра может вызвать острую критику внутри страны и нанести ущерб перспективным исследованиям. Судя по всему, этой точки зрения придерживался и бывший директор НАСА Майкл Гриффин (занимал пост в 2005 – 2009 гг.), однако окончательное решение вопроса было отложено до конца 2009 г., к тому же новое руководство агентства свою позицию по этому вопросу пока не выразило.

Тем не менее, в условиях освоения новой техники и технологий, а также возможных непрогнозируемых эффектов проводимых научных исследований к концу второго десятилетия XXI в. станция в ее нынешнем виде может стать тормозом развития космической программы США. К тому же такое «топтанье на месте» даст определенную фору американским конкурентам: европейцы серьезно подтянут свой уровень космической программы (по крайней мере, такой шанс у них появится); Китай тоже успеет продвинуться в собственном проекте длительных орбитальных экспедиций, расширив свои возможности, без чего им пока сложно говорить о новых шагах в дальний космос.

По-видимому, эти две позиции определяют внутреннюю дискуссию по данному вопросу, которая сейчас должна идти в НАСА, если брать во внимание ряд косвенных признаков (о них ниже). Выходом из такой ситуации может стать снятие американского сегмента МКС с государственного финансирования путем его

---

⁵ Space Stations. CRS Issue Brief for Congress. November 17, 2005, (<http://www.fas.org/sgp/crs/space/index.html>).

⁶ Это подтвердилось к середине 2008 г. См., например: Представитель Европейского космического агентства выступил за продление сроков эксплуатации МКС, 23.05.2008 г., (<http://www.federalspace.ru/NewsDoSele.asp?NEWSID=3433>).

⁷ См., например: International Space Station National Laboratory Report, June 25, 2007, (http://www.nasa.gov/mission_pages/station/science/nlab/index.html).

передачи в частное пользование американским университетам и компаниям в районе 2015 г. (сами модули станции и так принадлежат корпорации «Астротек»).

Во-вторых, в связи с планами по завершению программы «Спейс Шаттл» обострился внешнеполитический вопрос, который тоже имеет немаловажное значение, а именно – зависимость пилотируемых экспедиций на МКС от России после списания челноков и до введения в строй нового американского корабля.

Американо-российское сотрудничество в рамках МКС, начиная с 1992 г., никогда не шло гладко, а в качестве одного из рычагов американского давления здесь использовался закон 2000 г. о нераспространении в отношении Ирана (Iran Nonproliferation Act, INA).⁸ Он запрещал НАСА производить закупки космической техники в России, подозревавшейся в передаче ракетных технологий Ирану, но одновременно принятая поправка сроком до весны 2006 г. разрешала делать это в интересах орбитальной станции. В силу складывавшегося в перспективе положения с шаттлами, в конце 2005 г. была принята новая поправка сроком до 2012 г.,⁹ и сделано это было без возражений со стороны законодателей, при этом ее автором являлся сенатор-республиканец Ричард Лугар.

Однако за подобным единодушием скрывалась не столько безвыходность ситуации для американцев, сколько важная подоплека. В США пилотируемая астронавтика после 1990-х гг. по факту перестала быть стержнем космической программы (до тех пор, пока роботы способны исследовать дальний космос лучше человека) – идейные основания такого подхода были заложены еще на рубеже 1980–1990-х гг.,¹⁰ – и даже расходы на МКС не превышают трети бюджета НАСА. Поэтому американские законодатели без особых дискуссий согласились «пожертвовать» внешнеполитическим престижем Соединенных Штатов. Для них это на тот момент в принципе не являлось вопросом престижа, т.к. завершение эксплуатации орбитальных челноков было гораздо важнее, поскольку высвобождало людей и ресурсы для работы над новым проектом. К тому же сам факт грядущих перемен, вероятно, должен был стимулировать работу научно-исследовательских коллективов при создании космической техники в рамках «Констеллэйшн».

И хотя внешнеполитическая проблема зависимости экипажей МКС от России, подогреваемая зачастую самой Россией, не снимается, решать ее американцы будут по-другому: за счет начала грузовых поставок на орбиту с помощью новых американского, европейского и японского космических грузовых кораблей – «Дракон» (“Dragon”, разрабатывается в частном порядке компанией SpaceX), ATV и HTV соответственно. По этому поводу в Соединенных Штатах тоже наблюдается полное политическое единодушие.

В-третьих, была поднята сугубо политическая проблема восприятия американцами самих себя как лидирующей космической державы. Имеется в виду, что с момента прекращения эксплуатации шаттлов и до ввода в строй ориентировочно в 2014 – 2015 гг. новой пилотируемой системы «Орион» с ракетой-носителем «Арес», также разрабатываемой по программе «Констеллэйшн», Америка не сможет самостоятельно отправлять астронавтов на орбиту. А значит, до создания нового корабля и ракеты-носителя необходимо продолжать эксплуатацию флотилии челноков.

---

⁸ The Iran Nonproliferation Act and the International Space Station: Issues and Options. CRS Report for Congress. August 22, 2005, (<http://www.fas.org/sgp/crs/space/RS22072.pdf>).

⁹ House Passes Iran Nonproliferation Act Amendment to Help U.S. Space Program. October 26, 2005, (<http://www.spaceref.com/news/viewpr.html?pid=18128>).

¹⁰ См., например: Exploring the Moon and Mars: Choices for the Nation. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, July 1991.

Но данную точку зрения разделяет, судя по всему, достаточно узкая группа законодателей, хотя включает представителей республиканцев и демократов в обеих палатах Конгресса США. Из первых можно выделить членов Палаты представителей Дэйва Уэлдона (конгрессмен от Флориды в 1995-2009 гг.) и Билла Поуси (избран от Флориды в 2008 г.); из вторых – сенатора опять же от Флориды Билла Нельсона (в Сенате США с 2001 г.).

Апеллируя к общественному мнению, политики от Флориды пытаются поддержать идею, что США не могут позволить себе ставить под сомнение собственную дееспособность в пилотируемой астронавтике. Однако на деле здесь гораздо лучше видны интересы их непосредственных избирателей. По сути это «флоридское лобби» можно объяснить тем фактом, что в Космическом центре им. Дж. Кеннеди на мысе Канаверал сосредоточена основная производственно-эксплуатационная база космических челноков, обеспечивающая, помимо всего прочего, около 1900 рабочих мест непосредственно и порядка нескольких тысяч с учетом подрядчиков и субподрядчиков. Хотя для сенатора Нельсона важна и эмоциональная заинтересованность – в 1986 г., будучи еще членом Палаты представителей США, неоднократно избиравшимся по округу Орlando и Космического Берега (*Space Coast*), он совершил полет в космос на челноке «Колумбия».

Упомянутая выше дискуссия внутри НАСА по концептуальным вопросам будущего американской космической программы отразилась в появлении альтернативного семейству ракет-носителей «Арес» исследовательского проекта *DIRECT*, куда вошли свыше 60 инженеров НАСА, предлагающих вместо разработки новых ракет модернизировать топливные баки шаттлов под первую ступень сверхтяжелой РН «Юпитер».¹¹ Полемика развернулась еще осенью 2006 г., однако проект этой ракеты остается теоретической альтернативой, в то время как НИОКР по РН «Арес» интенсивно ведутся. И все же такие противоречия возможны, на наш взгляд, только в условиях работы над решением нестандартных, принципиально новых научных задач.

Другим признаком внутренней дискуссии была довольно острая критика теперь уже бывшего главы НАСА М. Гриффина, в частности, по вопросу эффективности проводимой политики в сфере НИОКР.¹² Также следует упомянуть его возможный конфликт с представителями избранного президента Барака Обамы, выразившийся в нежелании сотрудничества с ними действовавшего до января 2009 г. руководства космического агентства.¹³

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время в НАСА имеют место серьезные противоречия, просачивающиеся в публичное пространство в виде критики руководства, альтернативных инженерных предложений и т.д. Все это еще раз подтверждает, что космическая программа США находится в переломной стадии своей трансформации.

В целом, можно сделать вывод: в гражданской космической программе американцы столкнулись с выбором из нескольких возможных вариантов действий. И если по одним вопросам (например, списание космических челноков, разработка новых пилотируемых систем) выбор уже сделан, то по другим, даже связанным с первыми, определенности пока нет. Во многом, именно поэтому США с начала 2007 г. активно обсуждают возможности налаживания сотрудничества в космосе с

---

¹¹ DIRECT v2.0: safer, simpler, sooner, (<http://www.directlauncher.com>).

¹² Review of NASA's Exploration Technology Development Program: an Interim Report, 2008, (<http://www.nap.edu/catalog/12189.html>).

¹³ NASA has become a transition problem for Obama // OrlandoSentinel.com. December 10, 2008, (http://blogs.orlandosentinel.com/news_space_thewritestuff/2008/12/nasa-has-become.html).

КНР.¹⁴ Оно, являясь способом повышения американской конкурентоспособности, в условиях неопределенности позволяет адекватно оценить состояние, возможности, целеполагание и пути дальнейшего развития космической программы партнера и оппонента. Ведь ответ на вопрос, куда движутся основные космические державы, более или менее понятен хотя бы в силу того, что они включены в американские проекты, чего нельзя сказать о Китае. Конечно, китайцы еще далеки от передовых позиций в космической сфере, однако закрытость не позволяет прогнозировать их действия, а значит, еще более препятствует определению основных перспектив развития. Здесь стоит добавить, что водораздел между сторонниками и критиками активного сотрудничества с КНР пролегает вовсе не по партийно-политическим границам, а по экспертным, что затрудняет на данном этапе его определение.

В заключение, применяя язык метафоры, сама идея возвращения на Луну, выдвинутая в ответ на объективную неопределенность будущего космической программы, представляется не столько маяком или путеводной звездой для США в космосе, сколько осветительной ракетой, выпущенной с борта попавшего в неизвестные воды корабля.

Комплексная трансформация американской военной космической программы так же, как и гражданской, началась со второй половины 1990-х гг. как ответ на фундаментальную долгосрочную неопределенность. Здесь стоит упомянуть разработку новых спутников в рамках сразу нескольких направлений по линии Национальной службы космической разведки (National Reconnaissance Office),¹⁵ один из которых в силу его неисправности американцам в январе 2008 г. даже пришлось сбить.

Также важным аспектом является разработка новых систем космического и наземного базирования в рамках программы противоракетной обороны: от космических инфракрасных радаров SBIRS и системы сопровождения STSS до перехватчиков ракет на разных участках их траектории. В реальности спектр НИОКР охватывает гораздо больше направлений, но особое внимание мы сфокусируем именно на ПРО, поскольку «политизированность» связанных с ней вопросов позволяет рассматривать ее как индикатор происходящих в военно-космической программе изменений.

Можно говорить о том, что в середине 2000-х гг. (дату нужно считать условной) был пройден некий рубеж, после которого космическая программа министерства обороны США вошла в критический этап изменений.

Об этом в первую очередь говорят не политики, а факты: с этого времени военные стали возвращаться к тем проектам, которые в конце 1980-х – 1990-е гг. теоретически прорабатывались, но в силу своей технической сложности были отложены на перспективу. Так, ВВС в 2006 г. возобновили проект многоцелевого беспилотного космолана X-37B, в 1990-е гг. разрабатывавшийся НАСА и позже закрытый.¹⁶ Следует упомянуть и разработку суборбитальной многоцелевой разведывательной ракетной системы Michelle B, по сути – демонстратора технологий, основанного на изучавшейся в 1993-1996 гг. идее многоцелевой космической системы вертикального взлета и посадки DC-XA.¹⁷

---

¹⁴ Jeffrey Logan. China's Space Program: Options for U.S. – China Cooperation. CRS Report for Congress. September 28, 2008, (<http://www.fas.org/sgp/crs/row/RS22777.pdf>).

¹⁵ См.: <http://www.globalsecurity.org/intell/systems/fia.htm>.

¹⁶ Unmanned vehicle provides reusable test capabilities in space, 17.11.2006, (<http://www.af.mil/news/story.asp?id=123032226>).

¹⁷ Michelle B: суборбитальный многоцелевой тактический разведкомплекс // Новости космонавтики, 29.04.2008, (<http://www.novosti-kosmonavtiki.ru/content/z01.05.08.shtml>).

Характерно, что эти шаги совпали по времени со вступлением Гэри Пэйтона в должность помощника заместителя министра ВВС по космическим программам. Он бывший астронавт, который в 1985-1990 гг. был помощником заместителя директора Организации по СОИ, затем заместителем директора по технологиям в Организации по обороне от баллистических ракет, в 1995-2000 гг. работал в штаб-квартире НАСА, а в 2002-2005 гг. успел поработать заместителем по перспективным технологиям в Агентстве противоракетной обороны США. К слову, именно Г. Пэйтон возглавлял в НАСА оба упомянутых выше проекта.

Еще одним свидетельством перехода военной космической программы США в новое качество является возвращение к исследованиям, объединенным впервые сформулированной еще в рамках СОИ идеей космического эшелона активной ПРО. Подчеркнем, это именно идея, ее цель – в интеграции специфических перспективных НИОКР, которые сложно концептуализировать иным способом. В марте 2007 г., когда глава Агентства противоракетной обороны генерал-лейтенант Генри Оберинг выступал в Палате представителей Конгресса США в ходе рассмотрения бюджета противоракетной обороны в 2008 финансовом году, он запросил у законодателей средства на первоначальные исследования этого вопроса.¹⁸ Однако и в данном аспекте прослеживается влияние неопределенности, которое нашло отражение в научных и политических дискуссиях внутри США.

В этой ситуации довольно сильно отличается от той, что была еще несколько лет назад, когда трансформация военной программы была в начальной фазе. Тогда в качестве одного из перспективных ориентиров комиссией Д. Рамсфелда была выдвинута концепция «космического Перл-Харбора» (2001 г.), призванная защитить США от возможной потери спутниковой группировки в результате орбитального ядерного удара. Возникшая после этого дискуссия разделила на два лагеря (преимущественно по партийному признаку) сторонников усиления защиты одиночных спутников и увеличения вложений в создание новых систем разведки, управления и раннего предупреждения (республиканцы), и сторонников альтернативных, более дешевых мер, таких как развитие наземных военных коммуникаций (демократы).

И хотя идея Рамсфелда не утратила актуальности в американском военно-политическом планировании, с тех пор акценты ощутимо сместились, а главная полемика по большинству проблем пока, вероятно, ушла в недра научных центров (в том числе гуманитарных) и лабораторий.

29 сентября 2008 г. в Сенате прошли слушания вокруг выделения \$5 млн. на комплексное изучение возможности создания космических перехватчиков ракет (само собой речь идет не о реальных перехватчиках, а опять же о технологиях, для которых такие перехватчики – лишь концепция). Инициаторами дискуссии выступили военные, ответственные в той или иной степени за военную космическую программу: генерал Кевин Чайлтон, начальник Стратегического командования США, генерал-лейтенант Генри Оберинг и генерал-майор Томас Демпе, заместитель начальника Космического командования ВВС.

Поддержку им оказывали республиканцы, среди которых можно выделить сенаторов Джона Кайла (Аризона), Джеймса Инхофа (Оклахома) и теперь уже бывшего сенатора Уэйна Алларда (Колорадо). При этом в отличие от 1980-х – начала 1990-х гг., когда республиканцы (одним из которых был влиятельный представитель Совета по оборонной политике и лоббист Ричард Перл) жестко выступали за активные исследования боевых противоракетных космических систем,

---

¹⁸ Unclassified Statement of Lt.-Gen. Henry A. Obering III before the Senate Armed Services Committee regarding the Fiscal Year 2008 Defense Authorization Ballistic Missile Defense. April 11, 2007, (http://www.globalsecurity.org/space/library/congress/2007_h/070411-obering.pdf).

они наряду с генералами придерживались иной, компромиссной позиции. Возможно, склонность к компромиссу объяснялась низкой ценой вопроса. «Практичная страховка против неопределенного будущего – это не программа закупок противоракетных систем космического базирования. Это шанс изучить – пока есть время изучать, – что в космосе возможно применительно к тому дню, когда возникающие угрозы могут заставить нас принимать решение», – такова мысль генерал-лейтенанта Г. Оберинга, процитированная сенатором Д. Кайлом.¹⁹

Судя по всему, к настоящему времени отсутствие четкой перспективы дальнейшего развития (главным образом в сочетании тенденций научно-технического прогресса и международной военно-политической обстановки) вызывает у американских военных и политиков потребность в расширении горизонта поиска устойчивых ориентиров.

Таким образом, нынешний переломный этап в военно-космической программе Соединенных Штатов завершится либо в результате ощутимых успехов, которые могут быть достигнуты в ходе проводимых сегодня НИОКР, либо в результате коренных сдвигов в современной международной обстановке. Хотя, скорее всего, обе этих возможности будут реализованы более или менее одновременно, так как для этого, как мы рискнем предположить, созревают необходимые предпосылки.

***

В заключение, переломный период трансформации характерен для всей космической деятельности США, как в гражданской, так и в военной сфере. Он заключается в том, что происходящие качественные изменения стали необратимыми, однако еще далеки от завершения, и в принципе конечный результат этих изменений перестал прогнозироваться.

Противоречия, как по гражданским, так и по военным фундаментальным вопросам освоения космоса, сегодня в основном сместились из политической плоскости в стены государственных, университетских и корпоративных лабораторий. Разница в том, что в рамках гражданской программы не ясны результаты целого спектра исследований и векторы дальнейшего развития; а военные сконцентрированы на поиске ответов на вопросы, какими будут их возможности для адекватной реакции на вероятные угрозы в долгосрочной перспективе и какие новые угрозы способны дать в итоге современные космические НИОКР.

Пока сохраняется нынешняя общая неопределенность, даже космическая инициатива, выдвинутая в 2004 г. президентом США Дж. Бушем, не может эти векторы определить – только приблизительные ориентиры, одним из которых является возвращение на Луну. А свидетельством того, что трансформация американской космической программы подходит к завершению, возможно, станет внутривнутриполитическая консолидация по ее основным вопросам и одновременное обострение международных противоречий в этой сфере.

---

¹⁹ Space-Based Interceptor Study/ Senate. September 29, 2008 // The Library of Congress, THOMAS (<http://thomas.loc.gov/cgi-bin/query/D?r110:2:./temp/~r110ufLGdp:>).

После окончания холодной войны военно-политическая обстановка в мире качественно изменилась. Исчезла непосредственная угроза ядерной войны, уменьшилась роль военной силы как инструмента внешней политики. Однако при существующих еще факторах военной опасности необходимость поддержания внутреннего порядка, охраны границ, защиты территориальной целостности государства, обеспечения его безопасности и обороноспособности требуют от правительства Великобритании уделять серьезное внимание оснащению своих вооруженных сил современной военной техникой.

С приходом к власти в 1997 г. после долгого перерыва Лейбористская партия во главе с Э. Блэром формально провозгласила отказ от многих установок своих предшественников. Переоценка прежней военной стратегии была связана с осознанием нового места Великобритании в мире и доминированием прагматизма во внешней политике нового кабинета.

Политика военного строительства и деятельность национальных вооруженных сил основываются на положениях, изложенных в едином документе «Британская военная доктрина», в котором подчеркивалось, что «на современном этапе зона жизненно важных интересов Соединенного Королевства расширилась».¹

Приоритетным направлением военно-политической деятельности правительства страны является тесное сотрудничество в рамках Североатлантического союза, который рассматривается в качестве основы системы безопасности не только на Европейском континенте, но и в мире в целом. Великобритания активно выступает за наращивание военного потенциала Евросоюза и повышение его роли на международной арене.

В целом, характер и направленность военно-политического курса ее руководства последних лет свидетельствуют о том, что для достижения целей, отвечающих национальным интересам, оно делает ставку на использование военной силы как эффективного инструмента.

В 1998 г. министерство обороны Великобритании определило новую стратегическую концепцию и наметило основные направления строительства своих вооруженных сил на начальный период будущего столетия на базе так называемого стратегического оборонного обзора (SDR — Strategic Defence Review).

В данном документе содержатся основные принципы, направления, цели и задачи, в соответствии с которыми началось непосредственное реформирование национальных вооруженных сил, продолжающееся до настоящего времени.

Главной причиной модернизации вооруженных сил послужило изменение военно-политической обстановки в мире, связанное с изменением характера угроз национальной безопасности Великобритании. Под этим англичане подразумевают отсутствие реальной силы (подобной Организации Варшавского Договора), способной противостоять НАТО в настоящий момент.

Вместе с тем, по оценкам британского руководства, появились новые угрозы, в первую очередь со стороны международного терроризма и так называемых стран-изгоев, связанные с потенциальной возможностью применения ими ОМП против Великобритании или ее союзников. Кроме того, бурное развитие науки и техники, в том числе в области создания военных технологий, потребовало выработки новых

---

* Сивков Дмитрий Александрович – аспирант ИМЭМО РАН.

¹ Цит. по: Шмелев Ю. Военная политика Великобритании на современном этапе // Зарубежное военное обозрение, № 10, 2007, с. 3.

подходов к вопросу оснащения вооруженных сил современными дорогостоящими видами вооружения и военной техники.

Однако выполнение последнего требования ставило под сомнение возможность поддержания на необходимом уровне боевой готовности столь крупной группировки вооруженных сил, которая имела на тот момент.

Реформирование вооруженных сил было решено проводить по двум ключевым направлениям:

- совершенствование организационно-штатной структуры, включая сокращение кадрированных частей, образование объединенных компонентов (по аналогии с вооруженных сил США и НАТО), изменение военно-административного деления страны и т. п.;

- переоснащение британской армии современными образцами вооружения и военной техники.²

Стратегическое военное планирование в Великобритании ориентируется уже не на подготовку к всеобщей войне в Европе, а главным образом, на участие страны в урегулировании крупных региональных кризисов, затрагивающих национальные интересы, как в зоне ответственности НАТО, так и за ее пределами, силами объединенных экспедиционных формирований, а также на постоянное (традиционное) присутствие вооруженных сил в Северной Ирландии и в составе миротворческих сил ООН на Кипре.

Новые приоритеты подкрепляются программой переоснащения армии, нацеленной на дальнейшее повышение ударных возможностей и сбалансированности боевого состава.

Согласно ей предусматривается сохранение существующего уровня производственных мощностей и научно-технического потенциала военной индустрии, необходимого для разработки и производства новых систем вооружения и военной техники для армии и флота в условиях сокращения общей численности личного состава и бюджетных ассигнований на их содержание.

В качестве конечной цели реформы определено создание немногочисленной, хорошо оснащенной и высокопрофессиональной армии, способной эффективно выполнять задачи по обеспечению национальных интересов Великобритании в любом регионе мира.

В настоящее время Великобритания имеет крупную высокоразвитую промышленность по производству вооружений, занимающую второе место на мировом рынке после США.

Такие компании, как BAE Systems (бывшая «Брит Аэрспэйс»), «Ролл-Ройс» и «Смис Групп» являются ведущими поставщиками военной техники, особенно авиационно-космического назначения, на долю которой приходится основная часть рынка вооружений.

Но, по мнению аналитиков, подобное положение долго сохраняться не может. Не потому, что военно-промышленный комплекс ожидает упадок, как случилось с угледобывающей, сталелитейной и текстильной отраслями, потребители продукции которых стали отдавать предпочтение более дешевым товарам из других стран.

Напротив, военная промышленность Великобритании перемещает центр своей тяжести в США, где быстро растут инвестиции в отрасль, а также продажи военной техники. Как заявил один британский аналитик рынка: «Это не просто тенденция, а массовое паническое бегство».³

---

² Ященко Г. Основные направления реформирования ВС Великобритании // Зарубежное военное обозрение, № 11, 2003, с. 2.

³ Военная промышленность Великобритании // Коринф, № 4, 2002, с. 6.

Шесть крупнейших британских компаний, производящих авиационно-космическую технику, с 1997 г. удвоили свои продажи в США. Так BAE Systems продает в настоящее время больше своей продукции Пентагону, чем министерству обороны Великобритании.

Но это не результат бурного роста экспорта – увеличение закупок произошло за счет продаж техники, произведенной дочерними фирмами Великобритании, расположенными в США.

Главный экономист Общества авиационно-космических компаний (ОАКК) К. Гейвард утверждает, что США настойчиво добиваются производства вооружения местной промышленностью с тем, чтобы компенсировать 100%-ную стоимость контракта.⁴ Если какое-то оборудование или новая технология будут разработаны в Великобритании и реализованы в США, то компания должна производить эти товары по стоимости, эквивалентной тем товарам, которые изготавливаются в Америке. Вот почему большинство британских производителей стремятся построить или приобрести предприятия в США.

Причина миграции британской военной промышленности объясняется следующими факторами. Во-первых, Америка — самый крупный рынок вооружений, который поглощает половину военной техники, производимой ежегодно во всем мире. Террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне подняли расходы на приобретение вооружений, которые после окончания «холодной войны» утроились.

Во-вторых, британские компании хорошо осваиваются в США, так как рассматриваются здесь в качестве заслуживающих доверия «родственников». Пентагон опасается делиться военными технологиями с Германией или Францией из боязни, что эти технологии могут попасть в страны с сомнительными режимами.

Великобритания легко соглашается с требованиями США по ограничению экспорта военных технологий, а британская готовность поддержать Америку с одобрением воспринимается в Пентагоне.

BAE Systems буквально захватила большую часть американских контрактов на вооружение, воспользовавшись реорганизацией этой индустрии в США и теперь стала очень крупной компанией в Америке. Ей было легче получить заказы Пентагона, чем компаниям континентальной Европы. Некоторые обозреватели даже предполагают, что BAE Systems однажды переведет в США свою штаб-квартиру.⁵

Военные бюджеты в странах Европы очень невелики и едва растут. Паневропейские проекты (например, европейского истребителя) потребуют много времени для своего осуществления. Этому проекту уже пятнадцать лет.

Другой проект — создание военно-транспортного самолета, известного как А-400, был вновь отложен Германией, несмотря на ведущиеся уже 15 лет переговоры по этому вопросу. Военные кампании в Косово и Афганистане подтвердили необходимость иметь современные транспортные самолеты.

Помимо этих громоздких совместных программ по созданию военной техники, Британия считает, что для нее будет сложно прорваться на рынки своих европейских партнеров по ЕС. Германия, например, приобретает очень небольшое количество вооружений; Франция покупает военную технику только собственного производства.

В период 1995-1999 гг. Великобритания с ее объемом военного экспорта, равного 7% мирового, занимала среди крупнейших поставщиков оружия четвертое место в мире. Уровень британских продаж основных видов обычных вооружений уменьшился более чем в два раза с 1997 г., причем сокращению подверглись поставки большинства категорий военной техники. Основной причиной являлось

---

⁴ Цит. по: Шмелев Ю. Военная политика Великобритании на современном этапе..., с. 5.

⁵ Военная промышленность Великобритании...

отсутствие новых заказов на поставки авиационной техники после завершения поставок в 1998 г. боевого самолета «Торнадо» Саудовской Аравии.

Другие европейские страны с небольшой местной военной промышленностью склоняются к тому, чтобы покупать военную технику в США, поскольку она стоит дешевле. Великобритания может заинтересоваться предложением французской компании «Талес» по производству новых истребителей.

Добавим, что реструктуризация военно-промышленных компаний в Великобритании уже осуществляется, при этом ее международная составляющая имеет европейское, американское и мировое измерения. С учетом того, что объем британского рынка вооружения и боевой техники и параметры национальной военной промышленности в настоящее время недостаточны для производства и обслуживания всех продуктов, в которых нуждаются вооруженные силы Великобритании, этот процесс является естественным и необходимым.

Хотя в Великобритании не была четко сформулирована политика в отношении военной промышленности, развитие политики в области закупок и обеспечения, основанной на конкурсных принципах, а также подходов, нацеленных на разработку и осуществление отдельных программ по закупкам для каждого потребителя, де-факто определили направления развития британской военной промышленности, а также промышленности, выполняющей британские заказы.

В условиях усиления роли частного сектора в предоставлении услуг, оказываемых непосредственно в ходе выполнения вооруженными силами боевых задач, и сохранения его традиционного участия в производстве и проведении своими силами ремонтных работ, включая капитальный ремонт, правительство в настоящее время, судя по всему, занялось разработкой своей официальной политики по вопросам военной промышленности.

Основываясь на ряде публичных заявлений официальных представителей министерства обороны Великобритании, можно предположить, что в дополнение к поощрению конкуренции как основы обеспечения эффективности капиталовложений, инновационного подхода и средства поддержания рациональных отношений с BAЕ Systems и другими поставщиками эта политика также определит тот ограниченный набор функций, непосредственный контроль над которыми должен сохраниться за министерством обороны, а также механизмы, гарантирующие осуществление поставок за рубеж и из-за рубежа.

В этом контексте вопросам государственной собственности в военной промышленности, вероятно, будет придаваться меньшее значение по сравнению с технологическими и производственными возможностями британских предприятий, участвующих в оборонных проектах.

Открытость британского рынка вооружений и военной техники, недавно разработанный министерством обороны подход к вопросам закупок и обеспечения, усиление роли частных компаний в оказании услуг вооруженным силам, а также продолжающаяся интернационализация производственных процессов в совокупности приводят к принципиально новым подходам и отношениям между правительством и промышленностью в обеспечении оборонных потребностей.

По официальным данным правительств, а также по оценкам экспертов, военный бюджет Великобритании за 2006 г. составил 48,3 млрд. долл.⁶ За 2007 г. вооруженные силы Великобритании обеспечили выполнение мероприятий по

---

⁶ Миловзоров А. Гонка вооружений: шоу должно продолжаться. Утро.ru, 07.02.2008, (<http://www.utro.ru/articles/2007/02/07/623096.shtml>).

экономии более 250 млн. ф.ст. (около 475 млн. долл.). К апрелю 2008 г. эта сумма должна возрасти до 1 млрд. ф.ст. (около 1,9 млрд. долл.).⁷

Наибольшая часть этой экономии приходится на военно-морские силы. В пониженную степень боевой готовности были переведены 8 боевых кораблей, в том числе 6 фрегатов и эсминцев. С целью сбережения финансовых средств уже законсервированы 13 из 44 единиц кораблей основных классов. Таким образом, к причалам может быть поставлен 21 корабль, и флот Соединенного Королевства сократится почти на 50 % по сравнению с текущей численностью.

Как считают эксперты, проблемы военного бюджета Великобритании серьезно обостряются в результате хронического недофинансирования (почти на 40 %) участия национальных ВС в оккупации Ирака.

Тем не менее, правительство Великобритании до 2010 г. дополнительно выделит 800 млн. долл. на оборонные расходы. В основном дополнительные средства будут потрачены на финансирование операций британских войск за рубежом. Также министерство финансов продолжит финансировать антитеррористические операции в Ираке и Афганистане.⁸

Как крупная морская держава Великобритания располагает хорошо развитой судостроительной промышленностью. Согласно национальной статистике, в ней занято более 45 тыс. человек. По производству боевых кораблей Великобритания занимает одно из ведущих мест в мире. Национальные верфи имеют опыт строительства надводных кораблей и подводных лодок всех классов.

Основными производителями боевых кораблей и вспомогательных судов для ВМС Великобритании и на экспорт являются корпорации BAE Systems Marine и Vosper Thornycroft Group (или VT Group).

Кроме того, в строительстве и ремонте кораблей участвуют компании Appledore Shipbuilders, Swan Hunter Ltd., Harland & Wolff Holdings и Fleet Support Ltd.⁹

В настоящее время в ВМС Великобритании разрабатывается и реализуется целый ряд масштабных кораблестроительных программ. Главная из них предусматривает создание двух новых авианосцев для замены находящихся в боевом составе «Инвинсибл».

В 2003 г. корпорацией BAE Systems совместно с британским отделением компании «Талес» начато проектирование авианосца нового типа («Куин Элизабет») водоизмещением около 60 тыс. т (контракт оценивается приблизительно в 3,2 млрд. ф.ст.). Поскольку корабль, согласно принятому решению, должен строиться несколькими отдельными секциями (три или даже пятью) к выполнению заказа могут быть привлечены несколько британских судостроительных компаний, в том числе: BAE Systems Marine на верфи в г. Гован, Swan Hunter Ltd. в Уоллсенд-он-Тайн и Vosper Thornycroft Group в Портсмуте.

Ввод новых авианосцев в боевой состав военно-морских сил планируется в 2012 и 2015 гг. соответственно, хотя не исключаются некоторые смещения сроков строительства.

Вторая крупная программа предполагает строительство серии из 12 эсминцев УРО типа «Дэринг». Стоимость контракта - 5,5 млрд. ф.ст. Строительство ведется компаниями BAE Systems Marine (кормовая часть всех шести кораблей) на верфи в г. Гован и Vosper Thornycroft Group (носовая часть с надстройкой, мачтами и

---

⁷ Планы сбалансирования военного бюджета Великобритании, (<http://old.severnflot.ru/news/news/world/2007/01/01-05.shtml>).

⁸ Великобритания увеличивает военный бюджет. Коммерсант.ru, 10 октября 2007 г., (<http://www.kommersant.ru/news.aspx?NewsID=120935&NodesID=0>).

⁹ Певцов Д. Кораблестроительная промышленность Великобритании // Зарубежное военное обозрение, № 10, 2005, с. 56.

трубами) на верфи в г. Портсмут, окончательная сборка будет производиться компанией BAE Systems Marine на верфях в Скотстауне и Барроу-ин-Фернесс.

Компания BAE Systems на верфи в Барроу-ин-Фернесс ведет строительство серии многоцелевых атомных подводных лодок типа «Эстьют», предназначенных для замены в составе британского флота атомных подлодок типа «Свифтшур». Стоимость контракта составила 3,7 млрд. ф.ст. Передача ВМС головной атомной подлодки серии ожидается в 2009 г., второй и третьей — в 2010-м и 2011-м гг.

В более отдаленной перспективе (после 2015 г.) рассматриваются возможности строительства серии из 18 боевых надводных кораблей (фрегатов) нового типа, однако в настоящее время ни окончательный проект корабля, ни сроки строительства и примерная его стоимость не определены.

Развернутая программа модернизации британских ВМС, рассчитанная на достаточно большой срок, позволяет задействовать практически все основные мощности национальной кораблестроительной промышленности, что, в свою очередь, обеспечивает создание дополнительных рабочих мест в отрасли и, как предполагается, обеспечит ее выдвижение на ведущие позиции в экономике Великобритании.

Одновременно продолжает развиваться производственная база отрасли за счет концентрации производства, модернизации оборудования верфей, внедрения более совершенных технологических процессов строительства и систем автоматизированного проектирования. Так, внедрение нового оборудования и прогрессивной системы организации производства (в том числе модульной сборки кораблей) позволило сократить время строительства (до передачи флоту) минно-тральных кораблей типа «Сэндаун» с 35 до 27 месяцев.

Кроме того, в последние годы правительство активно поощряло политику загрузки национальных предприятий экспортными заказами. Это способствовало сохранению на них квалифицированных кадров и производственных мощностей. Было реализовано несколько контрактов по поставке на экспорт боевых кораблей в Пакистан, Саудовскую Аравию, Канаду и другие страны. В настоящее время Vosper Thornycroft Group является головным подрядчиком по строительству корветов типа «Кахир» для Омана, ракетных катеров типа «Вита» для Катара и «Супер Вита» — для Греции, а BAE Systems Marine — фрегатов типа «Лекью» для Малайзии и корветов типа «Ярроу» для Брунея.

В целом кораблестроительная промышленность Великобритании, имеющая хорошо развитую производственную базу, способна полностью обеспечить не только потребности национальных ВМС, но и успешно конкурировать на международном рынке вооружения и военной техники.

Куцына Е.А.*

Место и роль военно-ориентированных НИОКР в Национальной инновационной системе Великобритании

В современном мире военные научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) – наиболее дорогостоящий и основополагающий этап в создании новых видов вооружения и военной техники (ВВТ). «Без них были бы невозможны новые или передовые военные системы или, пользуясь обычной терминологией, никакая «революция в военном деле».¹

Как известно, Великобритания является одним из крупнейших производителей вооружений и военной техники не только в Западной Европе, но и в мире в целом. По объему поставок продукции военного назначения за период 2003-2007 гг. Великобритания занимала пятое место в мире (7848,4 млн. долл. или 4,57% рынка).² Более того, по некоторым оценкам, десять компаний Великобритании, таких как BAE Systems, Rolls-Royce, GKN, QinetiQ, VT Group, Cobham, Devonport Management, Babcock International Group, Ultra Electronics, Meggitt входят в сотню крупнейших компаний-производителей вооружения мира. В 2007 г. экспорт ВВТ Великобритании достиг своего максимума за пятилетний период - 3467,9 млн. долл., что составляет 44,2% от общего объема поставок продукции военного назначения Великобритании за весь пятилетний период.³ В 2008 г. Великобритания получила новые заказы на экспорт ВВТ на сумму 9,7 млрд. ф.ст. (примерно 20 млрд. долл.), что составило 33% мирового рынка экспорта оружия.⁴

Особенностью развития сферы исследований и разработок Великобритании в сравнении с другими западноевропейскими странами является то, что в ней упор на научно-технологические военные инновации выражен наиболее ярко.

Согласно мнению западных экспертов, «научно-технологические военные инновации могут принимать разнообразные формы, но их реализация, как правило, подразумевает продуманную долгосрочную поддержку фундаментальных и прикладных исследований и технологических разработок со стороны министерств обороны, организаций, занимающихся военными НИОКР и/или закупками, и вооруженных сил».⁵ Отмечается также, что «такая поддержка может распространяться на отдельных ученых или отдельные проекты и принимать форму, в частности, прямой финансовой помощи, программ обмена, долевого участия и совместных исследовательских программ, либо она может предусматривать участие военных в «мозговых центрах». Таким образом, научно-технологические военные инновации подразумевают все более глубокое вовлечение невоенных участников, например, университетов и других общественных и частных организаций, а также коммерческих торгово-промышленных предприятий в процесс военных инноваций».⁶

В 2002 г. министерство обороны Великобритании подчеркнуло значение науки и технологий и сформулировало политику в области оборонной промышленности. В частности, отмечалось, что «инвестиции в исследования и технологии имеют

---

* Куцына Елена Александровна – аспирант ИМЭМО РАН.

¹ Бьерн Хагелин. Научно-технологические военные инновации: США и Европа // Ежегодник СИПРИ (Вооружение, разоружение и международная безопасность). М.: Наука, 2004, с. 277.

² Рейтинг крупнейших мировых поставщиков вооружений в 2007 г. и в 2003- 2007 гг. (по фактическому объему поставок вооружений) // Оружие России. Федеральный электронный справочник вооружения и военной техники, (<http://www.arms-expo.ru/site.xp/049051124049050050054.html>).

³ Там же.

⁴ По экспорту оружия Британия впереди планеты всей // Media International Group. 18.06.08, (http://www.mignews.com/news/society/world/180608_105733_98652.html).

⁵ Бьерн Хагелин, Научно-технологические военные инновации: США и Европа... с. 282.

⁶ Там же.

решающее значение для будущего процветания оборонно-промышленной базы и потенциала вооруженных сил». ⁷ Подчеркивалось также, что министерство обороны Великобритании будет «работать вместе с промышленными и академическими кругами в целях координации наших совместных ресурсов, максимального использования гражданских технологий и направления наших инвестиций в области, имеющие военное значение» и содействовать доступу «промышленности к иностранным технологиям и расширять научное сотрудничество». ⁸

Если рассмотреть целевую структуру бюджета министерства обороны Великобритании (в частности, на 2007 г.), традиционно приоритетной остается статья «Закупки ВВТ» - 34,1% военного бюджета. Расходы на НИОКР составляет 10%. ⁹

На рис. 1 показаны расходы на закупку и НИОКР министерства обороны по финансовым годам за период 2004-2008 гг.

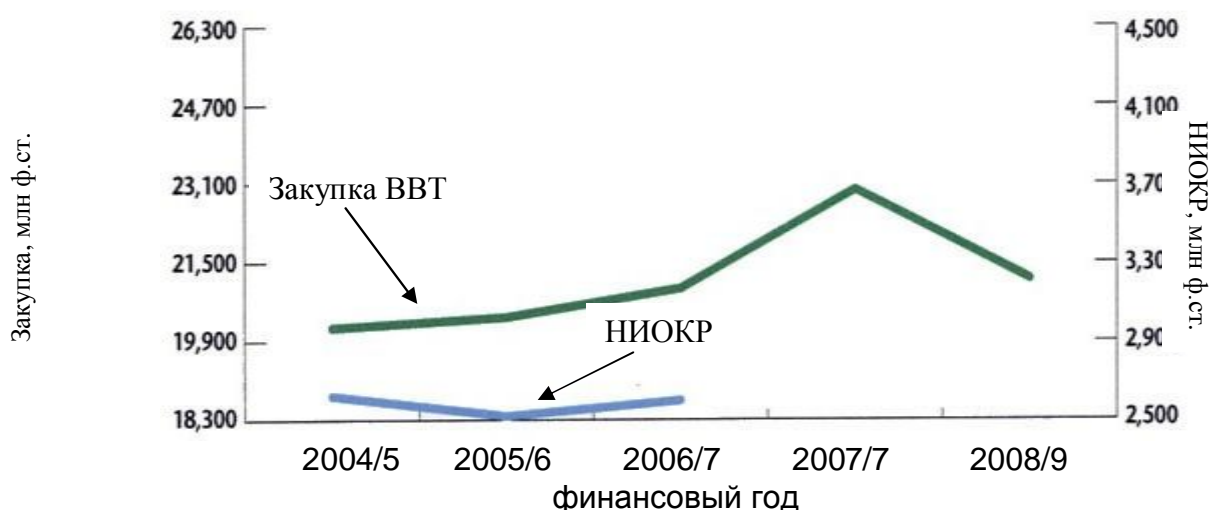

Рис. 1. Расходы министерства обороны Великобритании на закупку ВВТ и НИОКР ¹⁰

Военно-инновационная компонента национальной инновационной системы Великобритании

Как известно, военная инновационная система является неотъемлемой частью Национальной инновационной системы (НИС). При этом важно отметить, что взаимосвязи оборонного и гражданского секторов экономики в рамках НИС за последние десятилетия претерпели важные изменения. Это, несомненно, оказало воздействие на стратегию и конкурентоспособность оборонно-промышленных компаний.

Как правило, «выделяют четыре основных составляющих НИС.

1. Инфраструктура инновационной деятельности (или инновационная инфраструктура – как фундамент НИС), в том числе и в военной области (НИОКР и производство): крупные корпорации, государственные лаборатории, в том числе военные, университеты, технопарки, инкубаторы, а также малые фирмы, венчурные формы инновационного предпринимательства и т.д., то есть, непосредственные создатели интеллектуального ресурса.

⁷ British Ministry of Defence, pp. 5,18.

⁸ Там же.

⁹ Ситников С. Военные расходы Великобритании // Зарубежное военное обозрение, № 5, 2008, с.26.

¹⁰ Annual innovation report 2008, Department for Innovation, Universities and Skills. 2008, (http://www.dius.gov.uk/innovation/innovation_nation/~media/publications/2/21390%20AIR%20Report%20AW%20Complete).

2. Система образования, которая создает условия для использования интеллектуального ресурса и его воспроизводства.

3. Финансово-информационная система – финансирование НИОКР, передача технологий, оценка технологий, тиражирование технологий, консультативные фирмы; венчурные фонды, сертификация, контроль качества, испытания и т.д.

4. Законодательно-правовая система – как «комплекс институтов правового (включая защиту интеллектуальной собственности) и социального характера, обеспечивающих инновационный процесс и имеющих прочные корни, традиции, политические и культурные особенности».¹¹

Характер институциональных организаций и взаимосвязей субъектов НИС Великобритании, является ключевым фактором стратегии и конкурентного функционирования оборонного сектора страны.

Научно-исследовательские организации

Научно-исследовательские организации в области обороны являются важной частью НИС Великобритании. Приблизительно одна треть государственного бюджета, выделяемого на военно-ориентированные НИОКР, направляется в эти исследовательские организации.

В 1991 г. было образовано Агентство по оборонным исследованиям (Defence Research Agency - DRA) Великобритании как союз государственных исследовательских организаций, которое в 1995 г. было преобразовано в Агентство по оборонной оценке и исследованиям (Defence Evaluation and Research Agency - DERA). Позднее эта организация претерпела также значительные изменения, как во внутренней организации, так и во взаимосвязях с министерством обороны и промышленными компаниями. В июле 2001 г. DERA было преобразовано в две организации: лабораторию по оборонной науке и технологиям (ЛОНТ, Defence Science and Technology Laboratory) и путем приватизации в компанию QinetiQ.

ЛОНТ - это агентство министерства обороны, которое проводит научные исследования и разработки и вырабатывает соответствующие рекомендации министерству обороны и другим государственным ведомствам в области оборонной науки и техники. Деятельность ЛОНТ в основном сосредоточена на нуждах и будущих требованиях министерства обороны и Вооруженных сил Великобритании.

Компания QinetiQ - это международная компания по технологиям в сфере обороны и безопасности, которая обеспечивает технологической продукцией и услугами государственных и коммерческих заказчиков. QinetiQ Group включает в себя QinetiQ EMEA (Европа, Центральный Восток и Австралазия - Europe, Middle East and Australasia) and QinetiQ North America (Северная Америка). У нее три коммерческих подразделения в Северной Америке и четыре в EMEA.

В настоящее время министерство обороны Великобритании, ранее являвшееся единственным организатором исследований в области науки и технологий, проводимых через прежнее Агентство оборонных оценок и исследований, располагает не такими значительными внутренними научно-исследовательскими возможностями. По данным Совместного центра доктрин и концепций министерства обороны Великобритании, с середины 1980-х гг. до начала текущего десятилетия объем исследований министерства обороны сократился в абсолютных показателях на 50%.¹² В этих условиях сотрудничество с промышленными и академическими кругами приобрело новое значение.

¹¹ Панкова Л.В. Инновационная составляющая военной экономики США. М.: ИМЭМО РАН, 2006, с. 15-16.

¹² Strategic Trends: The Science and Technology Dimension. JDCC: Swindon, March 2003, p. 5.

Для осуществления взаимодействия министерства обороны с промышленными и академическими кругами были выделены две основные формы сотрудничества: «оплоты знаний» («towers of excellence» - TOE) и «центры оборонных технологий» (ЦОТ, Defence Technology Centres - DTCs). Деятельность «оплотов знаний» основана на принятом в феврале 2002 г. решении министерства обороны объединить силы промышленных и академических кругов, а также министерства обороны. Первые ЦОТы были созданы в 2003 г.

Согласно Оборонной технологической стратегии министерства обороны (Defence Technology Strategy for the Demands of the 21st Century) от 9 октября 2006 г., целью развития двух вышеупомянутых форм взаимодействия является улучшение понимания основных возможностей министерства обороны и путей, которыми они могут быть наиболее эффективно достигнуты.

«Оплоты знаний» стремятся повысить технологическое превосходство ВВТ Великобритании и улучшить «вертикальную» базу поставщиков техники в ключевых высокоприоритетных областях на уровнях системы или основной подсистемы. Задачами «оплотов знаний» является увеличение эффективности национальных оборонных исследований Великобритании посредством:

- координации продукции министерства обороны, оборонной промышленности и где возможно, академических и других национальных связанных с обороной исследовательских организаций;
- концентрации усилий на тех ключевых технологиях, которые требуются для увеличения военной мощи.

«Оплоты знаний» основываются на том, что вместе со снижением оборонных затрат, Великобритания нуждается в сосредоточении усилий в тех сферах, где уже существуют значительные оборонные возможности. «Оплоты знаний» реализуют новый подход к оборонному технологическому развитию, который основывается на сотрудничестве и взаимодействии между министерством обороны, ведущими участниками оборонно-промышленного сектора и ключевыми академическими кругами Великобритании.

Существует шесть следующих приоритетных направлений исследований «оплотов знаний»:

- управляемое вооружение (guided weapons);
- электро-оптические датчики (electro-optic sensors);
- искусственная среда (synthetic environment);
- радиолокация (radar);
- подводные датчики (under water sensors);
- радиоэлектронная борьба (electronic warfare).

Сотрудничество в рамках ЦОТ направлено на создание и использование технологий, финансируемых совместно министерством обороны и другими участниками. Интересы министерства обороны нацелены на извлечение пользы из опыта, накопленного в конкретных областях науки и технологий, а другие участники могут получить доход от своих инвестиций в будущую военную технику и продукцию гражданского назначения.

В настоящее время в Великобритании существуют четыре ЦОТа, которые являются, по сути, совместными консорциумами промышленности и академических кругов, работающих на министерство обороны Великобритании. Опыт показал, что для многих появляющихся технологий, такое сотрудничество обеспечивает лучшее качество ВВТ, повышает конкурентоспособность промышленности и расширяет возможности академических кругов по использованию своих идей.

Данные ЦОТы выполняют следующие функции:

- проводят инновационные исследования в интересах министерства обороны Великобритании;
- нацелены на облегчение использования новых оборонных технологий на первых стадиях их внедрения;
- организуют встречи промышленных и академических кругов с правительством;
- обеспечивают контроль качества и результативности в области оборонной науки и технологий;
- содействуют сотрудничеству в рамках формальной договорной структуры.

Центры частично финансируются за счет министерства обороны Великобритании и в значительной степени за счет вкладов участников.

В состав ЦОТ на данный момент входят следующие организации.

1. Центр оборонных технологий по системному проектированию для автономных систем (Systems Engineering for Autonomous Systems - SEAS). Данный центр занимается исследованиями новых технологий, которые рассматривают целые проблемы автономных систем, а так же главные проблемы подсистем. Разработка новых технологий является основой системных решений, что позволяет создать новые виды военного транспорта.

2. Центр оборонных технологий по электромагнитному дистанционному зондированию (The Electro Magnetic Remote Sensing Defence Technology Centre - EMRS DTC). Целью этого центра является исследование и разработка инновационных прибыльных сенсорных технологий, которые могут быть использованы в любой части электромагнитного спектра для того, чтобы улучшить способность министерства обороны обнаруживать и определять потенциальные военные цели на дальних расстояниях и при неблагоприятных погодных условиях.

3. Центр оборонных технологий по интеграции человеческих факторов (The Human Factors Integration Defence Technology Centre - HFI), который представляет собой консорциум промышленных и академических кругов, возглавляемый Aerosystems International от лица министерства обороны. Этот центр сводит вместе ведущие промышленные и академические институты оборонной направленности при рассмотрении проблем наилучшего использования военного снаряжения и военных кадров.

4. Центр оборонных технологий по синтезу информационных данных (The Data Information Fusion Defence Technology Centre - DIF DTC), который возглавляет компания General Dynamics UK от лица министерства обороны. В этот центр входят BT Exact, QinetiQ и восемь ведущих Британских университетов.

Финансирование военно-ориентированных НИОКР

Оборонный сектор всегда занимал привилегированную позицию в том, что касается государственного финансирования в науку и технологии и крупных вложений в развитие ВВТ. Значительная часть средств на научные исследования и разработки тратилась на военно-ориентированные НИОКР. Это отличительная черта НИС Великобритании. Начиная с конца 1960-х годов и вплоть до 1980-х годов, половина государственных расходов на НИОКР шла в оборонный сектор, и этот процент был даже выше в более ранние годы.

Фактически, несмотря на последние сокращения, Великобритания продолжает тратить, по международным стандартам, значительную часть государственных средств на исследования и разработку в оборонных целях. Государство играет центральную роль в формировании контекста инновационного процесса в оборонном секторе, так как именно государство несет ответственность за

национальную оборону и является главным заказчиком оборонной продукции. Именно государство в значительной степени финансирует оборонные НИОКР.

Великобритания, по данным доклада о валовых внутренних затратах на НИОКР за 2007 год, затратила на эти цели 25,423 млрд. ф.ст.¹³ Из них 2,7 млрд. ф.ст. пошли на финансирование НИОКР в оборонном секторе.¹⁴ «Как и в других странах, основную долю заказов на разработку новых вооружений выполняет промышленность, а степень участия университетов в военных исследованиях по сравнению с другими ведущими странами невелика».¹⁵ НИОКР в оборонном секторе достаточно масштабны и требуют значительных инвестиций. В 2007 г. компании аэрокосмического и оборонного сектора Великобритании вложили 1,3 млрд ф.ст. в НИОКР, сделав этот сектор вторым по величине среди UK850.¹⁶

Большое значение в финансировании военных НИОКР имеют промышленные компании. Расходы на военные НИОКР доминируют у таких компаний как Rolls-Royce, Airbus (часть EADS) и BAE Systems (табл. 1). Эти три компании вошли в 25 компаний, вкладывающих наибольшие средства в НИОКР в Великобритании.

Таблица 1.¹⁷

Пять ведущих промышленных компаний, инвестирующих НИОКР в аэрокосмическом и оборонном секторе Великобритании

Компании	НИОКР (млн ф.ст., 2007)	НИОКР как % от продаж (%, 2007)	Операционный доход как % от продаж (%, 2007)
Rolls-Royce	454,0	6,1	6,9
Airbus*	397,0	19,9	-16,5
BAE System	176,0	1,2	7,6
Cobham	55,2	5,2	15,5
Meggitt	52,9	6,0	16,2
Всего – пятерка компаний	1 153,1	4,4	6,2
Всего - сектор	1 331,8	4,1	6,4

* - иностранный владелец компании

В целом за 2007 г. оборонная промышленность стала вторым по величине заказчиком НИОКР среди 850 компаний Великобритании, вкладывающих наибольшие средства в НИОКР, и седьмой среди 1400 компаний по всему миру, вкладывающих значительные средства в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (G1400).¹⁸ Главными инвесторами в оборонные НИОКР в Великобритании среди UK850 стали Rolls-Royce и Airbus. В последнее время выявляется тенденция инвестирования военных НИОКР иностранными компаниями.

Расходы на военно-ориентированные НИОКР по-прежнему остаются важной статьей расходов министерства обороны, которое продолжает финансировать в значительной степени военные НИОКР(%). Данное направление научно-исследовательской деятельности занимает значимое место в НИС Великобритании в целом.

¹³ UK gross domestic expenditure on research and development, 2007. 20 March 2009, (<http://www.statistics.gov.uk/pdfdir/gerd0309.pdf>).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Фарамазян Р.А., Борисов В.В. Трансформация военной экономики XX - начало XXI века. М.: Наука, 2006, с. 157.

¹⁶ UK850 – это 850 компаний Великобритании, которые вкладывают значительные средства в НИОКР.

¹⁷ См.: http://www.innovation.gov.uk/rd_scoreboard/?p=40.

¹⁸ G1400– это 1400 компаний мира, которые вкладывают значительные средства в НИОКР.

Карутц Н.А.*

Государственно - частное партнерство в аэрокосмической сфере

Введение

На сегодняшний день при реализации крупных, капиталоемких проектов и программ в мировой практике превалирует тенденция консолидации усилий государственного и частного секторов. Речь идет о явлении государственно-частного партнерства (ГЧП), предполагающего привлечение бизнеса к развитию стратегически важных отраслей национальных экономик, таких как, например, транспортное, коммунальное хозяйства, электроэнергетика, оборонно-промышленный комплекс. Ключевым моментом при этом является, с одной стороны, экономическая и социально-политическая значимость производимой продукции и объектов производственной инфраструктуры, и, как следствие, невозможность их приватизации. А с другой стороны – потребность в значительных инвестициях для финансирования деятельности предприятий и важнейших отраслей, поддержания национальной обороны и конкурентоспособности, непосильных государственному бюджету.

Наиболее известными примерами реализации проектов на основе механизмов ГЧП, являются такие проекты, как строительство Евротоннеля, соединяющего Англию и Францию под проливом Ла-Манш, строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали Channel Tunnel Rail Link между Лондоном и британским порталом Евротоннеля, прокладка отдельных веток лондонского и вашингтонского метро, реконструкция монорельсовой линии в Лас Вегасе, капитальный ремонт британских школ среднего образования и др.

Понятие и признаки государственно-частного партнерства

«В современном понимании ГЧП — это институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации национальных и международных, масштабных и локальных, но всегда общественно значимых проектов в широком спектре сфер деятельности: от развития стратегически важных отраслей промышленности и научно-исследовательских и конструкторских работ (НИОКР) до обеспечения общественных услуг. Как правило, каждый такой альянс является временным, поскольку создается на определенный срок в целях осуществления конкретного проекта и прекращает свое существование после его реализации».¹

Отличительными чертами государственно-частного партнерства являются следующие признаки:

- четко выраженная направленность взаимодействия сторон на удовлетворение государственного интереса, оказание общественно значимых услуг либо создание общественно значимого продукта;
- фиксация отношений сторон путем подписания комплекта соответствующих соглашений, договоров, контрактов и т. п.;
- средне- (на срок до трех лет) и долгосрочный (на срок свыше трех лет) характер отношений;
- полное или частичное финансирование со стороны частного сектора;

---

* Карутц Нина Анатольевна – аспирант ИМЭМО РАН.

¹ Варнавский В.Г. Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски ИМЭМО. М.: Наука, 2005.

- объединение активов и ресурсов сторон;
- ориентация на достижение «взаимной дополнительной выгоды», соблюдение баланса обоюдных интересов;
- распределение рисков, расходов и результатов между государственным и частным сектором в соответствии с объемами их участия в реализации проектов согласно взаимным договоренностям, зафиксированным в соответствующих соглашениях, договорах, контрактах и т. п.²

Инициатором развития отношений государственно-частного партнерства, как правило, выступает государство, поскольку ГЧП позволяет обеспечить необходимые объемы, концентрацию и эффективное использование финансовых средств в целях реализации долгосрочных капиталоемких проектов, направленных на инновационное развитие отраслей, на создание современной, развитой и эффективной хозяйственной инфраструктуры и связанных со значительным инвестиционным риском. Кроме того, интерес государственной стороны обусловлен сопутствующим повышением качества и конкурентоспособности производимой продукции и услуг на национальном и мировом рынке.

Интересами частных партнеров в данном случае являются:

- качественная государственная экспертиза реализуемых проектов;
- разделение рисков с государством при одновременном ограничении роли последнего в вопросах менеджмента, за счет чего также повышается эффективность управления проектом;
- получение конкурентных преимуществ, экономических и неэкономических выгод в результате осуществления партнерских проектов;
- распространение информации о компании в потребительской среде;
- повышение эффективности бизнес-процессов за счет внедрения результатов научных разработок;
- новые возможности для инновационного бизнеса.

Формы государственно-частного партнерства

В международной практике в соответствии с классификацией «Зеленой книги о государственно-частных партнерствах и местном законодательстве о государственных контрактах и концессиях»³ принято различать формы ГЧП по двум признакам:

1. ГЧП контрактного характера;
2. ГЧП институционального характера.

ГЧП *контрактного характера* предполагает регулирование отношений условиями подписанных контрактов, договоров, соглашений и пр. В рамках контрактной формы ГЧП между сторонами партнерства могут быть подписаны следующие виды договоров:

- краткосрочные контракты на выполнение работ и оказание общественных услуг, на управление, на поставку продукции для государственных нужд, контракты технической помощи и т. д.;

² Составлено по: Д.М. Амуниц. Государственно-частное партнерство. Справочник руководителя учреждения культуры. №12. 2005. с. 16-24, (<http://www.cultinfo.ru/cultura/2006-04/partnerstvo.htm>) - Государственно-частное партнерство в образовании: законодательный аспект. Рабочие материалы к «Круглому столу» в Государственной Думе ФС РФ (Москва, 18.10.07), подготовленные Федеральным агентством по образованию. «Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование». Номер 3-4 (32-33), декабрь 2007.

³ Green Paper on Public-Private Partnerships and Community Law on Public Contracts and Concessions. Commission of the European Communities. Brussels, 30.04.2004, pp. 9-11.

- договоры финансовой аренды (лизинга);
- соглашение о разделе продукции (СРП);
- концессионные соглашения.

ГЧП *институционального характера* предполагает создание самостоятельного объекта (юридического лица) под проект, которым может быть:

- Коммерческая организация. Доходы, риски и расходы при этом распределяются между участниками партнерства пропорционально их долям в акционерном капитале. Формой такой организации может быть товарищество, акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью и пр.;⁴
- Некоммерческая организация на основе взносов участников партнерства в форме фондов, учреждений, некоммерческого партнерства или автономной некоммерческой организации;⁵
- Управляющая компания.

Компании, при этом, могут создаваться как для управления и контроля процесса реализации проекта, так и для осуществления отдельных этапов жизненного цикла проекта: от проведения разработок до реализации конечной продукции и услуг.

Как правило, на практике при реализации проектов встречаются смешанные формы партнерства государственного и частного секторов. Процессуально ГЧП включает в себя ряд этапов, к которым укрупненно можно отнести: разработку концепции и объявление о перспективном проекте, выбор одного или нескольких участников со стороны частного сектора (в том числе, проведение тендерных торгов); оформление партнерских отношений путем подписания соответствующего комплекта договоров и соглашений; реализация проекта: строительство и эксплуатация объекта инфраструктуры, куда с учетом специфики аэрокосмической отрасли также входят НИОКР. При этом любой из этапов может предполагать создание самостоятельных компаний, совместных и частных – начиная с участия в тендерных торгах – для разработки, строительства, эксплуатации или реализации результатов деятельности по проекту. По окончании проекта в зависимости от формы сотрудничества и инфраструктурной области происходят: передача объекта инфраструктуры в ведение государственной или частной стороны и дальнейшая его эксплуатация; при необходимости – принятие решения о развитии проекта и партнерских отношений; самостоятельная деятельность созданных под проект предприятий, либо их ликвидация.

В аэрокосмическом комплексе государственно-частное партнерство является перспективной и развивающейся сферой. На принципах ГЧП в Западной Европе реализуются национальные и международные космические проекты.

Рассмотрим наиболее яркие примеры европейской практики:

1. Проект создания спутника дистанционного зондирования Земли TerraSAR-X;
2. Проект создания многоцелевых транспортных/транспортно-заправочных самолетов Future Strategic Tanker Aircraft (FSTA) компанией “AirTanker” для британских ВВС.

⁴ Глава 4 § 2 ГК РФ.

⁵ ФЗ от 12.01.96 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»

Проект создания спутника дистанционного зондирования Земли TerraSAR-X.

Целью проекта является эксплуатация спутника дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ), получение и коммерческая реализация высококачественных снимков земной поверхности. Проект реализуется совместно с Германским аэрокосмическим центром DLR и компанией EADS Astrium GmbH.

В немецкой практике данный проект является прецедентом, так как ранее Германия участвовала лишь в общеевропейских программах дистанционного зондирования Земли. Лидерами рынка космической информации традиционно считались США, Франция и Индия. Создание собственной системы наблюдения за поверхностью Земли позволит Германии занять монопольные позиции на рынке высоко-детальных радиолокационных продуктов, доступных ранее только спецслужбам.⁶

Описание проекта

Космический аппарат TerraSAR-X, оснащенный радиолокатором с синтезированной апертурой (РСА), был запущен 15 июня 2007 г. с космодрома Байконур с помощью ракеты-носителя «Днепр».⁷

Уникальность данного спутника заключается в использовании для получения коммерческих снимков оборудования, произведенного на основе технологий, ранее применяемых только в военных программах видовой космической разведки. Радиолокатор позволяет выполнять заявки на съемку в течение нескольких суток после заказа в отличие от результатов оптической съемки, проводимой в зависимости от метеоусловий, ожидать которые приходится от недели до месяца.

На сегодняшний день аналогичные радары эксплуатируют только оборонные ведомства США (спутники видовой разведки LACROSSE) и Японии (спутник IGS-1R). В гонке по созданию космических радаров различного назначения (военных, гражданских, двойного применения) также участвуют Италия, Россия, Израиль и Канада, но первыми на рынке появились продукты германского спутника TerraSAR-X.

Космическая информация спутника TerraSAR-X используется в картографировании, планировании городской застройки и транспортном строительстве, сельском и лесном хозяйстве, при ликвидации последствий стихийных бедствий. Потребителями радарной информации выступают государственные ведомства, страховые агентства, частные компании агробизнеса, строительства, транспорта, фирмы ГИС-сектора и другие.

Реализация космического проекта на принципах ГЧП также является прецедентом в немецкой практике. Договор о начале работ по проекту был подписан 25 марта 2002 г.⁸ Согласно его условиям 80% финансовых затрат принимает на себя Германский аэрокосмический центр, соответственно, 20% расходов покрываются за счет средств EADS Astrium. Права и обязанности партнеров распределяются следующим образом.

В обязанности DLR входит:

- разработка и создание наземной станции;
- эксплуатация спутника в течение 5 лет;
- финансирование 80% затрат на создание спутника (порядка 102 млн. евро);

⁶ По данным официального сайта проекта «Космические новости» <http://news.cosmoport.com>.

⁷ По данным официального сайта программы «TerraSAR-X» на сайте Германского аэрокосмического центра DLR http://www.dlr.de/tsx/start_en.htm.

⁸ «TerraSAR-X – The German Radar Eye in Space», mission brochure TerraSAR-X. 2007, pp. 5-7.

- финансирование 45 млн. евро на строительство и эксплуатацию наземной станции.

К обязанностям EADS Astrium относятся:

- разработка, производство и запуск спутника;
- организация системы коммерческой эксплуатации – создание фирмы Infoterra GmbH для продажи снимков ДЗЗ;
- финансирование 20% затрат на создание спутника (порядка затрат 28 млн. евро);
- финансирование 10 млн. евро на эксплуатацию наземной станции через фирму Infoterra GmbH;
- в зависимости от финансового оборота проекта участие компании EADS Astrium в затратах на эксплуатацию системы.

В обмен на инвестиции в проект корпорация EADS Astrium получила эксклюзивные права на коммерческое распространение снимков спутника TerraSAR-X. Собственником и оператором спутника при этом остается Германский аэрокосмический центр DLR.

Стоимость проекта по разработке, производству и запуску спутника TerraSAR-X составила 130 млн. евро. Разработка и строительство наземной станции для приема и обработки данных и эксплуатация спутника в течение 5 лет оценивается примерно в 55 млн. евро.

Данные, полученные во время полета, спутник передает приемной станции Немецкого центра ДЗЗ (Deutsches Fernerkundungszentrum - DFD при DLR) в г. Neustrelitz. Для последующего дешифрования, обработки и архивации снимков на юге Германии в г. Weilheim построена наземная станция. Все снимки для коммерческой реализации передаются фирме Infoterra GmbH. Для коммерческой реализации полученных снимков в 2001 г. создана маркетинговая компания Infoterra GmbH, входящая в группу компаний Infoterra Group, которая является дочерним предприятием EADS Astrium. Группа компаний Infoterra Group насчитывает 350 сотрудников в Германии, Великобритании и Франции, ее оборот в 2007 г. составил 60 млн. евро. Персонал компании Infoterra GmbH насчитывает 150 сотрудников в Германии; оборот за 2007 год исчисляется в 15,8 млн. евро.⁹

Распространение радарных изображений регулируется новым законом Германии о безопасности данных (German Data Security Policy). В соответствии с этим законом в зависимости от снимаемого района и конечного заказчика данных, компания Infoterra может применять различные меры ограничения доступа (например, особый режим обработки с закруглением пространственного разрешения, доставка с временной задержкой или отказ в съемке). Решения по заказам клиентов принимаются оперативно, без составления предварительных заявок в годовые планы съемок.

Министерство обороны Германии не участвует в финансировании программы TerraSAR-X, поэтому закупать данные будет на коммерческой основе на правах одного из заказчиков.

В рамках проекта предполагается эксплуатация спутника TerraSAR-X в течение пяти лет. По окончании срока его эксплуатации в 2012 г. предполагается смена спутника TerraSAR-X аппаратом TerraSAR-X2, на разработку, производство и запуск которого компания InfoTerra инвестирует часть прибыли действующего проекта. На конец 2009 г. также планируется запуск второго аппарата TanDEM-X (TerraSAR-X add-on for Digital Elevation Measurement – «Дополнение к TerraSAR-X для цифровых измерений рельефа»). Цель запуска второго спутника заключается в

---

⁹ «TanDEM-X Science Meeting - Commercial Exploitation», Science Team Meeting, 28.11.2008, pp. 3-5.

формировании на орбите группировки из двух радарных космических аппаратов, совершающих совместный (тандемный) полет на небольшом удалении друг от друга, для съемки в течение трех дней всей земной поверхности и разработки глобальной цифровой модели рельефа земли с беспрецедентной точностью и детальностью. 30 августа 2006 г. Германским аэрокосмическим центром DLR и компанией EADS Astrium был подписан контракт о продолжении партнерских отношений на прежних условиях.¹⁰

Организационные, технологические и маркетинговые решения Infoterra GmbH позволяют прогнозировать перспективы развития программы TerraSAR-X и участие Германии, ранее не причисляемой к числу космических держав, на мировом рынке геопространственных данных.

Проект создания многоцелевых транспортных/транспортно-заправочных самолетов Future Strategic Tanker Aircraft (FSTA) компанией "AirTanker" для BBC Великобритании

Парк транспортно-заправочной авиации ведущих западноевропейских стран в настоящее время состоит в основном из устаревших транспортно-заправочных самолетов (ТЗС) преимущественно европейского и американского производства, разработанных в 1960-1970-х гг. В этой связи в BBC данных государств осуществляют ряд программ модернизации устаревших машин, уделяя основное внимание качественному обновлению парка ТЗС. При этом большинство вариантов в целях значительного сокращения сроков работ и объемов финансовых затрат на их создание базируются на переоборудовании существующих самолетов гражданской авиации. Целями модернизации при этом выступают: уменьшение времени перебрасывания крупных авиационных формирований в любой район земного шара; сокращение парка машин; снижение стоимости их жизненного цикла; увеличение радиуса действия и времени патрулирования авиационной техники военного назначения, и, прежде всего, самолетов ударной и военно-транспортной авиации.

Соответственно, в рамках общеевропейской программы MRTT (Multi-Role Tanker Transport) ведутся работы по созданию перспективных многоцелевых транспортно/транспортно-заправочных самолетов, в которых участвуют ряд ведущих европейских авиа- и двигателестроительных фирм.¹¹

Описание проекта

Проект Future Strategic Tanker Aircraft (FSTA, «Стратегический самолет-заправщик будущего») представляет собой программу развития парка ТЗС Великобритании, включая создание новейшей операционной базы и всей сопутствующей инфраструктуры. В рамках проекта, рассчитанного на 27 лет (2008-2035 гг.), предполагается поставка 14 новых самолетов-заправщиков для королевских военно-воздушных сил.

Формально, пройдя предварительную проверку министерства обороны, проект был принят на обсуждение 19 декабря 2000 г., после чего 21 декабря 2000 г. был объявлен тендер на создание новых ТЗС. В феврале 2005 г. тендер выиграл консорциум AirTanker, в состав которого на сегодняшний день входят компании EADS (40 % акций в уставном капитале консорциума), Rolls Royce (20%), Thales (13,3%), Cobham (13,3%) и VT Aerospace (13,3%). Предложение AirTanker базировалось на модернизации пассажирских самолетов Airbus A330. Единственное конкурентное предложение при участии в тендере, поступившее от Tanker Transport

¹⁰ «TanDEM-X Project Overview», Science Team Meeting, 28.11.2008, p. 6.

¹¹ По данным авиационной энциклопедии «Уголок неба».

Services Company (TTSC), в состав которого входят компании Boeing, BAE Systems, Serco и Spectrum Capital, заключалось в использовании для целей проекта самолетов Boeing B-767. Подписание договора состоялось 27 марта 2008 г.,¹² согласно его условиям в период с 2011 по 2035 гг. консорциум AirTanker предоставит 14 самолетов Airbus A330-MRTT.

Конвертация гражданского самолета Airbus A330 предполагает усиление пола грузового отсека и оборудование его боковым люком, доработку топливной системы, а также установку соответствующих комплексов бортового радиоэлектронного оборудования военного назначения и необходимого внешнего светотехнического оборудования.¹³

Общая стоимость оснащения британских ВВС самолетами-заправщиками и предоставления сопутствующих услуг оценивается в 13 млрд. фунтов стерлингов (16,7 млрд. евро).¹⁴ В случае начала военных действий с участием Великобритании и роста спроса ВВС на эти самолеты общая стоимость проекта, соответственно, вырастет. Следует отметить, что на проведение тендера до заключения договора министерство обороны Великобритании потратило порядка 47,5 млн. ф. ст., что составляет 0,4% всего стоимости проекта. AirTanker со своей стороны в ходе продолжавшихся с 2004 г. переговоров сумел привлечь около 2,2 млрд. фунтов стерлингов (3,2 млрд. евро) для инвестиций в развитие парка, операционной базы и сопутствующей инфраструктуры.¹⁵ Стоимость предоставляемых британским ВВС услуг будет формироваться из: фиксированной доли – за факт предоставления самолетов, и варьируемой доли – за каждый час эксплуатации самолетов.

С организационной точки зрения флот самолетов планируется разделить на три части. Одна из них будет находиться в постоянной эксплуатации военного ведомства. Другую предполагается отдавать в эксплуатацию военным службам в рабочие дни, а в выходные дни - использовать в коммерческих (транспортных) целях. Третья часть будет эксплуатироваться в коммерческих целях, и предоставляться ВВС во время какого-либо кризиса.

Все 14 самолетов при этом останутся собственностью консорциума AirTanker.¹⁶ Министерство обороны Великобритании не будет приобретать самолеты, а возьмет их в лизинг, гарантируя при этом минимальный спрос со своей стороны на услуги консорциума. Первый платеж министерство обороны произведет только после поставки первого самолета в 2011 г.

Если AirTanker окажется не в состоянии оказать оговоренные услуги (как, например, в случае банкротства), то платежи от Министерства обороны будут поступать только за реально предоставленные услуги. В свою очередь, EADS, как головной акционер консорциума AirTanker, при привлечении инвестиций в проект FSTA предоставила кредиторам гарантию в размере 1 млрд. фунтов стерлингов.¹⁷

Заключение

Рассмотренные в докладе проекты служат ярким примером успешного партнерства государственного и частного секторов в оборонной сфере. Учитывая

---

¹² По данным официального сайта Министерства Обороны Великобритании, «Defence Fact Sheet: Future Strategic Transport Aircraft», 25.07.2008.

¹³ По данным авиационной энциклопедии «Уголок неба».

¹⁴ В ценах 2008 г.

¹⁵ По данным официального сайта информационного проекта «Война и мир» www.warandpeace.ru

¹⁶ «A330-200 Future Strategic Tanker Aircraft (FSTA) - Multi-Role Tanker Transporter (MRTT)», Airforce technology, 2009.

¹⁷ По данным официального сайта Министерства Обороны Великобритании, «Defence Fact Sheet: Future Strategic Transport Aircraft», 25.07.2009.

характер, масштабы и сроки реализации аэрокосмических проектов, ГЧП в АКК представляется лучшей, а зачастую и единственно возможной перспективой дальнейшего развития отрасли. Привлечение бизнеса позволяет осуществить многие стратегически важные проекты и программы, на финансирование которых в государственном бюджете отсутствуют необходимые средства. Кроме того, дополнительное развитие получает инновационный процесс как неотъемлемая часть аэрокосмической деятельности, основанный в данном случае на военных технологиях и технологиях двойного назначения, что, в свою очередь, способствует созданию и совершенствованию национальных авиационно-космических инфраструктур и достижению паритетов с США в основных видах авиационной и космической техники. При эффективном менеджменте со стороны частного сектора, направленном на рациональное использование ресурсов и получение коммерческой выгоды, и акценте на новизну и качество производимых продуктов достигается взаимная выгода участников партнерства – с точки зрения роста конкурентоспособности аэрокосмической продукции на национальном и мировом рынках и повышения оборонного потенциала страны.

В мировой практике известны также случаи реализации международных проектов ГЧП, свидетельствующие о широчайших возможностях дальнейшей интеграции европейских компаний аэрокосмического сектора при взаимном обмене опытом и новейшими технологиями.

России необходимо постараться перенять европейский опыт для реанимации отечественной аэрокосмической отрасли промышленности, для чего в первую очередь потребуется пересмотреть порядок контроля над деятельностью ОПК и провести коренную реформу и детальную доработку действующего законодательства.

Газимагомедов К.Р.*

**Военно-экономическое обеспечение национальной безопасности:
состояние и перспективы**

Актуальность проблемы национальной безопасности вообще и экономической безопасности в частности стала реальной в эпоху становления капиталистических отношений и национальных государств в XVII – XVIII вв. Именно тогда в странах европейской цивилизации сформировалась и получила развитие идея о том, что государство имеет своей главной целью общее благосостояние и безопасность. Можно вспомнить, например, Жан-Жака Руссо, который в трактате «Об общественном договоре» отмечал, что забота о самосохранении и безопасности – самая важная из всех забот государства. Под безопасностью в тот период подразумевалось «состояние, ситуация спокойствия, проявляющаяся в результате отсутствия реальной опасности, а также наличие материальной организационной структуры, способствующей созданию и поддержанию данной ситуации».¹

В современных условиях структура национальной безопасности не только усложнилась, но и требует гибкости концептуальной проработки. Особое место в структуре национальной безопасности занимает безопасность экономическая. Это обусловлено тем, что все виды безопасности так или иначе не могут быть в достаточной степени реализованы без экономического обеспечения.

Устойчивость экономики, динамизм ее развития в значительной мере способствуют стабилизации социальной сферы, сплочению различных социальных групп, слоев, этносов, преодолению деструктивных конфликтов, увеличению занятости населения, повышению качества жизни, сокращению числа людей, доходы которых ниже прожиточного минимума. Экономическая составляющая оказывает существенное влияние на развитие политической системы общества, его готовность и возможность противостоять действиям деструктивных сил. Без надлежащего экономического потенциала нельзя создать и обеспечить деятельность политических, правовых и силовых структур, способных успешно защищать политические интересы страны. Наука, образование, культура в состоянии в полной мере раскрывать свой потенциал, быть ведущим фактором ускорения гуманистического развития общества только при условии опоры на соответствующий экономический потенциал. Так, в национальной безопасности экономическая составляющая представляет собой несущую опору, основной стержень, обеспечивающий функционирование всех элементов системы.

Военно-экономическое обеспечение национальной безопасности есть составная часть экономики национальной безопасности, направленная, прежде всего, на обеспечение обороноспособности государства и защиту его территориальной целостности. Решение этой задачи в условиях, когда государственные границы не защищают от информационной, культурной и экономической экспансии, а Россия катастрофически отстала от Запада в технологическом развитии (что означает и отставание в военно-техническом отношении), представляется весьма сложной.

---

* Газимагомедов Курбан Ризванович – аспирант ИМЭМО РАН.

¹ Косенко В.П., Бойко А.П. Экономическая безопасность Российской Федерации и таможенная политика: состояние, проблемы и направления их решения // Вестник Российской таможенной академии, № 1 (2), 2008.

Состояние экономической составляющей военной безопасности Российской Федерации и факторы, способствовавшие ее формированию

Распад СССР показал, что для безопасного существования государства недостаточно иметь мощную армию и высокотехнологичную оборонную промышленность, нужны еще многие слагаемые экономики, развитый сектор потребительских благ и услуг, конкурентоспособность товаров на мировом рынке, отлаженный механизм экономического управления и др.

Механизм влияния военных расходов на состояние национальной экономики довольно сложен. При условии умелого государственного регулирования для развитой рыночной экономики военные расходы целесообразны. Они стимулируют совокупный спрос и, главное, позволяют создавать стратегический задел для технологического развития.

Проблемы экономического развития и обеспечения военной безопасности России тесно связаны друг с другом. Обеспечение военной безопасности требует от государства значительных экономических затрат на вооружение армии современным оружием и поддержание боеготовности вооруженных сил. С другой стороны, большие расходы на оборону страны могут привести к деформации национальной экономики, к ухудшению возможностей развития гражданских отраслей промышленности, к снижению уровня жизни значительной части населения. Таким образом, возникает проблема оптимального баланса между обеспечением военно-стратегических и экономических задач в интересах достижения военно-экономической безопасности государства.

Во времена «холодной войны» решение военно-стратегических задач имело безусловный приоритет. Стремление не отстать от США и блока НАТО в количестве и качестве вооружений в конечном итоге привело к диспропорциям в экономике СССР, и, вместе с рядом других причин, к замедлению экономического развития и возникновению острых социально-экономических проблем.

С начала 1990 гг. после распада СССР возникла другая крайность. В руководстве России возобладало мнение, что в связи с окончанием «холодной войны» необходимость в поддержании высокого военно-стратегического потенциала отпала, а имеющееся военно-промышленное производство нужно максимальным образом конвертировать в гражданское. При этом был выбран самый простой путь реформирования: военные закупки сократились в несколько раз, оборонно-промышленный комплекс (ОПК) был по существу лишен государственной поддержки, надежды возлагались на то, что рынок сам все исправит и поставит на свои места. В результате произошел обвал производства, утрата важных технологий, снижение конкурентоспособности высокотехнологичного производства, резкое обострение социальных проблем в целом ряде городов и регионов страны.

В настоящее время пришло понимание необходимости исправления ситуации и проведения сбалансированной политики. Стало очевидным, что военные угрозы не исчезли, а лишь изменили свой характер, что государство должно не самоустраняться от решения экономических проблем, но активно влиять на рыночную среду и идущие процессы с помощью имеющихся механизмов (посредством налоговой, тарифной политики, через бюджет и государственный заказ и т.п.). Это обуславливает необходимость обоснования и реализации комплексного подхода к обеспечению военной и экономической безопасности на основе целенаправленной государственной политики с целью создания условий для устойчивого развития России при эффективном парировании возникающих военно-политических, социально-экономических, террористических угроз.

Для реализации этого подхода необходимо, чтобы военный потенциал России был достаточен для выполнения своих задач (и главное - выполнения функции

сдерживания), а с другой стороны, чтобы затраты на его поддержание не наносили ущерба социально-экономическому развитию страны.

Рассмотрим экономический аспект обеспечения военной безопасности страны на примере ядерных сил, выполняющих функцию военно-стратегического сдерживания. Содержательная сторона проблемы сводится к определению того, какие задачи должны решать ядерные силы страны и чему равна величина неприемлемого ущерба для возможного противника, которую он будет использовать при оценке ситуации и принятии решений по поводу эскалации (или деэскалации) конфликта в случае его возникновения. Вопрос о величине неприемлемого ущерба для противника в ядерном конфликте дискутируется давно, при этом мнения колеблются в очень широком диапазоне: от единиц до сотен ядерных боеприпасов, доставленных к цели.² Исходя из концепции управления рисками, должна быть выбрана стратегия, минимизирующая как сами риски, так и затраты на их парирование. Наиболее рациональным является сочетание стратегических ядерных сил и нестратегического ядерного оружия, обеспечивающее адекватное сдерживание на всех ступенях эскалации конфликта.³ При этом ядром российской концепции ядерного сдерживания должна быть преимущественно противоценностная направленность в применении ядерного оружия, обеспечивающая сдерживание коалиционной стороны, имеющей военное превосходство.⁴ Она не требует таких огромных ресурсов, как контрсиловая борьба, и позволит не только сохранить, но и совершенствовать силы общего назначения. Возникает вопрос о количестве вооружений, которое должно быть у России. Здесь прежде всего необходимо понять, будет ли устойчивой система сдерживания при количественном неравенстве стратегических сил противостоящих сторон. В индустриальную эпоху система сдерживания, основанная на симметричном парировании возникающих угроз, с неизбежностью приводила к гонке вооружений и военным конфликтам увеличивающегося масштаба. Логика поведения противостоящих сторон была следующей: противостоящие стороны оценивали уровень вооружений друг друга и стремились пропорционально этому уровню наращивать свои вооружения для компенсации потенциальной военной угрозы; темпы роста вооружений были ограничены как экономическими возможностями сторон, так и неизбежным моральным старением производимых систем оружия; государства стремились совершенствовать свой военный потенциал в силу своих потенциальных опасений или амбиций даже в отсутствие в текущий момент реальной угрозы своему существованию.

Эта логика поведения противостоящих сторон описывается широко известной моделью Ричардсона. Результатом такой логики поведения является либо возникновение и разрастание военных конфликтов (по этому сценарию разгорелась первая мировая война), либо экономическая (и политическая) капитуляция одной из сторон (по этому сценарию произошло поражение СССР в «холодной войне»)⁵.

В мирное время приоритеты должны быть смещены в область оптимальной организации функционирования ОПК - важного сегмента экономики, во многом обеспечивающего развитие новых технологий, наукоемких производств. Частный капитал слабо заинтересован в инвестировании ОПК, поскольку циклы производства

---

² Волков Л.И.. Проблемы стратегической стабильности. М.: МИА, 1993.

³ Малков С.Ю., Ковалев В.И., Коняхин Б.А.. К вопросу о методологии выбора рациональных стратегий обеспечения стратегической стабильности и ядерного сдерживания в современную эпоху // Стратегическая стабильность, №3, 2003.

⁴ См.: Ахмеров Е.Н., Кравченко К.Ф., Собченко И.И. О направленности регионального ядерного сдерживания // Военная мысль, №4, 2000.

⁵ Саати Т.Л.. Математические модели конфликтных ситуаций. М.: Сов. радио, 1977.

в нем длительные и требуются большие вложения в НИОКР. Поэтому поддержка ОПК - задача государства, если оно хочет сохранить и упрочить свою технологическую независимость. Без государственной поддержки развитие высокотехнологичных производств в условиях современной России невозможно. Госзаказ играет в этих условиях важную роль, обеспечивая устойчивость работы высокотехнологичных предприятий, давая им возможность повышать свой технический уровень, модернизировать оборудование, выходить на внутренний и внешний рынок с конкурентоспособной конверсионной продукцией, стимулировать развитие смежных предприятий гражданского сектора экономики.

В условиях глобализации военно-экономическая сфера прогрессирует по двум направлениям: развитие качественно новых собственно военных технологий (высокоточное оружие, спутниковые системы связи и аэронавигации, формирование на этой основе аэромобильных сил и т.д.) и совершенствование методов непрямых войн.

Процесс глобализации повлек за собой серьезные изменения в организации мирового военного производства. Основные из них заключались в стремительной консолидации производителей ВВТ (на фоне снижения объемов выпуска военной продукции) и стремлении компенсировать потери за счет увеличения поставок военной техники за рубеж. Кроме того, под влиянием международной специализации в последнее десятилетие более интенсивно стали проходить процессы межгосударственной кооперации при разработке и создании новых образцов ВВТ. После окончания "холодной войны" объем военного производства существенно сократился. По данным Международного института стратегических исследований, за последние 15 лет объем рынка вооружений сжался более чем в 2,5 раза - с 79 до 29 млрд.долл. Однако само производство стало более структурированным и поляризованным. Проблему сокращения спроса на военно-техническую продукцию на внутреннем рынке страны пытались решить увеличением поставок вооружений на экспорт. В результате этого США, которые и так занимали доминирующее положение на рынке вооружений, существенно упрочили свои позиции. В настоящее время более 55% всех вооружений выпускается американскими компаниями. Аналогичная ситуация наблюдается при анализе фактических поставок вооружений. Причем, в течение последних лет имеющийся пакет заказов на поставку российского вооружения и военной техники за рубеж реализуется лишь наполовину. Очевидно, что высокий процент нереализованных контрактов отрицательно сказывается на имидже отечественных производителей и свидетельствует о низком лоббистском потенциале нашего государства.⁶ Такой сценарий развития событий полностью соответствует принципам и целям глобализации: наиболее развитое в экономическом и технологическом плане государство в условиях открытых рынков легко одерживает победу над отстающими в развитии конкурентами и становится основным поставщиком большинства высокотехнологичных товаров на мировой рынок.⁷

Важной особенностью мировой торговли вооружением становится продажа за рубеж лицензий на производство различных видов ВВТ. Так, по данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), если в период с 1965 по 1975 годы американские компании заключили около 100 таких соглашений, то в 1980-е гг. правительство США ежегодно одобряло продажу за рубеж уже от 200 до 300 лицензий на производство продукции военного назначения. Западноевропейские страны также активно включились в этот процесс.

---

⁶ О.А.Кимлацкий. Об актуальных проблемах развития военно-промышленного комплекса России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ, № 9 (261), 2005.

⁷ Там же.

За последние 20 лет французские компании продали лицензии на производство вооружений Испании, Великобритании, Индонезии, Индии и Египту. Английские фирмы заключили лицензионные соглашения с Египтом, Индией, Филиппинами, а Германия - с Италией, Бразилией, Турцией, Индией, Филиппинами и Аргентиной. Все это привело к тому, что в ходе реализации международных лицензионных соглашений военно-экономические связи стран НАТО вышли за рамки торговли вооружением и военной техникой и стали приобретать качественно новую глобальную форму. Продажа за рубеж технологий производства вооружений привела к созданию международных консорциумов, развернувших свою деятельность во многих странах мира. В конце XX века волна слияний захлестнула военную промышленность многих стран. Эти преобразования позволили компаниям расширить и унифицировать номенклатуру выпускаемой продукции, добиться значительного сокращения издержек за счет ликвидации дублирующих производств и увеличить расходы на проведение научных исследований.⁸

Перспективы развития экономических основ военной безопасности России

Существующее состояние общей и военной экономики России не отвечает современным требованиям обеспечения ее национальной и военной безопасности. Поэтому сейчас на передний план выходит проблема укрепления общеэкономического и военно-экономического потенциалов, адекватных современным требованиям и условиям, в частности, тем, которые предъявляют новые способы ведения войн в XXI веке.

Для укрепления общеэкономической базы национальной безопасности России необходимо разработать и провести комплекс государственных мер. Прежде всего, нуждается в корректировке проводимая российским правительством экономическая политика. Важнейшие национальные интересы требуют разработки, принятия и проведения такой экономической стратегии и политики, которые обеспечили бы модернизацию, прогрессивную структурную перестройку, диверсификацию и повышение конкурентоспособности российской экономики.

В целях исправления диспропорций в экономике необходимо больше государственных усилий, в частности, для сокращения зависимости от газа и нефти, что дает стране возможность стать менее уязвимой для изменений мировой конъюнктуры. Для модернизации и структурной перестройки российской экономики необходимы огромные инвестиции.⁹

Существующие объемы, характер и отраслевое распределение внутренних и иностранных инвестиций недостаточны для обеспечения необходимых темпов модернизации и диверсификации российской экономики, ослабления ее сильной зависимости от углеводородного сырья. Для решения этих важных и сложных для России проблем необходимо добиваться существенного увеличения капиталовложений, причем, прежде всего, в инновационные отрасли материального производства, предполагающие стимулирующее освоение в стране высоких отечественных и иностранных технологий и принципиально новых видов машин и оборудования.

Сейчас инновационные стратегии предприятий, направленные на обновление производственных технологий и выпускаемых товаров, приобретают исключительную важность. В конкурентной борьбе фирмы добиваются преимуществ, находя новые способы конкуренции в своей отрасли и выходя с ними на рынок единственно возможным путем – путем инноваций. Инновации в широком

---

⁸ Там же.

⁹ Россия и мировой опыт концептуального обеспечения национальной безопасности. М: ИМЭМО РАН, 2008, с. 38.

смысле включают в себя любые изменения: использование новых материалов, внедрение новых технологий, совершенствование способов и методов организации производственной деятельности. Таким образом, инновациями в равной степени являются результаты, как НИОКР производственного назначения, так и совершенствование организационной структуры производства.

Особенно важную роль НИОКР играют в развитии военного сектора экономики. Практически все ведущие страны мира выделяют огромные суммы на совершенствование и разработку новейших видов военной техники.¹⁰

НИОКР военного назначения в условиях восприимчивой экономики наилучшим образом выполняют роль генератора технологических инноваций и обеспечивают тем самым дополнительный фактор сохранения национальной безопасности.¹¹

Существенную роль в обеспечении инновационного развития экономики западных стран играет созданная в этих странах инновационная инфраструктура. В США и других западных странах сложилась и непрерывно совершенствуется мощная, развивавшаяся в течение десятилетий и хорошо финансируемая система промышленных, исследовательских, учебных и других организаций и учреждений, которые занимаются проведением НИОКР. Ускорению инновационных процессов в значительной степени способствует формирование международной научно-технической базы, особенно в военной промышленности.¹²

Все более важным инструментом повышения эффективности военно-экономической деятельности и оптимизации сложной совокупности производственных, организационно-управленческих и других мероприятий, реализуемых в рамках военно-экономического обеспечения национальной безопасности промышленно развитых стран мира, становится государственно-частное партнерство (ГЧП). Механизм ГЧП все более широко используется в США, Японии, в Западной Европе, Индии и других странах. Причем можно говорить о механизме ГЧП уже не только на национальном уровне, но и на международном. В ГЧП заинтересованы обе стороны – и в этом причина успеха ряда форм ГЧП и его концепции в целом.

«В развитии ГЧП просматривается тенденция движения от разделения работ к разделению стоимости, затем к разделению риска и далее к разделению ответственности государства и частного сектора, как при реализации отдельных проектов и развитие критически важных высоких технологий, роста конкурентоспособности национальной безопасности. По всей видимости, ГЧП можно рассматривать и как фактор повышения упругости в контексте национальной безопасности в целом, что требует, однако, дальнейших исследований»¹³.

Для обеспечения инновационного пути развития экономики России необходимо решить ряд основных задач. Прежде всего, целесообразно довести общий объем национальных расходов на НИОКР до 3% от ВВП, причем преимущественно за счет государственного стимулирования инвестиций частного сектора. Важное значение имеет выполнение поставленной правительством задачи – повысить долю инновационной высокотехнологичной продукции в общем объеме реализации промышленной продукции до 15%, а в экспорте до 20%.¹⁴

---

¹⁰ Там же.

¹¹ А.П. Анненков, А.М. Батьковский, Д.В. Чистов «Вестник Российского Гуманитарного Научного Фонда» 2001 №1

¹² Россия и мировой опыт концептуального обеспечения национальной безопасности..., с. 42

¹³ Л.В. Панкова. «Россия и мировой опыт концептуального обеспечения национальной безопасности». М., ИМЭМО РАН, 2008, с.56.

¹⁴ Там же.

Филатов В.В.*

О необходимости учета фактора обычного высокоточного оружия в новом договоре по СНВ

В декабре 2009 г. истекает срок действия Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений, подписанного в июле 1991 г. между СССР и США – СНВ-1. Этот договор готовился долгие годы и оказался одним из немногих документов в области разоружения, который полностью выполнил свое предназначение. Зафиксированные в нем предельные уровни стратегических наступательных вооружений оказались достигнутыми.¹⁵ В настоящее время российские и зарубежные политики и военные эксперты активно обсуждают формат будущего Договора по СНВ, необходимость принятия которого практически ни у кого не вызывает сомнения по ряду политических и экономических причин.

На встрече в Лондоне 1 апреля этого года президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки решили двигаться дальше по пути сокращения и ограничения СНВ. Ими принято решение о начале двусторонних межправительственных переговоров по выработке новой полноформатной юридически обязывающей договоренности по сокращению и ограничению СНВ для замены прежнего Договора о СНВ. Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки намерены заключить эту договоренность до того, как в декабре истечет срок действия Договора.

Президенты двух стран выразили намерение зафиксировать в будущем договоре уровни сокращения СНВ, которые будут ниже, чем в ныне действующем Московском договоре 2002 г. о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Стороны договорились, что к июлю 2009 г. должны быть подготовлены предложения по новому формату Договора по СНВ.¹⁶

Конечно, начало реализации мирной инициативы новой администрации США заслуживает всяческого уважения и поощрения, особенно в преддверии 8-й Конференции по обзору выполнения Договора о нераспространении ядерного оружия, лидерами которой являются США и Россия. Инициатива по ядерному разоружению особенно важна в условиях, когда членами «ядерного клуба» могут стать государства, вплотную приблизившиеся к возможности обладания этим оружием. Понятна и другая причина поддержки со стороны политического руководства России «ядерной» инициативы США, обусловленная желанием преодолеть негативное наследие прежней администрации в отношениях между двумя странами.

Однако для реализации заявленного намерения значительно уменьшить уровни своих стратегических ядерных боезарядов, предположительно до 1000 единиц, возникает необходимость расширить перечень базовых принципов нового документа.¹⁷ В частности, необходимо включить в предмет договора системы высокоточного оружия (ВТО) наземного и морского базирования. Для этого шага есть серьезные основания, суть которых в следующем:

- во-первых, эта необходимость обусловлена неспособностью России в среднесрочной перспективе в случае войны противостоять мощным военным

---

* Филатов Владимир Витальевич – аспирант ИМЭМО РАН.

¹⁵ А.Г.Савельев. Политические и военно-стратегические аспекты договоров СНВ-1 и СНВ-2. М.: ИМЭМО РАН, 2000, с.26

¹⁶ Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А.Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б.Обамы, 1 апреля 2009 года.

¹⁷ В.Есин. Новый договор о СНВ: базовые принципы документа // Независимое военное обозрение, №7, 27 февраля 2009, с.1

группировкам на западном и юго-восточном стратегических направлениях, что увеличивает роль СЯС в обеспечении военной безопасности страны;

- во-вторых, боевые характеристики обычного ВТО настолько возросли, что это дает возможность поражать объекты СЯС России на значительной стратегической глубине с высокой степенью вероятности.

Принимая во внимание существенно возросшую роль ВТО 28 марта 2009 г., заместитель начальника Генштаба ВС РФ генерал-полковник А.Ноговицын выразил позицию Генерального штаба ВС России о необходимости включения в новый СНВ статей не только по ядерному оружию и его носителям, но и по крылатым ракетам (КР) в обычном оснащении, которые по своему потенциалу приближаются к ядерному оружию. Таким образом, высшим военным руководством выражена необходимость учета обычного ВТО и его введения в предмет переговоров.

Основная причина, которая заставляет учитывать фактор ВТО, является его активное развитие за последние 20 лет. В конце 80-х годов XX-го столетия в ВС США и некоторых стран НАТО стало активно поступать новое ВТО морского и воздушного базирования, которое в дальнейшем стало активно применяться в операциях: «Буря в пустыне», «Меч в пустыне» (1991), «Лиса в пустыне» (1998), «Решительная сила» (1999), «Несгибаемая свобода» (2001), «Свобода Ираку» (2003). Статистический анализ показал, что доля примененного ВТО существенно возрастала с каждой последующей военной кампанией. Если в 1991 г. ее доля составила только 8%, то уже в 2003 г. она достигла 68% от общего количества примененных боеприпасов.¹⁸

Де-факто произошел переход к войнам следующего, шестого поколения, в которых новейшим видам обычного ВТО, в силу их возросших характеристик по точности попадания в цель и скорости, отводится первостепенная роль.

Эта роль получила закрепление в документе «Единая перспектива – 2020» в котором высокоточному сражению (бою) отводится значительная роль по огневому поражению целей противника в ходе всех видов операций как с применением, так и без применения ядерного оружия. Это указывает на процесс постепенного перераспределения ролей между ядерным и обычным ВТО в будущих стратегических операциях.

Военно-наступательная доктрина «Глобальный удар» и вытекающий из нее План действий в чрезвычайных ситуациях «CONPLAN 8022» также закрепляют применение ВТО в наступательных стратегических операциях наряду с ядерным, космическим и информационным оружием.

Для обеспечения эффективного применения ВТО предполагается к 2020 г. кардинально перестроить систему боевого управления и трансформировать американские вооруженные силы и силы союзников в единую глобальную разведывательно-ударную систему.

С этой целью Министерство обороны США реализует программу создания компьютерной сети, объединяющей три основных элемента: средства разведки, средства поражения и информационно-управляющие элементы, которые обеспечивают автоматизированный анализ обстановки, принятие и реализацию решений и команд управления. В рамках выполнения этой задачи разработана концепция ведения боевых действий с использованием единого информационного пространства (NCW – Network Centric Warfare), а в объединенных вооруженных силах альянса – концепция единого информационного пространства НАТО (NATO Network Enabled Capability), которая в настоящее время находится на стадии детальной проработки. Ее появление непосредственно связано с принятием «Новой

¹⁸ А.В. Усиков, Г.А. Бурутин, В.А. Гаврилов, С.Л. Ташлыков. Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. М.: 2008, с. 598.

стратегической концепции НАТО» (Allied Joint Doctrine) и концепции альянса «Организация и ведение объединенных совместных операций будущего», с созданием перспективных систем ВТО.¹⁹

Осуществляется постоянное совершенствование характеристик ВТО за счет сокращения времени реакции, увеличения скорости, существенного улучшения точности стрельбы (КВО не хуже 1 – 3 м), а также применения перспективных устройств самонаведения. Активно ведутся работы по созданию стратегического ударного авиационно-космического комплекса «Фалкон», способного эффективно наносить массированные и одиночные ракетно-бомбовые удары по целям, расположенным в любой точке Земли в кратчайшие сроки. Ударные летательные аппараты с управляемым авиационным вооружением будут способны выполнять полет с крейсерской скоростью свыше 6500 км/ч на высотах 30 - 45 км и более, обладать малой зависимостью от метеоусловий и времени суток, в ходе боя будут иметь существенные преимущества по сравнению с современными образцами вооружения.

В соответствии с концепцией «Ричбэк» центры на территории США, где имеются высококвалифицированный персонал, вычислительные мощности и необходимые базы данных, способны осуществлять планирование поражения подвижных грунтовых ракетных комплексов существующими средствами ВТО.²⁰

Очевидно, что главной задачей совершенствования глобальной разведывательно-ударной системы ВС США и НАТО является нейтрализация контрсилового потенциала российских шахтных и мобильных ПУ МБР – основным средством для решения этой задачи будет являться обычное ВТО морского и воздушного базирования.

В настоящее время ударной основой ВТО ВМФ США являются КР «Томахок» различных модификаций. Так, дальность КР BGM-109 блок 4 составляет 2800 км. Расчет показывает, что существующая дальность стрельбы КР «Томахок» обеспечивает досягаемость большинства российских ПУ МБР из состава 27-й и 33-й ракетных армий, которые останутся в боевом составе РВСН России в долгосрочной перспективе.

В ВВС США имеется большая номенклатура управляемых авиационных бомб (УАБ): GBU-10, 12, 24/27, 28, JDAM, JDAM-PIP, GAM, WCMD; планирующих УАБ и УР: GBU-15, Maverick, Walleye, AGM-142, AGM-154, AGM-130, JASSM. По точности и мощности многие из указанных боеприпасов способны с высокой вероятностью поражать заглубленные бетонированные объекты.²¹

В боевом составе стратегических бомбардировщиков, способных поражать стационарные и подвижные российские ПУ МБР обычными крылатыми ракетами ВБ, находится 181 самолет В-1, В-2, В-52Н.²² Тактическая авиация ОВС НАТО включает 4555 самолетов, многие из которых имеют возможность применять современное высокоточное ракетно-бомбовое вооружение по объектам российских СЯС. Боевой радиус действия стратегических и тактических бомбардировщиков и дальность стрельбы авиационными ВТО позволяют поражать большинство ПУ МБР России.

Таким образом, наглядно видно, что создан серьезный потенциал ВТО морского и воздушного базирования, способный уже в настоящем частично решать

¹⁹ С.Паршин, Ю.Кожанов. Коалиционные операции НАТО, проблемы взаимодействия автоматизированных систем управления и пути их решения // Зарубежное военное обозрение, № 4, 2008, с.13.

²⁰ М.Вильданов. Организация борьбы с мобильными целями в ВС США // Зарубежное военное обозрение, № 7, 2007, с. 15-20.

²¹ Е.Мясников, Высокоточное оружие и стратегический баланс. 2000.

²² Д. Шляхтов. Перспективы строительства и применения стратегической бомбардировочной авиации США // Зарубежное военное обозрение, №4, 2008, с. 46-54.

задачи по ликвидации контрсилового потенциала российских СЯС, а в обозримой перспективе, к 2015-2020 гг., с поступлением новых образцов высокоточного оружия, кардинально повысить свою эффективность.

Теперь следует понять, каким образом можно подступиться к ограничению контрсилового потенциала американского ВТО, используя механизм переговоров и желание политического руководства двух стран прийти к новому соглашению. Главная задача в этом направлении заключается в необходимости признания со стороны США и России факта существенного влияния ВТО на стратегические наступательные потенциалы и необходимости в этой связи введения ВТО морского и воздушного базирования в предмет предстоящих переговоров. Для этого необходимо к июлю 2009 г. попытаться подготовить совместную декларацию, в которой среди прочих базовых принципов будущего документа следует обозначить фактор ВТО. Если же такой документ не будет принят, то, как показывает опыт прошлого, переговорный процесс на экспертном уровне может растянуться на неопределенное время, что не в интересах обеих сторон.

После принятия такой декларации, естественно, возникнет необходимость в конкретных предложениях и набору взвешенных уступок с обеих сторон.

По авиационной составляющей для России важно внести предложения, во-первых, по ограничению базирования тактических самолетов на территории Польши и стран Прибалтики и, во-вторых, по установлению ограничений на складирование авиационного ВТО на территории указанных субъектов.

По морской составляющей, принимая во внимание то, что наилучшими районами применения КРМБ большой дальности на севере являются акватории морей Северного Ледовитого океана, а на востоке Охотского, Восточного и Японского морей, необходимо будет внести в договор предложения по ограничению района патрулирования для ПЛАРК «Огайо» и надводных кораблей,²³ имеющих такое вооружение 800 мильной зоной вдоль северной береговой границы от Мурманской области до Камчатки и ввести аналогичное ограничение районов патрулирования от Камчатки до Восточно-Китайского моря. Эти ограничения должны также распространяться на ВМФ Великобритании, имеющий на вооружении КРМБ «Томахок» американского производства.

Каких уступок потребует американская сторона в обмен на согласие рассмотреть российские предложения, говорить преждевременно до принятия политического документа по базовым принципам договора.

---

²³ В настоящее время на вооружении ВМФ США состоит 54 ПЛА типа «Лос-Анжелес», 4 ПЛАРК типа «Огайо», 27 крейсеров УРО типа «Тикондерога», 57 ЭМ УРО типа «Орли Бэск» размещено, по разным оценкам, от 2800 до 3600 стратегических КР «Томахок» различных модификаций.

Прокопенкова И.О.*
Ракетно-космическая деятельность в системе национальных приоритетов Китая, Индии и Японии

Происходящие в настоящее время масштабные процессы в космической деятельности (КД) и мировой ракетно-космической промышленности (РКП), такие как повышение военных аспектов ее развития, а также глобализация и интенсификация деятельности в сфере КД, определяют происходящие коренные изменения в национальных ракетно-космических комплексах, ускоряя развитие ракетно-космических технологий в Китае, Индии и Японии. Этот процесс сопровождается также трансформацией национальных оборонно-промышленных комплексов, глубокой модернизацией вооруженных сил, наращиванием военно-экономической мощи, а также масштабными изменениями в военной политике рассматриваемых стран.

Данные преобразования осуществляются в условиях крайне динамичной и непредсказуемой ситуации в сфере международной безопасности, главенствующими тенденциями при этом становятся, по мнению многих исследователей, «многополярность в политике и глобализация в экономике».¹ Основным системообразующим элементом международных отношений в XXI веке будет поведение региональных держав. Имеющиеся региональные центры силы станут оказывать все возрастающее влияние на общую динамику глобального развития. Тем не менее, происходящее перераспределение баланса сил в мире пока еще не приняло внятного и законченного характера. Соответственно, ведущие мировые и региональные державы продолжают диалог о роли, статусе и взаимозависимости каждой из них.

При этом помимо известных угроз появляются новые вызовы, которые могут оказать существенное влияние на формирующийся баланс сил. В этом процессе возрастает роль и значение технологических инноваций – появляется возможность ускорения трансформации научно-технического лидерства в военное превосходство, что вызывает необходимость всестороннего анализа возможностей и перспектив научно-технического развития в важнейших военно-ориентированных отраслях экономики ведущих региональных держав.

Ракетно-космические технологии, в основе которых лежат высокие критически важные двойные технологии играют все возрастающую роль в системе обеспечения безопасности. Уникальные информационные возможности космической техники, такие как высокая скорость распространения высококачественной и зачастую критически важной информации практически в масштабе всей планеты, определяют ее первостепенную роль в обеспечении информационной безопасности государства. Критичность «космической информации» с позиций национальной и международной безопасности усиливает связь космической деятельности не только с политическими, военными и социально-экономическими задачами, но и с внешнеполитическими интересами государства. По всей видимости, нельзя исключать вероятность того, что с превращением информации в новую составляющую вооруженной борьбы новые стратегические интересы могут быть определены именно в информационно-космической сфере.

В этих условиях развитие РКП и космических технологий, активизация КД трансформируются в один из важнейших элементов национальной стратегии

---

* Прокопенкова Ирина Олеговна – аспирант ИМЭМО РАН.

¹ Yang Chengxu. Китайская дипломатия в условиях изменчивой и нестабильной международной обстановки. Материалы московского семинара по международным проблематике. Пекин, 2001, с. 35 (на кит. языке).

устойчивого развития, повышения государственной мощи и усиления роли на международной арене в исследуемых странах, обуславливая исключительное значение РКП в национальных приоритетах развития.

КД на современном этапе характеризуется небывалыми темпами наращивания активности различных стран в этой сфере, причем стойкой тенденцией последних десятилетий стало расширение круга участников КД, сопровождавшееся бурным развитием ракетно-космических технологий не только в ведущих промышленно-развитых государствах, но и в развивающихся странах. Можно считать сложившейся тенденцией формирование новых мировых производственных ракетно-космических комплексов, причем наиболее активно данный процесс идет в настоящее время в Азиатском регионе – из тридцати шести стран,² обладающих производственной, научной и технологической базой для создания РКТ, либо имеющих государственную КП, тринадцать находятся в Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии.³

Азиатский регион в целом, и три его ведущие державы — Китай, Индия и Япония, привлекают огромное внимание исследователей благодаря своему уникальному геополитическому положению, динамичному экономическому росту, научному и технологическому прогрессу. Данные три страны неуклонно наращивают экономическую, военную и технологическую мощь: так, в 2008 г. суммарный ВВП этих трех стран составил 16,47% от общемирового объема ВВП, 54% и 65,2% от ВВП ЕС и США соответственно;⁴ в 2007 г. на долю Японии, Индии и Китая пришлось 30,7% от мировых затрат на НИОКР;⁵ по величине затрат на национальную оборону Китай, Индия и Япония в 2006 г. занимали третье, пятое и одиннадцатое места соответственно, их суммарные военные расходы составили 10,11% от мировых затрат или 63,9% от военных расходов в Азии.⁶

Велика также роль РКП Японии, Индии и Китая в процессе формирования ракетно-космического производственного комплекса в Азии. В РКП этих трех стран аккумулирована большая часть производственного потенциала региона – совокупный объем производства ракетно-космической техники в Японии, Индии и Китае в 2007 году составил около 16,2 млрд. долл. (или около 15% от объема производства мировой РКП),⁷ на долю этих трех стран приходится 94-95% ассигнований на КД в регионе.

Соответственно, в данных условиях крайне актуально получить представление о перспективах развития ракетно-космических комплексов Китая, Индии и Японии, а также месте КД и ракетно-космических технологий в приоритетах национального развития и обеспечении национальной безопасности данных стран.

В данном случае под РКП мы понимаем промышленность, занятую разработкой и производством различных космических аппаратов (КА), ракет-носителей (РН), при помощи которых они выводятся на орбиту, а также баллистических ракет (БР), которые в определенных условиях также могут быть использованы для запуска КА в космос.

---

² Австралия, Белоруссия, Бельгия, Великобритания, Венесуэла, Вьетнам, Германия, Дания, Израиль, Индия, Индонезия, Иран, Испания, Италия, Канада, Китай, КНДР, Латвия, Малайзия, Нидерланды, Норвегия, Пакистан, Польша, Россия, Саудовская Аравия, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Украина, Франция, Чехия, Швеция, ЮАР, Южная Корея, Япония.

³ Вьетнам, Индия, Индонезия, Иран, Китай, КНДР, Малайзия, Пакистан, Сингапур, Таиланд, Тайвань, Южная Корея, Япония.

⁴ Рассчитано на основе базы данных МВФ - International Monetary Fund: World Economic and Financial Surveys, World Economic Outlook Database. October 2008.

⁵ Global R&D 2007 // R&D Magazine, September 2007, p.5.

⁶ SIPRI Yearbook 2008. Armaments, Disarmament & International Security, p. 11.

⁷ Там же.

Хотя, на первый взгляд, объединение в рамках одной работы столь непохожих стран представляется достаточно спорным, тем не менее, в современных условиях с учетом глобализации, смещающей технологические и географические границы, что с точки зрения геополитики может привести к новым альянсам, а, в конечном счете, и к новому состоянию баланса сил, подобный подход оправдан. При этом речь идет не о принятом географическом делении,⁸ – в данном случае первостепенное значение имеет ракетно-космический потенциал Японии, Индии и Китая, а также место, которое они занимают в военно-экономическом и военно-промышленном потенциале Азиатского региона.

Анализируя РКП данных стран, необходимо, в первую очередь, отметить, что производственный и научно-технологический потенциал их РКП начал формироваться относительно позже, чем в США, СССР или в Западной Европе – данные страны вступили в «ракетно-космическую гонку» только в 1970-80-е гг.⁹ Очевидно, что среда, в которой формировались и развивались РКП и национальные космические программы данных стран, а также мотивы, побудившие их инициировать КД значительно изменились по сравнению с ситуацией в 1960-е, а тем более в 1950-е гг., и это не могло не оказать сильного влияния. В итоге можно с уверенностью утверждать, что ракетно-космическую промышленность таких непохожих, на первый взгляд, стран как Индия, Китай и Япония отличает ряд специфических общих черт.

Особенности космической деятельности Китая, Индии и Японии проявляются в следующем.

Во-первых, в отличие от США и СССР, уделявших основное внимание развитию ракетного потенциала и военным аспектам космических технологий (не секрет, что первые РН создавались как средство доставки ядерных зарядов), политике в области РКП и КД в Индии и Японии – в большей степени, а в Китае – в меньшей, всегда была присуща сильная практическая и прикладная гражданская направленность. Соответственно, РКП и ракетно-космические технологии в данных странах были призваны, прежде всего, служить средством ускорения научно-технического прогресса и экономического развития (особенно это относится к Индии), решая конкретные социально-экономические задачи.

Во-вторых, в рассматриваемых странах ракетно-космические технологии, аккумулирующие высокие критически важные технологии, играют все большую роль в сфере НИОКР, становясь важным инструментом завоевания научно-технического лидерства.

Как один из наиболее ярких примеров можно привести долю затрат на ракетно-космическую деятельность (РКД), основная часть ассигнований на которую в данных странах выделяется в рамках государственных бюджетов на научно-техническое развитие.

Выделить численно затраты Индии на ракетно-космическую деятельность не представляется возможным, но только бюджет Департамента космоса, отвечающего за гражданскую космическую программу, составляет около 17-20%¹⁰ от общего объема государственных НИОКР; а с учетом ассигнований Организации оборонных НИОКР (ДРДО), под эгидой которой ведутся все программы военных разработок в

---

⁸ В соответствии с классификацией ООН от 17 октября 2008 г. Япония и Китай относятся к региону Восточной Азии, Индия — к Южной Азии. См.: <http://millenniumindicators.un.org/unsd/methods/m49/m49regin.htm#asia>.

⁹ США и СССР осуществили запуски первых спутников в конце 1950-х гг., страны Западной Европы — в 1960-е гг.

¹⁰ Рассчитано на основе: Research & Development Statistics 2004-05. Government of India, Ministry of Science & Technology, Department of Science & Technology, New Delhi, September 2006, Table 1, p. 63; India Government, Union Budget – Expenditure Budget Vol. I, 2008-09, pp. 35-36.

стране, в том числе ракетная программа, а также, возможно, и военная космическая программа, эти затраты составляют больше трети всех государственных затрат на НИОКР Индии.¹¹ При этом фактический бюджет Департамента космоса сопоставим с бюджетом ДРДО — 32,9 и 32,3 млрд. рупий в 2007 г. соответственно.¹²

В Китае вся космическая деятельность осуществляется в рамках долгосрочных национальных программ научно-технического развития, а также государственных пятилетних планов развития КД:

- «Программа 973» фундаментальных исследований (1997-2015 гг.);
- «Программа 863» разработки высоких технологий (1987-н/в);
- программы развития ключевых технологий (1982-н/в);
- национальные специальные проекты;
- «Национальная средне- и долгосрочная программа научно-технического развития на 2006-2020 гг.»;
- «План развития КД на 11-ю пятилетку (2006-2010 гг.)».

Оценка затрат на ракетную и космическую программы Китая представляет большую проблему: данные в открытом доступе практически отсутствуют или засекречены, а имеющиеся официальные статистические данные противоречивы. Тем не менее, согласно официальной статистике, в период 1986-2001 гг. на закрытый раздел государственной программы развития высоких технологий («Программа 863»), – разработки в области океана, ракетно-космических технологий и лазеров, было затрачено около 5,3 млрд. юаней (641 млн. долл.),¹³ при этом затраты по этому разделу составили около 48% от суммарных ассигнований на программу.¹⁴

Очевидно, что официальные данные сильно занижают затраты на КП КНР – к примеру, как заявил Ло Гэ, вице-администратор Китайского национального космического агентства (КНКА) во время визита в США в 2006 г., ежегодный космический бюджет КНР составляет около 500 млн. долл.¹⁵ По нашим оценкам, эта цифра может быть увеличена в несколько раз – затраты на гражданскую КП (в том числе, пилотируемую) в 2006 и 2007 гг. составили около 2,1 и 2,6 млрд. долл. соответственно, на военную — приблизительно 0,913 и 1,116 млрд. долл. Таким образом, долю ассигнований на КД в государственных затратах на НИОКР в 2006 г. можно оценить в 14,4%.¹⁶

В Японии, в национальных планах научно-технического развития, РКП также уделяется большое внимание, хотя по доле затрат на ракетно-космические программы в государственных ассигнованиях на НИОКР Индия и Китай опережают Японию (доля затрат на ракетно-космические технологии в государственных затратах на НИОКР не превышала в 2006-2007 гг. 7,5-7,6%).¹⁷ Необходимо, тем не

---

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Rand Corporation. Strategic Choices in Science & Technology. Korea in the Era of Rising China, Somi Seong, Steven W. Popper, Kungang Aheng, 2005, с. 80, 82-84. 2 - China's Electronic Industry, Chapter 3, p. 61, 62.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Драконы на орбите: космическая программа КНР заслуживает пристального внимания // Deang Cheng, Space News, vol. 17, № 32, Aug. 14, 2006, pp. 27

¹⁶ По данным China Science & Technology Statistics DATA Book 2007, MOST of the PRC государственные затраты на НИОКР в 2006 г. составили 168,85 млрд. юаней.

¹⁷ Рассчитано по NSF Tokyo Regional Office, December 18, 1991. Report Memorandum # 209, NSF Tokyo Regional Office, September 20, 1996. Report Memorandum # 96-25, NSF Tokyo Regional Office, September 22, 1999. Report Memorandum # 99-10, NSF Tokyo Regional Office, January 5, 2006. Report Memorandum # 06-01, NSF Tokyo Regional Office, January 10, 2008. «Аэрокосмическая промышленность. База данных – июль 2008 года. Японское общество аэрокосмических корпораций».

менее, отметить, что здесь, как и в Индии, государственные затраты на КД значительно превышают ассигнования, выделяемые на все военные НИОКР: так, в 2007 г. на КП было выделено 253,3 млрд. иен, на НИОКР МО Японии – 157,3 млрд. иен.¹⁸

В-третьих, еще одной важной тенденцией последних лет стало изменение роли РКТ в оборонном потенциале Китая, Индии и Японии. Рассматриваемые страны в XXI веке планируют наращивать собственный военный потенциал. В основе их мотивации лежит понимание, как военными экспертами, так и руководством стран концепций национальной безопасности и тенденций эволюции современных средств ведения войны и новых способов ведения войны. Осуществляя масштабные преобразования национальных ВС, они учитывают уроки ведения новой войны и опыт США, полученный в ходе последних военных конфликтов в Югославии, Афганистане и Ираке.

Если проанализировать политику данных стран в области национальной обороны, нельзя не отметить определенную общность подходов в модернизации национальных вооруженных сил и в понимании места ракетно-космических технологий в оборонном потенциале.

Модернизация ВС, нацеленная на создание национальных армий, способных побеждать в современной войне, обеспечить доминирование в регионе, а в отдаленной перспективе и обеспечить глобальное присутствие, осуществляемая в настоящее время в Индии, Китае и Японии, предъявляя новые требования к военным космическим средствам, становится важным фактором, который будет определять тенденции развития в данной сфере.

В итоге, изменения, происходящие в военной политике и военном строительстве Китая, Индии, Японии инициируют пересмотр места космоса в военных системах, самих подходов к ведению КД, перенос приоритетов развития, что выражается в постепенном усилении военной составляющей национальной КД и использовании ее для укрепления военной мощи.

Выдвинутая Цзян Цзэмином в 2001 г. стратегия развития оборонного потенциала и модернизации вооруженных сил Китая в перспективе до середины XXI века предусматривает качественные изменения в китайском военном позиционировании в мире и включает три этапа: «на первом этапе (до 2000 г.) создание основ преобразований, на втором (2000-2020 гг.) вооруженные силы Китая должны стать сильнейшими в Азии, на третьем (2020-2049 гг.) предполагается завершить модернизацию и достичь передового уровня вооруженных сил развитых стран».¹⁹ Таким образом, амбиции Пекина не ограничиваются «возвратом» Тайваня, они предусматривают достижение к середине XXI в. способности выигрывать «информационные войны».²⁰ В этом плане значительная роль отводится, в первую очередь, созданию современных интегрированных средств командования, управления, коммуникации и разведки (C4ISR) космического базирования, систем позиционирования и навигации, обеспечивающих точное наведение оружия и оперативное информационное обеспечение на поле боя, а, кроме того, космических средств стратегической разведки (в основном, высокодетальной), как видовой, так и радиотехнической, позволяющих осуществлять постоянный мониторинг с высокой

СДЖАК. – на яп. яз. (Koukuu uchuu sangyou dētabēsu. Heisei 20 toshi 7 tsuki. Nippon Koku-Uchu Kogyokai)

¹⁸ Там же.

¹⁹ Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В.Михеева. М.: Московский центр Карнеги, 2005, с. 151-164, (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/72887.htm>).

²⁰ Россия и мир в начале XXI века: новые вызовы и новые возможности. Отв. ред. Н.А. Симония, А.И. Семенов, Г.Ю. Ознобищева. М.: Наука, 2007, с.102.

периодичностью, своевременно вскрывая планы потенциального противника, а также вести наблюдения за ракетной и ядерной программами в соседних странах. Эти изменения нашли свое отражение в политике в области национальной КП – в последние годы Китай, помимо очевидных прорывов в области гражданской космонавтики, в первую очередь, пилотируемой, также значительно активизировал усилия по созданию и развертыванию современных космических систем мониторинга, глобального позиционирования и наблюдения двойного и военного назначения. Нельзя не упомянуть и показательные испытания противоспутниковой системы, которые Китай осуществил в январе 2007 года, – впервые оказался нарушенным негласный мораторий на использование подобного оружия, объявленный США и СССР еще в годы «холодной войны».

В Японии и Индии в последние два года также произошли коренные изменения в политике в области космоса – результатом стал концептуальный пересмотр Токио и Нью-Дели места космических технологий в области национальной безопасности и отход от традиционно декларировавшейся политики исключительно гражданского космоса.

Последние годы ознаменовались резкой трансформацией политического курса Токио в области национальной обороны – в 2007 г. изменения, внесенные в девятую статью Конституции, позволили снять ограничения на развитие ВС, а также повысить статус УО Японии до полноценного министерства. Ранее в марте 2006 г. было проведено реформирование ОКНШ в объединенный штаб ВС с передачей ему функций полного оперативного руководства войсками. Все это свидетельствует о том, что Япония намерена существенно укрепить военный потенциал и влияние в регионе, что подтверждают дальнейшие шаги в этой области. В соответствии с принятой «Среднесрочной военной программой» «правительство Японии создаст многофункциональные, гибкие и эффективные ВС, способные быстро мобилизоваться, реагировать, приспособливаться и выполнять разнообразные задачи, оснащенные передовыми технологиями и разведывательными средствами, способными выполнять базовые задачи по отражению крупномасштабного вторжения».²¹

Принятый недавно «Основной закон о деятельности в космосе» позволил также впервые снять ограничения на использование космических средств в оборонных целях и размещение в космическом пространстве оборонных систем, учредить Министерство космического развития, а также поднять вопрос о создании спутниковой системы предупреждения о ракетном нападении, разработке малых КА в интересах военного ведомства и КА военной связи. Кроме того, в качестве приоритетной задачи было провозглашено расширение и укрепление стратегического партнерства с США, в первую очередь в сфере совместных разработки и создания национальной системы ПРО ТВД.

Военное руководство Индии также осуществляет серьезные преобразования в области создания военного космического потенциала и интеграции его в существующую структуру ВС. В июне 2008 г. было создано Интегрированное аэрокосмическое командование под эгидой Объединенного генштаба Индии, решение об учреждении которого было принято еще в 2004 г.²² Годом ранее ВВС Индии и Сухопутными силами были разработаны «Космическое видение – 2020» и концепция использования космоса в военных действиях, – первые подобные индийские документы, которые определяют стратегию и основные меры,

²¹ Mid-Term Defense Program (FY 2005-09), p.1.

²² См.: «Индия. О создании космического командования» // РКТ № 12, 2005, «Индия. О создании аэрокосмического командования» // РКТ № 51, 2005, стр. 8-9, «Индия. О создании аэрокосмического командования» // РКТ № 2, 2004, стр. 10.

необходимые для построения космического потенциала в области разведки, слежения, связи и навигации.

Таким образом, можно сделать вывод о повышении роли космических систем, интеграции их в структуру ВС, а также интенсификации военных разработок в этой области в исследуемых странах. В итоге, развитие космических систем военного и двойного назначения с учетом масштабной модернизации ВС, проводимой в настоящее время, будет способствовать к существенному повышению военной мощи Китая, Индии и Японии.

В четвертых, если сравнить стратегию развития КП и РКП Китая, Индии и Японии и остальных космических держав, можно отметить общую для всех трех стран характерную особенность – ориентированность на самодостаточность и автономность КД. Несмотря на определенную ограниченность масштабов, данные страны стремятся осваивать практически все направления ракетно-космических технологий (в том числе и такое сложное и дорогостоящее, как пилотируемая космонавтика), уже на современном этапе обладая возможностями по разработке и созданию практически всех видов РКТ.

И, наконец, в-пятых, анализируя место КД в национальных приоритетах развития Китая, Индии и Японии, трудно переоценить значение КД как одного из важнейших компонентов внешней политики, с точки зрения повышения национального престижа и усиления международных позиций. Так, для КНР победа в космосе стала впечатляющим подтверждением его возможности быть ведущей азиатской экономической и технологической державой, а значит занять то место, которое на протяжении десятилетий занимала Япония. Достижения в сфере КД становятся необходимым атрибутом крупной мировой державы, и разворачивающаяся сейчас азиатская «космическая гонка» только подтверждает это.

Итак, стремительное развитие РКП Китая, Индии и Японии, способствуя укреплению научно-технического и военно-экономического потенциала, создает новую ситуацию в Азиатском регионе, изменяя баланс сил, что настоятельно требует дальнейшего глубокого анализа.

Бабешко М.С.*

Военное сотрудничество России и Казахстана: двусторонний диалог и взаимодействие в рамках ОДКБ

Введение

Сохранение ключевой роли Российской Федерации на бывшем постсоветском пространстве, включая Центральную Азию, является одним из основных приоритетов современной политики Москвы. Реализация данной стратегической задачи напрямую связана с развитием Россией сотрудничества с центрально-азиатскими государствами в военной сфере, как в многостороннем, так и в двустороннем формате. В рамках данного доклада будет рассмотрена такая система взаимоотношений с ближайшим и наиболее сильным партнером РФ в Центральной Азии – Республикой Казахстан. При этом основной упор сделан на двусторонние отношения в области военного сотрудничества. Менее подробно рассмотрен вопрос взаимоотношений в рамках ОДКБ.

1. Основы для военного сотрудничества РФ и Казахстана: интересы в сфере безопасности и общая иерархия угроз.

1.1. Стратегические интересы России в сфере безопасности

Из общей совокупности геополитических, экономических и военных интересов Российской Федерации в Центральной Азии можно выделить следующие основные факторы, определяющие политику РФ в данном регионе в долгосрочной перспективе (которые, надо заметить, вместе с общей иерархией угроз для РФ и Казахстана, будут задавать и вектор в военном сотрудничестве двух стран в ближайшей перспективе).

- Центральная Азия играет ключевую роль в обеспечении безопасности южных границ РФ (в ряде источников ее называют «буферной зоной»); особое место отводится Республике Казахстан, общая протяженность границ с которой составляет 7598,6 км, что является самой протяженной сухопутной границей в мире.¹

- Особую значимость региона для России определяет желание России сохранить влияние на Каспии, необходимо отметить, что основным выходом на мировые рынки для казахстанских энергоресурсов является Россия. Последние годы Казахстан экспортирует около 85-88% добываемой нефти, это порядка 60 млн. тонн в год, из них 65-67% экспортируется с использованием российской системы нефтепроводов (КТК, «Атарау-Самара»). И, несмотря на ряд амбициозных проектов в области альтернативных РФ маршрутов транспортировки энергоресурсов, Россия все-таки остается основным партнером Казахстана в данной области. Предлагаемые проекты альтернативных маршрутов (в частности, трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан) являются очень капиталоемкими² в силу географических особенностей местностей пролегания, а, значит, менее рентабельными, что ставит под вопрос их скорую реализацию (особенно в условиях мирового финансового кризиса и резкого падения цен на нефть). Контроль над системой транспортировки ресурсов из Центральной Азии и обеспечение безопасности топливно-транспортной

---

* Бабешко Михаил Сергеевич – аспирант факультета мировой политики МГУ им. М.Ю.Ломоносова.

¹ Россия и Казахстан делимитировали самую протяженную границу в мире // LENTA.RU, 03.06.05, (<http://www.lenta.ru/news/2005/06/03/border1>)

² Я. Разумов. Ашхабад - Астана – Москва, далее - везде! // GAZETA.KZ, 25.12.07, (<http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=102142>).

инфраструктуры, сохранности инвестиций РФ в ТЭК Казахстана – одна из приоритетных задач РФ в регионе.

- Нельзя забывать, что территория стран Центральной Азии имеет огромное стратегическое значение для РФ, поскольку служит зоной базирования военных ресурсов для принятия соответствующих мер в случае возникновения в близлежащих регионах полномасштабных конфликтов, включая ядерные. Нарастание военного присутствия в Центральной Азии стало происходить с приходом на пост президента РФ В.В.Путина, когда руководство РФ в полной мере осознало стратегическую важность региона и риски, возникшие в связи с ослаблением позиций в Центральной Азии в 1990-е годы. На сегодняшний день, подразделения ВС РФ располагаются на территории следующих государств Центральной Азии. С 2006 г. на территории Узбекистана ВС РФ используется авиабаза Карши-Ханабад (с 2001 по 2005 гг. арендовалась США). Россия договорилась об аренде базы после вступления Узбекистана в ОДКБ 16 августа 2006 г.. В Таджикистане расположены: 201-ая мотострелковая дивизия ВС РФ (дислокация – Душанбе, Курган-Тюбе, Куляб); Оптико-электронный комплекс контроля космического пространства (ОЭК «Окно» («Нурек»)), позволяющий производить обнаружение, распознавание и вычисление орбит космических объектов в автоматическом режиме на высотах от 2 тыс. до 40 тыс. км. и размером более одного метра; комплекс также способен обслуживать и низкоорбитальные космические объекты с высотами полета от 120 до 2000 км. В сентябре 2003 г. Россия заключила договор с Киргизией о размещении в Канте авиационного подразделения в рамках Коллективных сил быстрого развертывания Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). На авиабазе Кант располагается около 500 российских военнослужащих, российские самолеты и вертолеты (Су-27, Су-25, Ил-76, Ми-8). На территории Казахстана находятся следующие военные объекты РФ: 5-й Государственный испытательный космодром (в составе Байконура), отдельный полк транспортной авиации ВВС РФ (Кустанай), отдельный радиотехнический узел Космических войск (Приозерск, полигон Сары-Шаган), государственный испытательный полигон Сары-Шаган, полигон средств стратегической ПВО и ПРО.

Также среди ключевых факторов, на которых базируется стратегия РФ в сфере безопасности является проживающее в регионе русское и русскоязычное население. И в этой связи Казахстан также является ключевым партнером для РФ, поскольку русскоязычное население Республики составляет 33% от общей численности населения.

1.2. Иерархия угроз

Необходимость для Казахстана развивать военное сотрудничество с Россией, ведущей военной державой региона, вызвана рядом геополитических и геостратегических причин. Среди них имеет смысл выделить следующие:

- огромная территория Казахстана, низкая плотность населения и большая протяженность границ (15 тыс. км);

- историческое расположение всех крупнейших территориально-производственных комплексов – по периферии, вблизи границ;

- резко выраженная региональная раздробленность.

Стоит также отметить проблемы, связанные с наркотрафиком из Афганистана (Казахстан является транзитной территорией в РФ), активизацией в Центральной Азии террористических и экстремистских организаций. Нельзя забывать и о том, что определенное опасение со стороны правящей элиты Казахстана вызывает экспансия НАТО в центральной Азии.

Все эти факторы являются катализаторами для военного сотрудничества РФ и Казахстана как в двустороннем, так и в многостороннем порядках.

2. Двустороннее военное сотрудничество России и Казахстана.

Вопросы двустороннего военного сотрудничества РФ и Республики Казахстан базируются на следующих основных документах в этой сфере:

-Договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» (заключен в мае 1992 г., предусматривает создание общего военно-стратегического пространства, совместное использование военных баз, полигонов и иных военных объектов в случае угрозы России или Казахстану);

-Декларация «О вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие» (от 6 июля 1998 г.);

-Договор «О военном сотрудничестве» (от 28 марта 1994);

-более 60 двусторонних документов и соглашений, подписанных с 1994 г. по 2008 год (в том числе, «Соглашение о совместном планировании применения войск (сил) в интересах обеспечения безопасности»).

В рамках подписанных соглашений деятельность по военному сотрудничеству между Россией и Республикой Казахстан ведется по ряду направлений. Наиболее значимыми из них являются проведение совместных учений и тренировок; использование военных объектов; взаимодействие по обеспечению безопасности внешних границ; подготовка военных кадров; военно-техническое сотрудничество.

2.1. Совместные учения и тренировки.

Для отработки алгоритма совместных действий ВС РФ и Казахстана на регулярной основе проводят совместные военные учения, в которых принимают участия подразделения российской и казахстанской армий.

Только в 2008 г. совместно были проведены 4 крупных совместных мероприятия. Во-первых, это «*Взаимодействие-2008*». В учениях приняли участие более 2 тысяч российских и казахстанских десантников, свыше 40 единиц самолетов и вертолетов, более 240 единиц боевой техники. Мероприятие проходило в июле 2008 г. в учебном центре сухопутных войск ВС Казахстана в поселке Гвардейский около Алма-Аты (легенда: в одном из южных государств в результате переворота к власти пришли экстремисты, вооруженные бандформирования вторглись на территорию Казахстана). Во-вторых, это «*Центр-2008*». В учениях было задействовано около 2 тыс. человек (среди них 700 – с казахской стороны), свыше 500 единиц боевой и специальной техники (танки Т-72, боевые бронированные машины, реактивные системы залпового огня "Град", самоходные артиллерийские установки «Гвоздика» и «Нона», бомбардировщики Су-24, истребители Су-27 и МиГ-31, а также вертолеты Ми-24 и Ми-8). Место проведения учений: общевойсковой 225-й полигон Приволжско-Уральского военного округа (ПУрВО). Легенда: условное государство, граничащее с Казахстаном, развязало агрессию, стремясь отторгнуть районы, богатые энергоресурсами, войска противника вторглись на территорию Казахстана на глубину до 60 км. В третьих, это «*Алдаспан-2008*» или «*Тяжелый боевой меч-2008*», которые прошли осенью 2008 г. в Алматинской области. В учениях приняли участие более 8 тыс. человек (из них 4 тыс. российские военнослужащие), 28 самолетов и вертолетов. Была привлечена российская стратегическая авиация (Ту-160). И, наконец, это учения «*Щит – 2008*», которые прошли на территории Казахстана в октябре 2008 г. В ходе учений отрабатывалась защита казахстанских объектов от авианалетов и возможных баллистических ракетных ударов. В маневрах были задействованы сверхточные виды вооружений,

системы С-300, ракетные комплексы «Бук» и «Тор», а также казахстанская группировка истребителей МиГ-31.

Характерным является тот факт, что во всех случаях отрабатывались сценарии защиты Казахстана от внешнего вторжения с участием российских войск, а учения «Центр-2008» были проведены после Кавказских событий августа 2008 г. и учитывали полученный в ходе этих событий опыт.

14 июля 2008 г. Министром обороны РФ и руководителем Министерства обороны Республики Казахстан был подписан Протокол, согласно которому стороны договорились о ежегодном проведении учений вплоть до 2011 г.

2.2. Использование военных объектов

Как уже отмечалось выше, на территории Казахстана расположены крупнейшие военные объекты бывшего СССР. Все эти объекты закреплены за РФ (как за арендатором) на основе двусторонних соглашений. Среди важнейших объектов особое внимание заслуживают, во-первых, 5-й Государственный испытательный полигон МО России (космодром «Байконур»), используемый для реализации российских пилотируемых программ - запуска крупных ракет типа «Союз» и «Протон». В 2005 г. правительство РФ приняло проект федеральной целевой программы «Развитие российских космодромов на 2006–2015 г.». Согласно данному проекту, Министерство обороны РФ должно отказаться от использования космодрома. В конце 2005 г. началась передача основных объектов МО РФ на Байконуре Федеральному космическому агентству России и администрации города. В настоящий момент завершается вывод военных с космодрома, затянувшийся в связи с отсутствием у сокращенных офицеров и прапорщиков жилья в России.³ Договор аренды космодрома был подписан Россией и Казахстаном 10 декабря 1994 г. сроком на 20 лет. В 2004 г срок аренды продлен до 2050 г. Стоимость аренды для РФ составляет 115 млн долл.⁴ Во-вторых, это 10-й Государственный испытательный полигон МО РФ (полигон «Сары-Шаган»). Площадь полигона составляет более 80 тыс. кв. км. Протяженность с севера на юг - более 250 км, с запада на восток - 600 км. Полигон предназначен для проведения испытаний зенитно-ракетных комплексов противоракетной и противовоздушной обороны, а также баллистических ракет стратегического назначения. Для этого создана специально оборудованная трасса «Капустин Яр - Сары-Шаган» (полигон «Капустин Яр» расположен в Астраханской области), по которой осуществляются пуски баллистических ракет.⁵ Стоимость аренды для РФ составляет 18,932 млн долл.⁶ В третьих, это 5580-я база обеспечения испытательных работ (бывший 11-й Государственный испытательный полигон МО России - полигон "Эмба"). Расположена на территории Актюбинской области Казахстана. Предназначен для проведения научно-исследовательских работ и испытаний образцов вооружений войсковой ПВО, а также проведения учебно-боевых стрельб. Стоимость аренды для РФ составляет 718 тыс. долл.⁷ В четвертых, это 929-й Государственный летно-испытательный центр Министерства обороны имени В.П.Чкалова. Самолеты, их оборудование и вооружение, средства наземного обслуживания и обеспечения полетов, а также беспилотные самолеты

³ В. Гундаров. Прощай, Байконур! // Независимое Военное Обозрение, № 34, 2008, (http://nvo.ng.ru/forces/2008-09-26/5_Baikonur.html).

⁴ Казахстан не собирается снижать арендную плату за Байконур // LENTA.RU, 01.11.2005, (<http://www.lenta.ru/news/2005/11/01/baikonur>)

⁵ Сары-Шаган. Казахстан помогает России совершенствовать свою противоракетную оборону // Информационное агентство «Фергана.ру», 13.11.07, (<http://www.ferghana.ru/article.php?id=5468>)

⁶ Россия сбила цену на аренду казахских полигонов // LENTA.RU, 27.10.2005, (<http://www.lenta.ru/news/2005/10/27/discount>)

⁷ Там же.

проходят здесь государственные, контрольные и специальные испытания. Имеются аэродром, авиаполигоны и радиополигон, многочисленные специализированные лаборатории и стенды, комплекс высотно-климатических и механических испытаний. За аренду объектов и боевых полей 929-го государственного летно-испытательного центра РФ платит ежегодно 4,5 млн. долл.⁸

2.3. Взаимодействие по обеспечению безопасности внешних границ

На основании соглашения, подписанного в 1995 г., Россия и Казахстан предпринимают совместные усилия по обеспечению безопасности казахстанской границы по внешнему периметру. Взаимодействие заключается в постоянном обмене информацией об обстановке, складывающейся на границе, в пунктах пропуска и по другим направлениям деятельности пограничных войск. Пограничные ведомства двух стран регулярно отрабатывают и проводят совместные специальные операции, нацеленные на выявление и пресечение каналов незаконного оборота наркотиков и нелегальной миграции, особенно в северной части Каспийского моря и на китайском направлении.

2.4. Военно-техническое сотрудничество.

После распада СССР Казахстану досталась большая часть технического парка и вооружений соединений и частей Среднеазиатского Военного Округа (СВО). Помимо этого, в 1992-1998 гг. РФ поставила Казахстану 10 истребителей Су-27, несколько МиГ-29 и штурмовиков Су-25, а также 3 зенитно-ракетных комплекса ПВО С-300 П (в качестве компенсации за вывод из республики на территорию России стратегического и тактического ядерного оружия).

Активизация процесса российско-казахского оборонного сотрудничества произошла в 1999-2000 гг. и была связана во многом с ростом угрозы в регионе со стороны движения «Талибан».

В феврале 2000 г. Государственная компания "Росвооружение" подписала генеральное соглашение с государственным предприятием "Казспецэкспорт", которым определены основные направления военно-технического сотрудничества, в том числе экспорт в Республику Казахстан российской продукции военного назначения в счет частичного погашения долга России за аренду космодрома Байконур.⁹

В январе 2001 г. была создана и стала функционировать двусторонняя комиссия по военно-техническому сотрудничеству. Россия начала поставлять Казахстану современное вооружение и военную технику, запасные части и комплектующие. С 1 января 2004 г. вступило в силу соглашение о льготных условиях продажи Казахстану продукции военного назначения по российским внутригосударственным ценам.

С 2000 по 2009 гг. были подписаны следующие соглашения на поставку вооружений и спецтехники:

1. Контракт на поставку 14 вертолетов Ми-17 (сумма контракта 63 млн. долл.). Подписан в 2003 г.
2. Контракт на поставку 80 бронетранспортеров БТР-80 (сумма контракта около 20 млн. долл., срок исполнения 2007-2008). Подписан в 2006 г.
3. Контракт на поставку по льготным ценам 12 вертолетов Ми-17 и легких АНСАТ. Подписан в 2006 г.
4. Контракт на ремонт и модернизация 10 самолетов МиГ-31, МиГ-29 и Су-25, составляющих основу авиационного парка ВВС Казахстана. Документы

⁸ Там же.

⁹ См.: <http://www.rian.ru/spravka/20061102/55322300.html>.

подписаны в августе 2007 г. на авиасалоне МАКС. Сумма контракта около 60 млн. долл.

5. Контракт на поставку для спецназа КНБ стрелкового оружия (сумма контракта превышает 750 тыс. долл.). Подписан в 2003 г.

6. В ближайшее время планируется поставить в Казахстан несколько дивизионов зенитных ракетных систем (ЗРС) С-300 ПМУ2 «Фаворит»

7. Также ожидается заключение контракта на поставку новейших ЗРС С-400 «Триумф».

Стоит отметить, что оборонный бюджет Казахстана составляет 1,22 млрд. долл., и является 3-м по размеру среди стран СНГ (после РФ и Украины). На часть этих денег может потенциально рассчитывать Российский ОПК. По этой причине расширение военно-технического сотрудничества с Казахстаном выгодно России не только в геополитическом, но и в экономическом смысле.

2.5. Подготовка военных кадров

Данный пункт является важнейшим аспектом военного сотрудничества России и Казахстана. Через систему подготовки казахстанских офицеров в военных вузах РФ обеспечивается военное влияние России на Казахстан. В процессе обучения формируется реальная ориентация на союзнические, стратегические взаимоотношения с РФ. В настоящее время в 43 российских военных вузах обучается около 800 казахстанских курсантов. А всего за последние 10 лет подготовку в РФ прошли 15 000 офицеров Республики Казахстан.¹⁰

Подготовка в военно-учебных заведениях РФ основана на Договоре «О военном сотрудничестве» и Соглашении стран-участников СНГ "О развитии сотрудничества в области подготовки военных кадров", подписанного 6 марта 1998 г. В рамках этих договоренностей обучение является бесплатным, а содержание военнослужащих осуществляется за счет направляющей стороны.

3. Сотрудничество РФ и Казахстана в рамках ОДКБ

ОДКБ – региональная организация. На сегодняшний день ее членами являются: Россия, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Одним из ключевых направлений деятельности ОДКБ является обеспечение военной безопасности стран участниц.

В 2008-2009 гг. было принято 3 стратегических решения в рамках блока: о создании коллективных сил быстрого реагирования, о создании единой системы ПВО, о льготных условиях поставок спецтехники и спецсредств для оснащения правоохранительных органов и спецслужб государств -членов ОДКБ (ратифицировано Госдумой РФ в марте 2009 г.).

Казахстан обладает одной из наиболее дееспособных армий в Центральной Азии и самой большой территорией среди центрально-азиатских государств участниц ОДКБ. В силу этих и ряда других причин Казахстану отводится особое место в ОДКБ.

3.1. Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР)

КСОР представляют собой совместные военные силы стран-участников ОДКБ. Предполагается, что КСОР будут в состоянии постоянной готовности для противодействия чрезвычайным ситуациям, а также военной агрессии, терроризму, организованной преступности и наркотрафику. Размещаться подразделения будут в

¹⁰ См.: Цыганок А. СНГ: ступени военной интеграции // Евразия, №47, апрель 2006, с. 29

местах постоянной дислокации, то есть останутся у себя дома. В мирное время подразделения КСОР подчиняются национальному командованию. В случае наступления момента выполнения свои союзнических обязательств, выделенные войска поступают в оперативное подчинение руководства ОДКБ. В состав КСОР не включены крупные бронетанковые, ракетные части, тяжелая бомбардировочная авиация.

Состав КСОР:

- РФ: 98-я гвардейская воздушно-десантная дивизия (Иваново), 31-я гвардейская десантно-штурмовая бригада (Ульяновск)

- Казахстан: десантно-штурмовая бригада

- Армения: 1 батальон

- Белоруссия: 1 батальон

- Киргизия: 1 батальон

- Таджикистан: 1 батальон

Таким образом, видно, что единственно ощутимый вклад в КСОР вносят именно РФ (порядка 8 000 человек) и Казахстан (3 000 человек). В сентябре 2009 г. КСОР проведут первые совместные учения на территории Казахстана.

3.2. Создание единой системы ПВО.

ОДКБ ведет переговоры по созданию системы ПВО в Центрально-Азиатском регионе. Система коллективной безопасности строится по региональному принципу. Уже созданы и функционируют две военные группировки: российско-белорусская и российско-армянская. Также создается группировка в Центрально-Азиатском регионе. Для их функционирования предлагается создание региональных систем связи, управления, разведки и др. В этом же ряду стоят планы создания региональных систем ПВО. Недавно Россия и Белоруссия подписали соглашение о создании единой системы ПВО. Это и есть первый шаг по пути создания таких региональных систем. Астана планирует закупить в России в 2009 г. десять дивизионов зенитно-ракетных комплексов С-300 после капитального ремонта и рассматривается вопрос о приобретении дивизионов С-400. Такой шаг позволит ускорить интеграцию Казахстана в ОДКБ.

Заключение

Итак, как мы видим, Россия и Казахстан ведут активный диалог в области военного сотрудничества. Причин на это у обоих государств немало: существуют как общие интересы в регионе, так и объективные общие угрозы.

Несмотря на «многовекторный» подход Казахстана к внешней политике, заинтересованность в расширении военного сотрудничества со странами Запада, и, в частности, с США и НАТО, Россия готова приложить все усилия для сохранения качественно высокого уровня военного сотрудничества с Казахстаном – историческим союзником и партнером РФ в Центральной Азии.

Штейнберг О.В.*
Дарфурский конфликт и региональная безопасность

Современные международные отношения характеризуются новыми вызовами и угрозами, среди которых, наряду с терроризмом и распространением оружия массового поражения, важное место занимает меняющийся характер межгосударственных и внутренних конфликтов.¹ Говоря об африканском регионе можно с уверенностью утверждать, что это один из основных очагов постоянной напряженности, где этнические и межгосударственные конфликты стали привычными.

Государство Судан нестабильно еще со времени обретения независимости в 1956 г. Поддерживаемое британцами во время колониального правления разделение страны на арабский Север и «черный» Юг, во многом усугубило противостояние двух группировок (пусть этнически неоднородных) в борьбе за власть на протяжении двадцати лет, что вылилось в продолжительную гражданскую войну между Севером и Югом.² Форма правления представляет собой военную диктатуру при определяющей религии – исламе.

Дарфур – область на западе Судана общей площадью более 500 000 кв. км. Развитие современного конфликта в Дарфуре началось в 2003 г., когда в регионе вспыхнуло вооруженное восстание местных движений из представителей негроидного населения (Движение освобождения Судана и Движение за справедливость и равенство)³ против центрального правительства в Хартуме. Поводом к восстанию послужило соглашение о разделе сфер влияния по добыче нефти между правительством в Хартуме и повстанцами на юге Судана.

Не имея возможности подавить сопротивление народных масс, правительство прибегло к насильственным мерам. Имеющиеся материалы и различные источники показывают, что, столкнувшись с военной угрозой со стороны двух вышеупомянутых повстанческих движений, а также с серьезной нехваткой вооруженных сил в Дарфуре, правительство Судана обратилось к местным арабским племенам за помощью в борьбе с повстанцами.⁴ Тем самым оно стало эксплуатировать в своих интересах напряженность, которая существовала между различными племенами. Большинство арабских кочевых племен, у которых не было традиционных общинных земель и которые хотели стать оседлыми племенами, особенно в условиях надвигающегося опустынивания, откликнулось на этот призыв. Эти новые «рекруты» и стали формированием, которое мирные жители впоследствии назвали «Джанджавид».⁵ Таким образом, в Дарфурском конфликте существуют следующие стороны: правительство Судана и отряды «Джанджавид», с одной стороны, и Движение освобождения Судана, Движение за справедливость и равенство и другие более мелкие группировки, с другой.

---

* Штейнберг Оксана Валерьевна – аспирант факультета мировой политики МГУ им. М.Ю.Ломоносова.

¹ См. например: Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. – A/59/565. — <http://www.un.org/russian/secureworld/a59-565.pdf>.

² См. например: Meyer G, Nicholls J. War and faith in Sudan. – Wm. B. Eerdmans Publishing, 2005.; Douglas Hamilton Johnson. The Root Causes of Sudan's Civil Wars. – Indiana University Press, 2003.

³ Feinstein, L. Darfur and Beyond: what is needed to prevent mass atrocities. – Council on Foreign Relations., 2007 – P.38.

⁴ Доклад Международной следственной комиссии по Дарфуру Генеральному секретарю. — S/2005/60. – С. 21-32.

⁵ Там же.

Дарфурский конфликт, который, по некоторым данным, с 2003 г. унес жизни 200 000 мирных людей,⁶ а три из шести миллионов жителей провинции заставил оказаться в положении внутренне перемещенных лиц или беженцев,⁷ стал следствием определенных причин. Основные из них представляется правильным объединить в несколько групп.

Внешние причины – исторические, связанные с колонизацией, в частности: использование колониальными властями различий между этническими группами; вмешательство со стороны соседних государств и великих держав, а также многонациональных компаний, которое осуществляется прямым или косвенным образом в силу причин экономического характера или с целью оказания поддержки одной из сторон. Желание иностранных государств получить доступ к природным богатствам – нефти, газу и другим ресурсам – мотивировало иностранное вмешательство и даже развязывание конфликта в других африканских странах: Конго (война в Катанге 1960-1965 гг.), Анголе, Либерии и Сьерра-Леоне.⁸ Особенностью Дарфурского конфликта является то, что свои интересы пытаются реализовать местные политические группировки, которые опираются на поддержку зарубежных стран.

Следует заметить, что запасы нефти, впервые обнаруженные в стране в 1978 году, насчитывали 1,6 млрд. баррелей.⁹ В силу нестабильности положения в Дарфуре и в Судане в целом, на протяжении второй половины XX века многие западные компании предпочли покинуть этот богатый ресурсами нефтегазовый рынок. Китайская национальная нефтяная компания (КНФК) оставалась одним из немногих игроков, ведущих разведку месторождений на юге Судана, и, по некоторым данным, вложила в этот регион до 15 млрд. долл.¹⁰ 6-8 % экспортируемой нефти, которую потребляет растущая китайская экономика, приходится на Судан. Совместно с его правительством КНФК владеет сетью нефтеперерабатывающих заводов на юге страны и вблизи Хартума. В конце XX – начале XXI вв. китайскими разведывательными группами были обнаружены новые богатые нефтегазовые месторождения в Южном Дарфуре. Американская администрация заинтересована в освоении африканских нефтяных рынков с помощью нефтяных гигантов Chevron и ExxonMobil.¹¹ В связи с вышесказанным, обоснованным выглядит мнение, согласно которому за конфликтом в этой части Африки скрывается борьба за ресурсы между Китаем и США.¹² Звучащие в этой связи призывы Вашингтона прекратить нарушение прав человека со стороны правительства Хартума путем смены правящего режима, могут скрывать истинные намерения в получении контроля над суданской нефтью.

Другая группа причин конфликта имеет внутрисуданское происхождение. Сюда относятся: соперничество между кланами элиты в борьбе за захват власти и те выгоды, которые она дает; последствия экономических трудностей в результате длительной гражданской войны, мешающие

⁶ Xavier, J. Darfur: African Genocide. – The Rosen Publishing Group, 2007, p. 5.

⁷ Feinstein, L. Darfur and Beyond: what is needed to prevent mass atrocities. – Council on Foreign Relations., 2007, p. 12.

⁸ Поликанов Д.В. Конфликты в Африке и деятельность международных организаций по их урегулированию. М.: ИА РАН, 1999, с.14.

⁹ Горбачев В. Дарфур: игра за кулисами. Кому выгоден конфликт в Судане // Единое отечество. – 07.09.2007.— <http://www.otechestvo.org.ua/main/20079/712.htm>.

¹⁰ Engdah, F. William. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. – Pluto Press., 2004— <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/11519>.

¹¹ Engdahl, F William. Darfur? It's oil, stupid!- May 20, 2007. – http://www.engdahl.oilgeopolitics.net/Geopolitics__Eurasia/Oil_in_Africa/oil_in_africa.html.

¹² См. например: William S. Clark. Petrodollar warfare: oil, Iraq and the future of the dollar.— New Society Publishers 2005.; F. William Engdah. A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. –Pluto Press., 2004.

распределению благ.¹³ В Дарфурском конфликте стороны ведут борьбу за территории и природные богатства, чтобы упрочить свои позиции, укрепить суверенитет, использовать эти ресурсы для решения проблем социально-экономического характера в пользу своей этно-конфессиональной группы.

Кроме того, африканские государства – это во многом государства, которые не прошли этап институционально-правового становления. В силу этого, правительство не всегда было способно к эффективному гражданскому управлению, гарантирующему стабильность и правопорядок. Данное утверждение может быть применено к Судану в наибольшей мере, если взять во внимание многолетнюю гражданскую войну между Севером и Югом, нестабильные гражданские институты, авторитарный характер правления.

Усугубление ситуации вокруг Дарфура в 2003 г. привлекло внимание международного сообщества. В разное время посредниками в урегулировании конфликта выступали: Организация Объединенных Наций (ООН), Африканский союз (АС), Межправительственный орган по развитию,¹⁴ приграничные страны.

Одним из первых тревогу забили Лига арабских государств и африканские делегаты ООН. В начале 2004 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан предупредил мировое сообщество о серьезных последствиях, к которым может привести дальнейшая эскалация Дарфурского конфликта и невмешательство во внутренние дела страны в условиях продолжающихся этнических чисток мирного населения.¹⁵

В своей резолюции № 1556 (2004 г.) Совет Безопасности ООН призвал правительство Судана приступить к политическим переговорам с повстанцами.¹⁶ В 2004-2005 гг. по итогам переговоров был подписан ряд протоколов о прекращении огня и нормализации гуманитарной ситуации в Дарфуре, которые, однако, не удалось реализовать. Одновременно ООН были организованы миссии по наблюдению за соблюдением прав человека и гуманитарной ситуацией в регионе. Критике со стороны ООН и западных держав подвергались как повстанческие группы, так и официальное правительство Хартума, в частности, за участие спонсируемых им отрядов «Джанджавид» в истреблении мирного населения и этнических чистках.¹⁷

В многосторонний механизм урегулирования конфликта была вовлечена региональная организация – Африканский союз, который, однако, в сентябре 2005 г. был вынужден сообщить об очередном провале мирных переговоров.

5 мая 2006 г. при посредничестве международного сообщества в городе Абуджа (Нигерия) между центральным правительством Судана и Движением освобождения Судана состоялось подписание мирного соглашения по Дарфуру. В Соглашении нашли отражение четыре группы вопросов: о разделе власти, разделе ресурсов, соглашении о прекращении огня и укреплении безопасности, а также диалог между сторонами Дарфурского конфликта на территории этой провинции.¹⁸ Соглашение по Дарфуру, однако, не привело к отказу от насилия и прекращению

¹³ См: Доклад семинара экспертов по предупреждению этнических и расовых конфликтов в Африке. – A/CONF.189/PC.2/4. – 4-6 октября 2000 года.

¹⁴ Межправительственный орган по развитию – это региональная структура, состоящая из семи стран Африки, чья деятельность направлена на урегулирование конфликтов в Сомали и Судане.

¹⁵ UN Secretary General Kofi Annan's Action plan to Prevent Genocide. 07/04/2004., (<http://www.preventgenocide.org/prevent/UNdocs/KofiAnnansActionPlanToPreventGenocide7Apr2004.htm>).

¹⁶ Резолюция S/RES/1556 (2004) Совета Безопасности ООН. – <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2004/res1556.htm>.

¹⁷ См. например: Totten S., Markusen E. Genocide in Darfur: Investigating the Atrocities in the Sudan. – CRC Press, 2006.

¹⁸ Darfur Peace Agreement – <http://allafrica.com/peaceafrica/resources/view/00010926.pdf>.

столкновений хотя бы в силу того, что не все стороны конфликта пошли на его подписание (в частности, Движение за справедливость и равенство).

Понимая невозможность урегулирования ситуации без вмешательства международных сил, в 2006 г. Совбез ООН выдвинул предложение об утверждении на территории Дарфура международной миротворческой миссии. Согласно резолюции Совбеза № 1769 была создана первая совместная миссия ООН и АС в Дарфуре – ЮНАМИД.¹⁹ ЮНАМИД рассматриваемая изначально как африканская, была дополнена представителями стран Евросоюза и Азии и теперь включает в себя около 20 000 миротворцев. На сегодняшний день ЮНАМИД является самой дорогой операцией ООН с бюджетом в 1,5 млрд. долл.²⁰

Задачи ЮНАМИД вытекают из ее мандата, и могут быть систематизированы в следующие четыре группы:

1) поддержка мирного процесса и добрые услуги на основе взаимодействия ООН с АС;

2) безопасность, включающая в себя создание и патрулирование буферных зон по всей территории Дарфура, развертывание полицейских подразделений, отслеживание и расследование случаев нарушения Мирного соглашения по Дарфуру и другие упреждающие действия, обеспечение свободного передвижения сотрудников гуманитарных миссий и доступа в необходимые районы;

3) верховенство права, государственное управление и права человека, в том числе гендерное равноправие и ответственность за нарушение фундаментальных прав граждан;

4) гуманитарная помощь мирному населению.²¹

Официальный Хартум выступает против функционирования миротворческой миссии на территории Дарфура, считая такое иностранное вмешательство нарушением территориальной целостности страны согласно п. 4 ст. 2 Устава ООН.²² Хотя столкновения между повстанцами и правительством, и вовлечение новых субъектов вызывают крайнюю озабоченность мирового сообщества, ЮНАМИД в большей степени пытается противостоять нападениям на мирное население.

Со времени развертывания миротворческой миссии из Дарфура в соседние страны не прекращается поток беженцев, появляются новые свидетельства о преступлениях против человечности и геноциде, растут призывы к гуманитарной интервенции и «ответственности за защиту»²³ мирного населения в этих областях. Привлечение внимания общественности не привело к значительным улучшениям. Деятельность мирового сообщества, в частности, международных организаций, призвана оказать всестороннюю помощь мирному населению.

Проведя предварительное расследование военных преступлений, совершаемых на территории Дарфура, Международный уголовный суд 4 марта 2009 года выдал первый в истории ордер на арест действующего главы государства – президента Судана Омар Аль Башира. Основные обвинения в адрес Аль Башира

¹⁹ ЮНАМИД происходит от английского названия операции – African Union/United Nations Hybrid operation in Darfur.

²⁰ Административные и бюджетные аспекты финансирования операций Организации Объединенных Наций по поддержанию мира.-А/С.5/62/30.-11.06.2008.

²¹ Доклад Генерального Секретаря и председателя Комиссии Африканского союза – S/2007/307/Rev.1. –

<http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/369/70/PDF/N0736970.pdf?OpenElement>.

²² Устав Организации Объединенных Наций: [межд. документ: принят 26 июня 1946 года: по состоянию на 20 декабря 1965 года]. – <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/charter.htm>.

²³ О концепции «ответственности за защиту» см. например: The responsibility to protect: report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. – International Development Research Centre, 2001.

сводятся к преступлениям против человечности и геноциду. Такие действия имели место, по мнению прокурора, во время атак суданской милиции и отрядов «Джанджавид» против мирного населения в Дарфуре с 2003 г.

Конфликт оказал влияние на региональную безопасность. В результате его продолжительности и сложной этнической составляющей часть беженцев была вынуждена бежать в соседние с Дарфуром Чад и Центральноафриканскую Республику (ЦАР). Такая интернационализация Дарфурского конфликта вызвала озабоченность мирового сообщества, имеющего традиционные геополитические интересы в Чаде и ЦАР.

Современная гражданская война в Чаде началась в декабре 2005 г. Основными противоборствующими сторонами были правительство Чада и чадские вооруженные группировки. Параллельно с правительственным кризисом и борьбой повстанцев, к 2004 г. участились набеги боевиков отрядов «Джанджавид» на приграничные территории Чада с целью получения продовольствия и захвата скота (ЧАД занимает первое место в Центральной Африке по поголовью скота). К тому времени, более 200 000 беженцев из Дарфура уже поселились на территории Чада.

В связи с большим притоком населения из Дарфура, власти Чада неоднократно обвиняли официальный Хартум в нарушении государственных границ и попытках перебросить войну из Дарфура в Чад. Приграничные территории Дарфура и Чада с тех пор стали ареной противостояния вооруженных боевиков из обеих стран. Кроме того, весомую поддержку президенту Чада оказывает Франция, так как именно с этой страной Чад исторически имеет наиболее тесные торгово-экономические связи. Как видно, происходит столкновение международных игроков в странах третьего мира, что дает повод говорить о «новом колониализме».

В 2004 г. с восстания «Союза демократических сил во имя единства» началась гражданская война в ЦАР²⁴, второй стране, наиболее тесно ощутившей на себе последствия Дарфурского конфликта. По утверждению правительства ЦАР, Союз и другие воюющие группировки получают поддержку от правительства Судана и боевиков «Джанджавид».

В ответ на растущую нестабильность в регионе Совбез ООН своей резолюцией № 1778 от 25 сентября 2007 г. одобрил развертывание в Чаде и ЦАР, совместно с ЕС, многокомпонентного присутствия для содействия созданию условий безопасности, способствующих возвращению беженцев и перемещенных лиц в родные места. Совбез постановил, что многокомпонентное присутствие будет включать в себя миссию ООН в ЦАР и Чаде (МИНУРКАТ). Мандат МИНУРКАТ осуществляет по линии обеспечения безопасности и соблюдения прав человека совместно с ЕС, АС, Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), Многонациональными силами Центральноафриканского экономического и валютного сообщества (ФОМУК).

Обеспечение безопасности в треугольнике Дарфур – Чад - ЦАР осуществляют наряду с ООН и АС международные неправительственные организации. «Врачи без границ», «Хьюман Райтс Вотч», «Международная амнистия» следят за положением беженцев и внутренне перемещенных лиц в Дарфуре и прилегающих территориях. Ситуация для деятельности этих структур осложняется объективными причинами: отсутствием питьевой воды, ужасающими условиями жизни людей и эпидемиями, а также субъективными. Нападения вооруженных отрядов «Джанджавид» на сотрудников гуманитарных организаций в связи с обвинениями в сотрудничестве с

---

²⁴ Война получила название «кустарной» из-за того, что большие группы мирного населения, по разным подсчетам, до 200 тыс. чел., потеряли жилье и прячутся сегодня в кустах и лесных массивах ЦАР. См. например: State of Anarchy: Rebellion and Abuses against Civilians. Executive Summary. – <http://www.hrw.org/reports/2007/car0907/2.htm>.

западными странами привело к началу 2009 г. к свертыванию присутствия в Дарфуре многих ключевых гуманитарных доноров.

Налицо ситуация, когда региональная безопасность центральноафриканского региона оказалась напрямую зависима от локального конфликта. Верно было бы утверждать, что внутренний конфликт вырвался наружу в тот момент, когда политическая система страны переживала кризис, а также одновременно подпитывалась наличием международных (интернациональных) компонентов в одной из государственных составляющих, в его институтах и структурах.

В результате, Дарфурский конфликт не только не урегулирован, но полностью ослабил всю Центральную Африку. Угрозу региональной безопасности представило слабое государство, противоречия внутри которого не могли быть подавлены извне. Также отсутствовал иной сильный региональный игрок, который мог бы подавить или вступить в равный ресурсный бой с правительством Судана. Находясь в хаотичных межгосударственных отношениях, страны региона опираются на помощь богатых, но отдаленных европейских или азиатских держав.

Говоря о перспективах урегулирования конфликта, или первичной стабилизации в регионе, следует сказать о возрастающем внимании международного сообщества к данному конфликту. Преследуя различного рода интересы, государства и организации направляют своих представителей и посланников в Дарфур, что позволяет надеяться на возможное снижение напряженности в регионе и облегчение жизни местного населения.